

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 1-2-3/92

ISSN 0131-2812

Российский открытый университет
— спонсор журнала

Δ

Дж. Фулбрайт.
У истоков нового мышления

Δ

Как делать бизнес в России

Δ

«Евразийская» концепция

Δ

Диалог Сталина
с Мао Цзэдуном

Δ

С Новым годом
— годом Обезьяны!

Китайский гороскоп

- 1-ей 923

Уважаемые подписчики!

В связи с подорожавшим всех периодических изданий цена одного номера журнала «Проблемы Дальнего Востока» возросла с 1 руб. 40 коп. до 8 руб. 40 коп. Деньги, собранные за подписку на 1992 г., покрывают выпуск только одного объединенного «1-3» номера журнала. Желающие получить «ПДВ» с 4-го номера приглашаются заново оформить подписку в почтовых отделениях связи. Подписная форма публикуется в конце журнала.

Если Вы успеете оформить подписку до 25 мая, то получите номера 4, 5, 6 за 1992 г. В свою очередь редакция делает все от нее зависящее, чтобы оправдать ваши возросшие читательские запросы.

В ближайших номерах «ПДВ» мы публикуем материалы по следующим темам:

— Боевые искусства стран Дальнего Востока: ушу, тхэквон, айкидо — история, мастера, иллюстрированные методики. Журнал намерен стать трибуной Российской Федерации ушу и публиковать подробную информацию о ее планах, работе, мероприятиях.

— В «Клубе Конфуция» вас ожидают встречи с древнекитайскими и японскими мудрецами, с современными китайскими философами и мыслителями, исследователями буддизма и даосизма, китайского зрса.

— «Музей традиций и обычаев» познакомит вас с уникальными подробностями жизни, быта, религии восточных народов, с секретами китайской и тибетской медицины, цигун-терапии, с предсказателями.

— «Тайное становится явным». В этой рубрике мы продолжим публикации о японских планах покушения на Сталина, о разведчике Рихарде Зорге и агентах ГПУ в Китае, о российской эмиграции на Дальнем Востоке, о трагедии белого похода Пепеляева и т.д.

Подписной индекс «Проблем Дальнего Востока» — 70758

Цена одного номера — 8 руб. 40 коп.

Стоимость подписки на номера 4, 5, 6 — 25 руб. 20 коп.

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

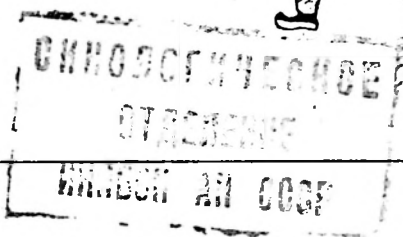
1-2-3/92

Научный и общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год
на русском и английском языках

Издается с марта 1972 г.

Москва
«Прогресс»

Слово к читателю

Л. Д. Сухарчук. О востоковедческом направлении Российского открытого университета

9

Научная жизнь

В. Б. Воронцов. Дж. У. Фулбрайт: у истоков нового мышления
Институт имени Фулбрайта в США

15
32

Российский Дальний Восток

Дж. Мак-Пик (США). Как делать бизнес в России: «Идите и делайте!»
В. П. Караваев. И все же инвестируйте в России...
В. А. Савин. Эффективность экспорта: как ее рассчитывать?

34
36
41

Диалоги и дискуссии

М. А. Мурадян. «Евразийская» концепция — модель общественного развития
России?

49

Прогноз политической погоды

В. В. Стефашин. Варианты развития военно-политической ситуации на Дальнем Востоке

61

Бизнес-клуб

Господин Сон не теряет оптимизма. Интервью Генерального директора КОТРА
Л. Б. Вардомский. Благовещенск — Хэйхэ: приграничное сотрудничество

70
72

История и современность

- Диалог Сталина с Мао Цзэдуном (продолжение) 77
П.П.Балакшин. Смутное время Китая (Вступление и публикация Г.В.Мелихова) 92

Исторические эскизы

- В.Г.Гузанов. Чжо Чжо-сан—русская версия-быль 116

Прошлое: голос очевидца

- С.Р.Белюсов. Дважды перевербован (продолжение) 131

Музей традиций и обычаев

- А.А.Маслов. У врат ушу: мастера, ученики, школы 152
Цай Цзюнь. Советы начинающим поклонникам цигун 162
Китайский гороскоп 166

Сообщения и публикации

- В.П.Петров. Русский Шанхай (окончание) 168
Л.Фомина. Рожденный под звездой российской 182
С.Н.Гончаренко. Будущее Китая в оценке ученых мира 187
ПАМЯТИ ДЖ.К.ФЭРБЭНКА 190

Учредители: Российская академия наук
Институт Дальнего Востока и Редакция журнала

Точка зрения авторов статей, публикуемых в журнале, не обязательно соответствует позиции редакции

Адрес редакции:
Москва, 117848,
ул.Красикова, 27,
тел. 124-09-04

Редакционная коллегия:

В.В.Воронцов (главный редактор), В.И.Глушин, А.М.Григорьев,
А.П.Деревянко, В.Н.Кашин, А.П.Морозов, С.Н.Морозов,
В.С.Мясников, А.А.Мурадян, Л.С.Переломов, Д.В.Петров,
В.Я.Портяков, С.С.Разов, И.А.Рогачев, Б.Л.Рифтин, А.И.Сенаторов,
Б.Н.Славинский (зам.главного редактора), В.Ф.Сорокин,
Г.Д.Сухарчук, М.Л.Титаренко, Н.С.Тихонов (ответственный секретарь)

© Издательство
«Прогресс»,
Проблемы
Дальнего Востока,
1992

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

В.Воронцов

Оно, наше слово к читателю, сегодня особенно тревожно. Мы обращаемся к вам, дорогие читатели, в тяжелое для России время, когда крушение привычных, казалось бы, стереотипов сознания, ломка сложившихся за многие годы государственных и общественных структур проверяют на выживаемость не только физическую, но прежде всего духовную сущность подошедшего к рубежу тысячелетия поколения россиян. Мы черпаем вместе с вами надежду (упаси Бог потешить ее) в познании накопленного человеком, независимо от его цвета кожи и вероисповедания, многовекового опыта, великого культурного наследия ушедших в прошлое, но оставивших неизгладимый след цивилизаций. Высокопарно? Да! Но от всей души. Сейчас, когда, словно в эпоху первоначального накопления капитала, нашу общественную жизнь начинают накалять биржевые страсти, когда героем дня нередко выступает маклер и воспитанный за годы «социальности» корабейник, мы искренне тревожимся, поверьте, за сохранность духовных ценностей переживающего глубокий кризис общества, думаем о своем месте в мучительном поиске путей к выживанию.

1992 год принес журналу новые и, пожалуй, неизвестные нам доселе испытания. Мы долго боролись за то, чтобы финансирование по академической линии (в нормальном обществе это обычное явление) как-то нейтрализовало влияние рынка на стоимость нашего издания. Но коэффициент бесхозяйственности в издательском деле, как, естественно, и в других, связанных с просвещением, академической жизнью делах, оказался настолько высок, что порой терялось самое главное — вера в возможность устоять перед обрушившейся на наши головы рыночной стихией, выжить в условиях невиданного удорожания бумаги, полиграфических услуг, средств доставки. В начале года Отделение экономики Российской академии выделило нам небольшие средства, которые, к сожалению, не покрывают растущие убытки. Остается надежда на спонсоров. Первым из них выступил Российский открытый университет (РОУ). В этом номере мы публикуем материалы РОУ, отрывки из выходящей под грифом этого университета книги. И конечно, редакция смогла опереться на нашу издательскую базу — «Прогресс», связанные с «ПДВ» подразделения которого всегда делили с нами и успехи и неудачи. И, конечно же, незаменимым представляется нам совместное русско-китайское издание «Цигун и спорт». Трудно переоценить вклад в дело «ПДВ» наших партнеров из Республики Корея, осуществляемый в рамках редакции перевод журнала «Сеул» — важная часть нашей работы. Спасибо вам всем, спонсорам и партнерам.

Наша особая благодарность обращена к читателю. До последнего времени основной наш читатель оставался, если судить по тиражу, по многочисленным откликам, с нами. Мы надеемся и на продолжение общения «ПДВ» с постоянной читательской аудиторией, хотя рынок и диктует нам свои жесткие условия. Расходы, конечно, для читателя будут, возможно, высокие, но если учесть, что цена за один номер некоторых газет повышается до 3 и 5 руб., а журналов в несколько раз больше, то цена «ПДВ» выглядит на общем фоне

умеренной. Пусть это будет хотя бы небольшим утешением для желающих приобрести наш журнал.

Мы, как и наши коллеги иных академических изданий, ищем и находим свое место в условиях драматического своим накалом, социальным напряжением перехода к непривычным для нашего общества формам экономической деятельности, строительства новой государственности.

Россия ведет мучительный поиск путей к выживанию, собирает под свое многоцветное знамя энтузиастов, желающих обновления, жизни нормальной для себя и для своих потомков. Мечта об обществе справедливом, о достойной человека жизни всегда казалась людям возвышенной и прекрасной. Не раз в истории подобная мечта пыталась иллюзии революционеров, шедших ради нее на плаху, в тюремные казематы. И не раз после грома победных литавр — будь то в Англии середины XVII в., во Франции в конце XVIII в., в России и в Китае уже в наше время — умы и сердца мыслящих представителей рождавшихся в результате крупных политических потрясений новых, но в основном на старом социальном фундаменте обществ тревожили вопросы: а стоило ли? А нужно ли было политикам ввергать общество в пучину междоусобных, кровавых схваток? Но диалектическое развитие истории, поражающее как величественными свершениями, так и глубочайшим драматизмом, не находится под преимущественным воздействием энергии и интеллекта политиков — пусть даже выдающихся, — а определяется взаимодействием различных факторов экономического, социально-политического, психологического и других свойств. И когда говорят: вот человек, который изменил мир либо внедрил новое мышление в практику мирового общения, то невольно уходит, как представляется автору, от реального восприятия действительности, поддаются в большей мере эмоциям, нежели внимают холодному рассудку, столь необходимому при политологическом подходе. Новое мышление! Оно не могло появиться вот так, вдруг, сразу, осеняя того или иного политика, тем более ученого, и, пробудив от феодальной спячки общество, повести прозревших к нормальной человеческой жизни. Новый взгляд на мир родился в послевоенное лихолетье, когда реалистически мыслящие ученые и политики — об одном из них, Джеймсе Уильяме Фулбрайте, мы рассказываем в этом номере, — будучи посвященными в тайна я ядерного оружия, прониклись тревогой за будущее мира, стали акцентировать свое внимание на проблемах общечеловеческих, решение которых связано с необходимостью отказа от военного противостояния, признания открытости общества, обеспечения прав человека, с развитием рыночных отношений.

Какое место нашего журнала на новых, довольно драматических для большинства нашего народа ступенях российской истории?

Прежде всего журнал нацелен на содействие созданию благоприятного внутри- и международно-политического климата между Россией и ее дальневосточными соседями. Отсюда и желание редакционного коллектива приблизить содержание, да и само название журнала к жизненно важной для всех нас теме. Наши нововведения не исключают, а, напротив, предполагают появление на страницах «ПДВ» различных, порой противоположных, точек зрения по тем или иным вопросам. Деловые и научные дискуссии вокруг проблем собственности, приватизации, становления рыночных механизмов как в России, так и в соседних с ней дальневосточных государствах, прежде всего в Китае. Но не подумай, ради Бога, дорогой читатель, что, обращаясь к столь актуальной тематике, мы хотим лишний раз подчеркнуть

необходимость учиться исключительно у наших зарубежных партнеров. Нет, отход нет! Стрелительство новых государственных и рыночных структур в России — дело народа российский, успех которого в наш век политической и экономической взаимозависимости, разгула националистических страстей немислм без шета собственного, уж слишком драматического прошлого (к великому сожалению нашему, история не всегда нас учит — и это тоже исторический опыт!), без знакомства с ошибками, нередко приводившими и нашу страну, и ее соседей к трагическим последствиям.

Наш журнал, выходящий на русском языке и предназначенный прежде всего для читателей в России, не впервые обращается к сугубо российской тематике. Мы вместе с сибиряками и дальневосточниками сопереживали ужасающие по своей нелепости и бесполозности акции, предпринятые в свое время в рамках широко разрекламированной, но мертворожденной программы развития дальневосточных районов Союза. Журнал поддерживал усилия дальневосточников по координации деятельности краев и областей Дальнего Востока, предоставлял свои страницы Дальневосточной ассоциации, ее представителям — политикам и бизнесменам, — что намерен делать и впредь.

Каким путем будут восстановлены разрушенные в условиях жесточайшего кризиса хозяйственные связи между дальневосточными и остальными регионами страны? Как будет формироваться социальная, структурная, инвестиционная и экологическая политика в восточных районах России? Как будут претворяться в жизнь идеи дальневосточного регионализма, новая концепция экономического и социального развития Дальнего Востока? Для нашего читателя, не безразлично относящегося к судьбам страны, несомненно, будут представлять интерес материалы о деятельности Ассоциации дальневосточных Советов народных депутатов, о судьбе идеи общерегионального парламента, об основных принципах государственной политики в отношении региона и т.д. Авторы «ПДВ» будут искать ответы на эти и другие, подобного рода вопросы. Мы надеемся, другие дальневосточники, увидев и вас в качестве активных участников дискуссий по экономической и общественно-политической тематике.

Мы особенно, от души признательны тем нашим друзьям и читателям, которые старались — в меру сил — дать рекламу «ПДВ». Дорогие коллеги из г. Дальнереченска (Приморского края), вы до глубины души тронули нас, когда не по приказу свыше, на чем воспитывались мы десятки лет, а по собственному разумению решили познакомиться своего читателя с нашим журналом, посоветовали ему подписаться на него.

Мы хотим, как и прежде, уделять внимание хозяйственной жизни на российском Дальнем Востоке, в значительной мере деловым связям этого региона с торгово-экономическими кругами соседних стран. Готовность стать спонсором по этой тематике проявила Хабаровская ассоциация краев и областей Дальнего Востока. Сегодня, в 1-м номере, мы публикуем подготовленный американским предпринимателем Джеймсом Мак-Пиком специально для нас материал. Его автор нашел, в отличие от многих своих коллег, возможность преодолеть те завалы, которые были задвинуты местной бюрократией на пути международного предпринимательства. Мы хотим, чтобы материалы, знакомящие читателя с опытом зарубежных предпринимателей в нашей стране, как можно чаще появлялись на страницах журнала.

Сейчас, когда в нашей стране осуществляется переход к рынку, угроза потерять работу нависает над многими миллионами наших соотечественников. Обо-

стряются социальные проблемы. Есть опасность скачкообразного роста социальной напряженности. Все эти вопросы, естественно, будут находиться в поле нашего зрения. Мы постараемся привлечь к ним внимание со стороны специалистов, знакомых с проблемами разработки крупных государственных программ по обеспечению социальных гарантий для населения в условиях переходного к рынку периода. В частности, позитивный опыт реализации таких программ накоплен у наших дальневосточных соседей. Он будет небезынтересен для наших читателей.

В отличие от прошлых лет мы постараемся систематически, в каждом номере знакомить наших читателей с мнением и взглядами парламентариев, представителей отечественного и зарубежного делового мира, крупных политических и общественных деятелей по самым различным вопросам экономики и политики. Надеемся, что рубрика «Наши интервью» вам понравится. В первом номере мы представляем интервью с представителями объединения южнокорейских бизнесменов в нашей стране «КОТРА».

Полагаем, что немалый интерес вызовет и наша новая рубрика «Прогноз политической погоды». Здесь мы будем давать материалы прогнозного характера по вопросам международной политики в регионе, экономического и политического развития отдельных стран. В первом номере эту рубрику мы открываем прогнозом развития военно-политической ситуации в АТР.

В портфеле редакции накоплены материалы, которые познакомят читателей с неизвестными ему страницами истории, культуры стран АТР, материалы, способные увлечь людей различных возрастов экзотикой, уникальными достижениями древнейших в мире цивилизаций — Китая, Японии, Кореи, стран ЮВА. Мы продолжим публикации в рубрике «Клуб Конфуция», которые не могут не обогатить духовную жизнь нашего современника, скрасить его порой будничную действительность, отягощенную повседневными заботами.

Мы приподнимем завесу над неизвестными страницами истории взаимоотношений И.Сталина и Мао Цзэдуна, расскажем о судьбе жены и вдовы Мао — Цзян Цин и ее соратниках ("банда четырех"), сообщим новое о Рихарде Зорге, познакомим с одной из звезд китайского театра Мэй Ланьфаном, пройдем по следам Черного Барона (Унгерна), встретимся с блестящими представителями русского зарубежья в странах Дальнего Востока.

Журнал продолжит начатые ранее публикации: «Планы покушения на Сталина» (право на публикацию предоставлено «ПДВ» японским автором И.Хияма), о деятельности японской и китайской разведок в 30-е и 40-е годы.

В прошлом году журнал вышел со своим спутником, китайским журналом на русском языке «Цигун и спорт». Судя по многочисленным откликам, «Цигун и спорт», как приложение «ПДВ», был весьма положительно встречен широким читателем, особенно молодым поколением. Поскольку это был первый опыт издания китайского журнала на русском языке, то неизбежными оказались и трудности в процессе перевода, издания и распространения журнала «Цигун и спорт». Мы надеемся, что организации, ответственные за распространение наших изданий, сделают все от них зависящее, чтобы исправить положение, значительно уменьшить срок доставки журнала подписчику.

Мы учитываем пожелания читателей, не успевших подписаться на «Цигун и спорт» в 1991 г., прежде всего на номера 3-й и 4-й, и будем публиковать наиболее интересные материалы из китайского журнала на страницах «ПДВ».

Редакция пользуется случаем, чтобы подчеркнуть свою особую ответственность перед читателем, особенно с учетом недостатков в опыте прошлого года. Мы осуждаем практику некоторых не в меру бойких кооператоров, как, например, из «АСТА» (Санкт-Петербург), присвоивших без нашего согласия марку «ДВ» для подписки и распространения своих изданий.

Поздравляем вас, дорогие читатели, с Новым годом — годом, который значится, согласно китайскому календарю, под знаком «Обезьяна» (см. в N 6 за 1991 г.). Мы вполне надеемся, что внимание к духу священного в Китае животного и, конечно, сила в собственные силы помогут нам и вам, дорогие читатели, избежать в этом году болезней, недугов, неудач по службе, убытка в бизнесе и т.п. Недаром же легендарный царь обезьян Сунь У Кун, согласно преданиям, отличался выдающимися способностями — бесстрашием, смекалкой, находчивостью...

Российский открытый университет (РОУ) ждет вас. Добро пожаловать!

В наше суровое время появилась мастерская активного, опирающегося на достижения мировой культуры поиска. Эта мастерская — РОУ. Именно здесь открывается полный простор для творческих исканий, а путь к получению высшего образования неразрывно связан с приобретением навыков исследовательской деятельности. Именно в этом университете можно не только получить ученую степень — диплом бакалавра, магистра, доктора философии, — но и расширить свою эрудицию, приобрести неоценимый интеллектуальный капитал.

К деятельности РОУ приобщаются мастера не только отечественных, но и дружественных школ. В его исследовательских программах присутствуют и междисциплинарные. Здесь студенты овладевают базовыми компонентами образования (философским, историческим, филологическим, естественнонаучным, математическим и т.д.).

В РОУ многопрофильная деятельность многочисленных факультетов неразрывно связана с практикой в учебно-экспериментальных центрах, где предусмотрены различные степени образования — от учебной работы в колледже до аспирантуры, подготовки к высшим ученым степеням.

Специально для читателей нашего журнала:

В РОУ начал свою деятельность факультет востоковедения, объединяющий направления, которые являются основными и для нашего журнала, — китайское, японское, корейское, монгольское. Ближайшая задача РОУ — постановка образования и страноведческих исследований на тех началах, о которых говорилось выше.

Окончивший успешно ту или иную ступень получает степень бакалавра, магистра искусств, доктора философии в соответствии с принятыми в международном сообществе правилами, т.е. сертификаты международного значения.

В РОУ будут практиковаться все существующие формы обучения — очное (дневное, вечернее), дистантное (разные варианты заочного обучения).

Для поступления на учебу в РОУ нет возрастного ценза. Главное — целеустремленность, решимость стать профессионалом и, конечно, трудолюбие.

В последующих выпусках журнала мы более подробно расскажем о РОУ.

*Почтовый адрес РОУ:
115561, Москва,
абонентный ящик N 1
Российский открытый
университет*

*Приемная РОУ:
115561, Москва, Каширское
шоссе, 142, корпус 3.
Прием посетителей
с 12.00 до 18.00
ежедневно, кроме субботы
и воскресенья*

О ВОСТОКОВЕДЧЕСКОМ НАПРАВЛЕНИИ РОССИЙСКОГО ОТКРЫТОГО УНИВЕРСИТЕТА

Г. Сухарчук

Наверное, заявление о том, что у нас в стране налицо глубокий кризис в области образования, ничего, кроме скуки или даже раздражения, вызвать уже не может. В самом деле, большего по масштабам всестороннего кризиса государство Российское с эпохи смутного времени начала XVII в. не переживало. Не было, очевидно, и большего паралича творческой мысли в среде нашей интеллигенции, чем тот, что мы наблюдаем сегодня. Ведь невозможно принять серьез наукообразные рассуждения, буквально наводнившие нашу научную публицистику, по проблемам философии, экономики, литературоведения, критики, социологии. Разве что отдельные, изредка раздающиеся голоса.

Десятки лет издевательств над общественными и гуманитарными знаниями царом не прошли. И сегодня, когда подлинное знание характера общества, характера момента «находит растущий спрос», народ остается в неведении.

Все это происходит не только от растерянности повергнутого в нокаут нашего общества. Важна и глубинная причина. Она — в многогранности проблем, сложности нашего общества, его научных кадров.

По этим причинам вновь посмотреть на состояние нашего образования, особенно на профессиональную подготовку среднего и высшего уровня, представляется совершенно необходимым.

Но этого мало. Беспокойство за состояние данной области нашей жизни связано и с тем качественно новым миром НТР, который настойчиво стучится, слава Богу, и в наши двери. В этой связи поучительно не столь отдаленное прошлое наших соседей, как принято теперь их именовать — развитых стран. Известно, что начиная с конца 50-х годов Америка решительно пошла на щедрые капиталовложения в систему образования и подготовки кадров самого разного уровня (не последнюю роль здесь сыграл и такой побудительный мотив, как запуск первого искусственного спутника Земли в 1957 г. Советским Союзом). Решительное «нет» было сказано принципу движения «вверх по лестнице, ведущей вниз», как сказано в известном романе американской писательницы Бэлл Кауфман, внучки Шолом Алейхема, посвященном американской школе того времени. В обществе утвердился стереотип, что образование — самая перспективная область инвестирования капиталов.

Мы же просмотрели, как момент наступления эпохи НТР (и постиндустриального общества), так и категорический императив НТР — решительный поворот к проблемам образования и образованности всего общества.

Речь шла и до сих пор идет не только о финансировании системы подготовки профессиональных кадров и решительном увеличении вклада в развитие фундаментальных исследований. Речь идет и о постоянном поиске новых форм подготовки кадров, форм, адекватных идеологии НТР. Одной из таких счастливо найденных форм является, в частности, система открытого образования. Она успешно практикуется, например, в Англии, Израиле, Канаде.

Идея открытого образования исходит из той фундаментальной предпосылки, что в конечном итоге здоровье всякого общества зиждется на Знании и, следова-

тельно, на уважении Знания. «Сон разума рождает чудовищ». Это сказано столет
назад. Борьба с невежеством, дикостью есть единственный путь преодоления ра
общенности и непонимания между народами и между отдельными людьми.

Надо себе отдавать полный отчет в том, что путь образования, т.е. преод
ления невежества, как решающего способа гуманизации человеческих отношений
очень долгий и его результаты проявляются постепенно и исподволь. (Здесь
наверное, уместно вспомнить историю гадкого утенка, который долго был «об
зображен» и лишь «в итоге» стал прекрасным лебедем...) Но как бы там ни была
история XX столетия, уникальная по масштабам трагедий, обрушившихся на ро
человеческий, недвусмысленно свидетельствует: иного выхода нет. Только пут
настойчивого и упорного распространения Знания — средство спасения челове
чества от гибели и сохранения Человека в каждом из нас.

Первый принцип системы открытого образования заключается в его абсо
лютной доступности всем и каждому независимо от возраста, пола, состояния
здоровья, общественного положения и рода деятельности или занятий. Иными
словами, в открытый университет может поступить каждый в любом возрасте
гражданин любого государства, в том числе и пребывающий в местах лишения
свободы. Соответственно, единственным документом для поступления в Российс
ский открытый университет является заявление с просьбой о зачислении на от
ределенный факультет в или школу и сопровождающие его формальные доку
менты. Никакого конкурсного отбора не производится. Об уровне подготовлен
ности абитуриента должно сообщить его письменное сочинение на избранную
тему. Квалифицированные преподаватели — консультанты университета по
этому сочинению определяют как степень подготовки, так и склонности абитури
ента и посоветуют ему, на какой курс и на какой факультет (школу, колледж
специальность) ему целесообразно пойти для начала или совершенствования
своей профессиональной подготовки.

РОУ исполнился год. За это время число его слушателей и студентов до
стигло в нашей стране и за ее рубежами более 100 тыс. человек и постоянно
растет. Созданы такие факультеты, центры и школы, как: бизнес и менеджмент,
естественно-математический, теологический, информатики и документалистики,
искусствоведения, журналистики, философский, юридический. Работают также
школы и центры: вальфдорской педагогики — первый такого рода в нашей
стране, «исследование цивилизаций», лингвистический, православно-христиан
ская школа и др.

С октября 1991 г. университет приступил к организации и формированию
факультета востоковедения. Отличие востоковедческого образования на фа
культете от других форм профессиональной подготовки востоковедов вытекает
из изложенной выше идеи открытого образования в системе РОУ. Соответст
венно здесь, как и на других факультетах и в школах, сроки подготовки и
возрастные пределы не ограничиваются ничем, кроме целесообразности и воз
можностей слушателя, студента, аспиранта. А ценность полученного знания,
кроме его профессионально-прагматического назначения, — его самоценность.

Россия начиная с XVIII в. обладала богатыми традициями изучения Востока.
Русская наука способствовала вовлечению в мировой оборот многочисленных и
разнообразных материалов по истории цивилизаций Центральной Азии и Сиби
ри, имела признанные школы китаеведения и японистики, санскритологии и ти
бетологии, арабистики и гебраистики. Такие научно-педагогические центры, как

Петербургский университет и московский Лазаревский институт, имели высокую научную репутацию во всех европейских столицах и за океаном. Мировую известность стяжала славная плеяда российских востоковедов — И.П.Минаев, И.П.Шмидт, В.М.Алексеев, С.Ф.Ольденбург, Ф.И.Щербатский, Н.И.Конрад, О.И.Крачковский и многие другие.

В советский период востоковедение подверглось тотальному огосударствлению и было подчинено прагматическим целям текущей политики и идеологической индоктринации. Многие крупные востоковеды подверглись репрессиям. Место научных школ заняли бюрократизированные кланы, соперничающие в борьбе за внимание со стороны властей. Основными видами научной продукции стали всякого рода записки по текущим проблемам политики, идеологии, экономики, а также сочинения, содержащие квазимарксистскую интерпретацию проблем Востока и «критику буржуазных концепций». Пренебрежительное отношение к ценнейшим библиотечным фондам привело к тому, что многие из них пребывают ныне в плачевном, если не сказать жестче, состоянии.

На грани исчезновения находятся классические востоковедческие науки — тибетология, тангутоведение, маньчжуристика. Утрачивается преемственность в этих науках, кстати, не только в России, но и во всем мире.

Серьезно подорванной оказалась даже полиграфическая база русского востоковедения. До революции Петербургская академическая типография располагала богатейшим набором восточных шрифтов, многие из которых были утеряны во время гражданской войны и блокады Ленинграда. Имеющиеся сейчас шрифты очень изношены, и очереди на издание литературы, требующей применения восточных шрифтов, растягиваются на 8 — 10 лет. Компьютерные технологии все еще остаются отдаленной надеждой.

Российский открытый университет ставит одной из своих стратегических задач способствовать возрождению традиций российского востоковедения на принципах академических свобод, непрерывного научного исследования, широкой общественной поддержки. Университет привлекает к научно-педагогической работе видных востоковедов Москвы, устанавливает контакты с востоковедческими центрами мира и на территории бывшего СССР.

В стране наблюдается огромный интерес к Востоку, его культурам, религиям, философии. Стихийно возникают многочисленные кружки и всякого рода курсы, циркулируют ксерокопии дореволюционной литературы, публичные выступления по тематике Востока проходят при переполненных аудиториях. Это дает основание считать, что деятельность факультета востоковедения РОУ будет развиваться в весьма благоприятной атмосфере.

Факультет предполагает выпускать учебники, учебные пособия, словари, хрестоматии, научные издания текстов из российских хранилищ, культуроведческие и страноведческие сериалы.

В эпоху НТР мир как бы сжался и стал «маленьким». Это обстоятельство рельефно подчеркнуло единство человечества, общность судеб его разных частей, всех народов, населяющих нашу планету. Соответственно, в современных условиях знание, касающееся столь огромной части человечества, каким является обширный Азиатский континент и связанные с ним единством исторических судеб прилегающие районы, имеет принципиальное значение для понимания динамики мировых процессов. В этой связи особую важность приобретает вопрос о постановке комплексных фундаментальных проблем Востока в целом и от-

дельных типологически и географически классифицируемых регионов (Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии, Южной Азии, Среднего и Ближнего Востока, Северной Африки, Тихоокеанского региона, включая Океанию и Австралию, Центральной и Средней Азии) и подготовки специалистов-востоковедов в рамках создаваемого факультета.

Концепция факультета предполагает объединение усилий научных и педагогических кадров для решения задач комплексной подготовки востоковедов. Модель факультета востоковедения представляет собой гибкую структуру, состоящую из научно-педагогических подразделений. Учебный процесс характеризуется двумя основными особенностями: с одной стороны, преподавание развивается в тесной связи с новейшими достижениями востоковедческой науки и исходит из логики ее саморазвития, с другой — обучение зависит от потребностей общества в тот или иной период. Цель обучения состоит в том, чтобы подготовить кадры высококвалифицированных специалистов-востоковедов для научно-педагогической и практической работы.

Задачи обучения конкретизируют общую цель обучения, учитывая индивидуальные требования учащихся в стратегии и тактике учебного процесса. Конечная цель обучения формулируется в профессиограмме студента факультета востоковедения, по которой предполагается подготовка:

а) переводчиков со свободным владением восточным языком для практической работы в соответствующих организациях и фирмах;

б) специалистов-востоковедов со свободным владением восточным языком для работы в качестве референтов-страноведов и преподавателей по избранной специальности;

в) исследователей-востоковедов с фундаментальной научной подготовкой по избранной специальности, со свободным владением одним восточным языком в объеме, достаточном для ведения научной работы. Специалист-востоковед также должен владеть по меньшей мере одним западноевропейским языком.

Исходя из профессиограммы учащегося факультета, процесс обучения будет делиться на три этапа:

1-й этап — трехгодичный интенсивный курс восточного языка, включая ряд страноведческих дисциплин, с последующей стажировкой в стране изучаемого языка (для чего устанавливаются контакты с университетами соответствующих стран);

2-й этап — пятилетний курс избранной специальности с углубленным изучением двух родственных (или связанных общностью культурно-исторических судеб народов) восточных языков с последующей стажировкой в изучаемой стране;

3-й этап — пятилетний курс обучения с последующим проведением научной работы в рамках двухгодичной аспирантуры и двухгодичной стажировкой в стране изучаемой специальности.

Следует указать, что система обучения на факультете востоковедения соответствует западным аналогам. Так, успешное завершение обучения в рамках второго этапа дает право на присвоение ученой степени МА (магистра искусства), третьего — степени РНД (доктора философии).

Принципы работы преподавателей-исследователей основаны на том, что университет является автономной научно-исследовательской и учебно-педагогической организацией, действующей на основании собственного устава. Преподава-

тель-исследователь свободен вести любую научную работу по собственной инициативе, приобщая к ней аспирантов и студентов университета.

Организация факультета востоковедения РОУ начата с развертывания работы в областях китайведения, японистики и корееведения. Идет подготовка также монголоведческих подразделений и политологических исследований в зоне АТР.

В программу преподавания закладываются курсы:

1. История российского востоковедения (соответственно — исследования Китая, Японии, Кореи, Монголии).

2. Курс истории Китая, Японии, Кореи.

3. Курс экономики, включая экономическую историю Японии, Китая, Кореи.

4. Курс природно-климатических условий соответствующей страны и ее регионов под углом зрения социо-природных взаимодействий и взаимозависимостей. В настоящем курсе должна найти отражение физическая, экономическая, демографическая (историкодемографическая) география.

5. Курс китайской, японской, корейской и т.д. литературы.

6. Курс культуры, искусства и обычаев изучаемой страны.

7. Курс философии, этики, общественно-политической мысли, религий соответствующих стран.

8. Курс политологии применительно к АТР.

9. Курс японского (китайского, корейского и т.д.) языка.

В ближайшей перспективе мы намерены развернуть преподавание и исследования по регионам Юго-Восточной (страны АСЕАН, Филиппины, Индонезия, Малайзия, Таиланд, Сингапур, Бруней и Индокитайский регион) и Южной (Индия, Пакистан, Шри-Ланка, Бангладеш, Непал) Азии. Вслед за этим будут развернуты работы по Ближнему и Среднему Востоку и Северной (арабоязычной) Африке, а также исследования по регионам Центральной и Средней Азии (мусульманские народы Китая и современной Средней Азии, Афганистан). По мере развития региональных программ будут ставиться курсы изучения и преподавания соответственно буддизма, ислама и т.д. На их основе создастся общий курс мировых религий, включающий христианство, буддизм, ислам, а также индуизм и другие религии Востока. Эти изыскания как бы синтезируются в постановке общего курса под условным названием «Восток — Запад: диалог и взаимодействие мировых культур». Предполагается издание журнала по соответствующей тематике.

Международная деятельность факультета предусматривает установление контактов с известными востоковедческими центрами мира; организацию условий для специальной подготовки научных кадров (аспирантура, докторантура и т.д.) высшей квалификации с обязательной стажировкой в странах изучения и зарубежных университетах соответствующего профиля; приглашение зарубежных специалистов, включая носителей языка, для стажировки, работы и преподавания в университете.

Развертывается информационная база факультета. Под этим понимается организация библиотеки и установление связей с основными книгохранилищами мира по поводу книжного и других видов обмена; организация службы электронной информации с перспективой подключения к мировым банкам данных по проблемам Востока, АТР и мировой политики; постановка обязательного обучения всех сотрудников и студентов владению современной электронной информационной техникой.

В заключение — краткая информация об условиях учебы в РОУ. Полностью освобождаются от платы за обучение инвалиды, неработающие пенсионеры, школьники, заключенные, беженцы.

При зачислении в РОУ слушателю предстоит внести регистрационный (вступительный) взнос в размере 30 рублей. В течение первых двух лет учебы оплата в среднем будет колебаться в пределах 40 — 70 руб. в месяц при нагрузке от двух до четырех учебных курсов, изучаемых в течение года. Учебные материалы стоят от 120 до 150 руб. в год. Все средства, вносимые слушателями, используются ТОЛЬКО на оплату труда педагогов и подготовку учебных пособий и материалов. Университет же обеспечивает свое существование за счет выполнения исследовательских заказов в самых разных областях знания и техники, доходов от издания научной и иной литературы, пользуется поддержкой отечественных и зарубежных спонсоров.

Плата за обучение в аспирантуре составляет около 200 руб. в месяц. Мы считаем, что наилучшим вариантом является внесение платы предприятием или учреждением, которое заинтересовано в повышении квалификации своих сотрудников или приобретения специалистов определенного профиля. При возникновении такой необходимости РОУ готов ходатайствовать перед вашим руководством по поводу именно такого способа оплаты вашей учебы.

В целях поощрения особо перспективных учащихся университет готов предоставлять им стипендии. Мы будем способствовать созданию добровольного общества взаимопомощи слушателей для оказания всемерной поддержки наименее обеспеченным и вносить в его фонд взносы от имени РОУ в целом, а также от его отдельных колледжей и сотрудников.

Система обучения в РОУ дает возможность заниматься у себя дома и участвовать в групповых занятиях в своем регионе (местном филиале университета), учиться в индивидуальном режиме, избранном слушателем для себя. Университет обеспечивает вас при этом всеми необходимыми пособиями и систематическими консультациями высококвалифицированных профессоров и тьюторов-наставников.

Вольнослушателя, не претендующие на дипломы, вправе изучать лишь те курсы, которые их интересуют. При этом все промежуточные уровни образования будут удостоверяться соответствующими сертификатами университета. При желании прервать свою учебу слушатель получит официальный сертификат, где будет указано, по каким дисциплинам и в каком объеме он аттестуется. Итак, учащийся в РОУ имеет возможность получить подготовку и в полном объеме, предусмотренном для специалиста с высшим образованием, и подготовить и защитить диссертацию по определенной теме на соискание ученой степени, а также учиться «для себя», ради бескорыстного удовлетворения собственной любознательности или для того, чтобы «освежить» собственные знания.

Факультет востоковедения Российского открытого университета ждет вас. Добро пожаловать!

ОТ РЕДАКЦИИ

В издательстве «Прогресс» под грифом Российского открытого университета выходит из печати книга «Сенатор XX века». Ее автор доктор исторических наук В.Б.Воронцов, основываясь на документальных — порой уникальных — материалах, полученных в том числе и во время поездки в США в 1991 г., рассказывает об удивительной судьбе видного американского политического деятеля XX столетия — Джеймса Уильяма Фулбрайта. Мы имеем все основания считать Дж.У.Фулбрайта одним из главных и первых архитекторов нового политического мышления.

В современной политической жизни вопрос о становлении и направлениях развития нового политического мышления остается весьма актуальным. Сложился стереотип, согласно которому новое мышление — продукт интеллектуальных усилий 80-х годов. Но действительно ли это так? Мы стали современниками эпохальных общественно-политических процессов, на наших глазах концепция нового мышления превращалась в доктрину государственной политики, но сама эта концепция возникла, несмотря на распространившееся заблуждение о якобы недавнем ее рождении, многие десятилетия тому назад. Основной, исходный принцип нового политического мышления сводится к тому, что ядерная война не может быть средством достижения политических, экономических, идеологических, каких бы то ни было целей. Именно эта мысль красной нитью проходила начиная с конца 40-х годов через многочисленные научные и публицистические работы, выступления в конгрессе США сенатора Джеймса У.Фулбрайта.

На родине бывшего сенатора, в городе Фейтвилле, его именем назван Колледж искусств и науки при Арканзасском университете. А в 1982 г. в структуре этого колледжа создан Фулбрайтовский институт международных отношений, провозгласивший своим кредо: «Знания порождают терпение и понимание между народами».

В книге немало увлекательных историй из жизни человека, достигшего почтенного возраста и все еще принимающего активное участие в общественной жизни, встречавшегося с Джоном Кеннеди, Линдоном Джонсоном, Дэн Сяопином, Михаилом Горбачевым и иными видными государственными деятелями.

Читатель познакомится с редкими свидетельствами о контактах сенатора с советскими дипломатами, с его позицией по вопросам русской эмиграции, в частности по делам Солженицына, Ростроповича.

Книга рассчитана на широкий круг читателей. Она будет особенно полезна для студентов и специалистов-международников.

Ее объем — около 20 авторских листов.

Заявки (в произвольной форме) на приобретение книги просим присылать по адресу: 115561, Москва, Каширское шоссе, д. 142, корп.3, Российский

открытый университет, ректору, или в журнал «ПДВ» (117848, Москва, ул. Красихова, д. 27).

Сегодня же редакция предлагает некоторые заметки, скорее размышления автора, связанные с его интерпретацией политической биографии Дж.У.Фулбрайта, с историей публикаций материалов об известном американском сенаторе, незаурядном политическом деятеле.

Автор с огромным интересом работал над переизданием книги «Сенатор от Арканзаса». Он с благодарностью принял еще в 60-х годах предоставленную ему сектором зарубежного комплектования ИНИБОН АН СССР возможность ознакомиться с газетой, принадлежащей семье Фулбрайтов ("Fayetteville Daily Arkansas Times", затем переименованную в «Northwest Arkansas Times»). Во время своего визита в Фейтвилль в феврале 1991 г., состоявшегося при содействии Фулбрайтовского института международных отношений, автор получил уникальную возможность познакомиться с коллекцией документов Дж.Фулбрайта, за что он глубоко признателен американской организации научных обменов — АЙРЕКС, директору Фулбрайтовского института международных отношений АУ Хойту Первису, хранителям коллекции документов ДУФ — г-ну Майклу Дэрришусу и г-же Бетти Аустин, всем служителям делу наследия сенатора XX в.

Иллюстрации предоставлены автору отделом коллекции документов ДУФ.

ДЖ.У.ФУЛБРАЙТ: У ИСТОКОВ НОВОГО МЫШЛЕНИЯ

В.Воронцов

Почему востоковед обращается вдруг к личности Джеймса Уильяма Фулбрайта (ДУФ), да еще в настоящее время? Для автора — это не сейчас и не вдруг, изучение политической биографии виднейшего американского сенатора стало неотъемлемой, пусть небольшой, но важной частичкой его научной жизни как профессионала — и востоковеда, и международного. Нелегко было вновь предаться раздумьям о реализме и идеализме в политике, о месте интеллектуала и военного лидера в современном обществе и о многом другом, что стало предметом внимания ДУФ за годы его политической карьеры и что легло в основу изданной в Москве и посвященной политической биографии виднейшего политического деятеля XX в. книги. С высоты сегодняшнего времени горько, досадно вспоминать, как некоторые специалисты, считавшиеся авторитетами в

Сенатор от Арканзаса

востоковедении, прежде чем вынести решение о праве автора книги отчитаться за нее как за результат работы научного сотрудника, с завидной скрупулезностью подсчитывали, сколько раз в тексте «Сенатора от Арканзаса» встречается слово «Китай». И невдомек было им, что размышление по поводу мировоззрения ДУФ, его политических взглядов стали для автора отдушиной в условиях энергичного, порой иступленного прославления развитого, реального социализма, политических сражений под флагом неприятия враждебных «измов». Да и разве могли представить тогдашние критики «буржуазного объективизма», что философия ДУФ, отрицающего использование военной силы как инструмента внешней политики, критикующего милитаризм, его проявления в экономике и политике, станет прообразом нового мышления, имеющего в виду общечеловеческую идею выживания в условиях нависшей с середины XX в. над планетой угрозы атомной и экологической катастрофы? Любой гуманитарий — будь то востоковед либо политолог, озабоченный необходимостью повышения уровня своего профессионализма, не может не осознавать острую необходимость изучения политической культуры Запада, ее взаимодействия с соответствующими институтами Востока.

Когда сдавался номер, пришел пакет из Японии — сразу же стало ясно — от г-на Мичио Кацумата. В пакете — только что изданная в японском и английском вариантах компанией «Нихон Кэйдзай Симбун» книга Дж.У.Фулбрайта «Против самонадеянности силы. Моя личная история». Книга радует глаз полиграфическим исполнением, привлекает внимание, естественно, ее содержание. А какие иллюстрации?! Весной 1992 г. ДУФ исполняется 87 лет, что кажется немислмым. Лицо его светится счастьем, в глазах огоньки. Он в обществе своих дочерей, супруги Харриет. И эти фотографии весьма современны — ведь они запечатлели сенатора XX в. в кругу семьи в марте 1990 г., в обществе Р.Никсона (в конце 80-х), с М.Горбачевым в Вашингтоне в 1988 г., с Дэн Сяопином — в 1974 г., при получении японского ордена из рук тогдашнего министра иностранных дел Кивчи Миядзава и т.д.; Для японского журналиста, посетившего вместе с автором русского издания о Дж.У.Фулбрайте, было достаточно и года, чтобы подготовить серию материалов для газеты, издать книгу о сенаторе. Да, действительно, далеко уплыли от нас японские острова. Наше издательство «Международные отношения», где в 1971 г. вышла первая и единственная в Союзе книга о сенаторе от Арканзаса, действует, видимо, как и все мы, в иных временных измерениях. Рукопись обновленного издания должна была отлеживаться на полках, дожидаясь судьбоносного решения. Тем не менее для автора сегодня действительно счастливый случай познакомить читателя нашего журнала с отрывками из готовящегося к переизданию русского варианта книги «Сенатор от Арканзаса».

Вместе с Мичио Кацумата в Фейтвилле

Автор «Сенатора от Арканзаса» получил долгожданную, спустя 20 лет после выхода в Москве монографии о Дж.У.Фулбрайте, возможность посетить в 1991 г. штат Арканзас, с которым тесно связана судьба героя его книги. Накануне пришло сообщение из Фейтвилля: ждем двоих биографов ДУФ — заместителя главного редактора японской, с трехмиллионным тиражом, газеты «Нихон Кэйдзайсимбун»,

г-на Мичю Кацумата и Вас... Гостеприимный хозяин, директор Фулбрайтовского института международных отношений АУ Хойт Первис ведет машину по уютному, весьма чистенькому городку, сегодня он — в роли гида, знакомит нас с достопримечательностями Фейтвилля. Вот и дом с белоснежными колоннами, он возвышается на небольшом холме, отмечен заботой и вниманием горожан. Здесь, в этом доме, в семье бывшего фермера, затем бизнесмена и банкира жил Дж.У.Фулбрайт. Родился он 9 апреля 1905 г. в городе Самнере (штат Миссури), но в Фейтвилле прошли годы его взросления, здесь он закончил АУ, был самым молодым его президентом, арканзасцы избрали ДУФ в конгресс.

Время неумолимо отсчитывает годы, десятилетия, приближая нас к рубежу XXI в. Но, получивший в начале века в Фейтвилле стимул к научной и политической деятельности, ДУФ и сейчас сохранил тот самый запас прочности, который так характерен для многих представителей интеллектуальной элиты США, гордящихся самостоятельностью, независимым восприятием окружающего мира. Перед нами скромный щит. На нем начертано: Дж.Уиллиам Фулбрайт, сын Фейтвилля, президент Арканзасского университета, американский сенатор с 1945 по 1974 г., посеял семена мира, которые расцвели в:

- Организации Объединенных Наций,
- Программе научных обменов,
- Договоре о запрещении испытаний ядерного оружия.

Хойт Первис, директор Фулбрайтовского института международных отношений АУ, и автор

И в Центре изобразительного искусства Кеннеди...

В прелести этого сада мы чтим красоту его грез... Мир между народами и свободный обмен знаниями и идеями на всей планете... Действительно, трогательная надпись, начертанная благодарными арканзасцами в честь своего широко известного в мире соотечественника.

...Визит японского журналиста в Фейтвилль отнюдь не случаен. Имя ДУФ стало весьма популярным в Японии прежде всего благодаря специальной, учрежденной в свое время сенатором, Программе научных обменов. Более 5000 японцев стали фулбрайтскими стипендиатами и прошли курс обучения в США. «Многие лидеры японского правительства и бизнеса, — говорил М.Кацумата на одном из приемов, — приобретали необходимые для них навыки в качестве фулбрайтских стипендиатов... Программа научных обменов Фулбрайта помогла Японии возродиться после второй мировой войны»². Конечно, представления о США в японском обществе, прежде всего среди японской молодежи, не оставались неизменными. Многие молодые японцы, знакомясь в 60-х и 70-х годах с правдой о войне во Вьетнаме, об Уотергейте, теряли веру в преимущества американских общественно-политических ценностей. «...Но имя Фулбрайта (кстати, резкого критика вьетнамской политики Вашингтона, — *Авт.*) оставалось для японского народа ясным, сверкающим» — таков был вывод японского журналиста.

Мичио Кацумата японский биограф
Дж.У.Фулбрайта, и автор перед домом семьи Фулбрайтов

Мичио Кацумата ожидал, исходя из сложившихся у него представлений, увидеть престарелого, прославившегося в прошлом человека со слабеющей памятью. Он был поражен, когда вместо этого встретил радостного, динамичного мужчину, который свободно говорил о своих воспоминаниях, связанных с событиями и отдельными личностями, проявляя при этом огромное остроумие. Кацумата понравилось, как нежно подтрунивали друг над другом сенатор и его жена, которая присутствовала при всех интервью. Хотя Фулбрайт и сокрушается, что не может больше играть в гольф после незначительного инсульта, случившегося два года назад, он ежедневно водит машину по дороге на свою работу в юридической фирме. Пребывание русского ученого в АУ Кацумата рассматривал как показатель уважения сенатора Фулбрайта во многих странах мира. Японский журналист опубликовал интервью Фулбрайта от 1 мая 1991 года. Приведу некоторые выдержки из него.

«Этой весной мне исполнилось 86 лет. Моя вторая и всегда новобрачная жена Харриет всегда сердится, когда я говорю о своем возрасте. Это связано с ее возрастом, ведь она на 28 лет моложе меня.

Два года назад у меня был инсульт. С тех пор я стал быстро терять память, особенно это касается имен людей, названий мест, дат...

Я больше не играю в гольф, в игру, которую очень люблю. Единственно, что я могу делать за порогом дома, — это совершать регулярные прогулки через лес и сад, которые окружают мой дом в Вашингтоне, или прогуливаться вдоль реки Потомак.

Я работаю консультантом в международной юридической фирме около Каптоля. Я посещаю фирму четыре раза в неделю. Мне требуется примерно 15 минут, чтобы доехать на машине до места работы. Вождение машины, как я маю, является хорошим для меня упражнением.

Я не думал, что воспоминания такого престарелого человека, каким я являюсь, будут очень интересными. Однако газета «Нихон Кейдзай Симбун» проявила большую энергию, предлагая мне печататься в колонке «История моей личной жизни». Мне приятно слышать, что я первый иностранец, о котором пишут в этой популярной колонке, существующей уже полвека...

Много приятно и полезно дали мне люди Японии».

Вместе с Мичио автор провел удивительные, необычайно интересные для исследователя часы в архиве АУ. Вот уж возрадовалась душа историка! Внимательные хранители богатейшей специальной коллекции г-н Майкл Дэбрипус и г-жа Бетти Аустин сделали, казалось, невозможное — за кратчайший срок — в нашем распоряжении не было и двух суток — они помогли гостям познакомиться с огромным количеством документов. Вот они, яркие выступления сенатора, стоявшего у истоков создания ООН, письма, резолюции с ясными и точными формулировками времен начала «холодной войны», охоты за ведьмами, корейской и вьетнамской войн, предвыборных баталий и времен Уотергейта. Знакомство с этими документами открыло для автора действительно новые страницы политической биографии сенатора от Арканзаса, позволило в новом свете посмотреть и на историю собственной страны.

Искажения — не в наших интересах

Во второй половине XX в. имя Джеймса Уильяма Фулбрайта, сенатора от Арканзаса, председателя комиссии по иностранным делам сената США, довольно часто появляется на страницах мировой и советской печати. В русском переводе издательством «Международные отношения» была издана книга Фулбрайта «Самонадеянность силы»³. Сколько едких, по-настоящему острых критических замечаний в адрес Белого дома, госдепартамента содержат статьи и речи сенатора! Естественно, что человека, не осведомленного или слабо осведомленного в делах внутриполитической борьбы в США, могла удивить смелость и решительность критики сенатора, которая, как кажется на первый взгляд, была прямо в цель, доставляла немало забот президенту и правительству, способна была пробить стену равнодушия и даже послужить росту демократических настроений в американском обществе.

Зажатому в идеологические шоры российскому читателю казалось весьма парадоксальным положение Дж. Фулбрайта как главы одной из ведущих комиссий законодательного органа страны и как наиболее настойчивого критика американского правительства. Воспитанные в условиях тоталитарного режима, привыкшие во всем следовать единой, генеральной линии, даже мыслящие представители советского общества недоумевали, почему все же столь хорошо известный в мире сенатор оспаривает целесообразность антикоммунистического крестового похода, говорит о нелепости идеи «коммунистического заговора», о необходимости излечения язв больного американского общества, называет «политическим безумием» расширение Пентагоном военной экспансии в Азии. Ведь на это решается человек, облеченный званием американского законодателя! Разве в его действиях не просматривается попытка подорвать престиж, устой американского общества? Такой вопрос обычно задавали ультрапатриоты из фашиствующих организаций в США. Реалистически мыслящие политики, стоящие на страже свободного предпринимательства как у себя в стране, так и в мире, не сталкивались с такого рода вопросом. Они знали и знают, каким богам поклоняется Дж. Фулбрайт, они уверены, что сенатор никогда не обратил бы свою критику против порядков, позволявших его семье возглавить список богатейших семей Арканзаса и воспитавших в нем чувство искренней заботы за судьбы влезной его предками системы.

Сенатор делал, казалось, все от него зависящее для нормализации отношений с СССР и с КНР. Именно в этой сфере внешнеполитических интересов, если судить по материалам архивов, особенно когда речь заходила о судьбах разрядки, отношений с Москвой, сенатор ощущал сильное давление своих критиков, ему порой приходилось балансировать, словно на натянутом канате. Активная поддержка неумемным арканзасцем разрядки (нет важнее цели, чем выживание в ядерный век) могла вызывать и вызывала хождение различного рода слухов, легковесных утверждений о том, будто ДУФ одобряет московский режим, симпатизирует коммунизму и безразличен к положению еврейского населения в Советском Союзе. Ему приходилось четко выражать свою позицию: я симпатизирую диссидентам и национальным меньшинствам в Советском Союзе, но я не позволю себе согласиться с утверждением о том, будто разрядка не может быть без демократии. Находясь здесь, в Фейтвилле, автор, знакомясь с документами, нашел немало доказательств искренности этих слов. Как помочь

Александру Солженицыну? Как содействовать Станиславу Ростроповичу и Галине Вишневецкой? Эти и другие имена и в подобном контексте встречаются в документах ДУФ.

Россия жила в условиях диктатуры в течение всей своей истории, и было слишком легковесным признать, что все изменится сразу же. Сенатор, выступавший за расширение сотрудничества с Москвой, сам становился нередко жертвой политический махинаций московских лидеров, их идеологического аппарата, действовавшего в соответствии с потребностями царствующего в нашей стране тоталитарного мышления. Американские советологи сравнили текст вышедшего в Москве русскоязычного издания книги ДУФ «Самонадеянность силы» с английским оригиналом. И ах! И ох! Но поздно. В тексте русского издания были вырваны целые куски, встречались грубые, явно преднамеренные искажения редактора. По сути дела, искажалось все, что входило в противоречие с идеологическими стереотипами, стойко охраняемыми элитой в Союзе либо ставшими традиционными в Москве оценками развития международной обстановки. Прямая или косвенная критика идеологии и практики режима диктатуры, его слабости безоговорочно была устранена цензором. На 80-й странице своей книги сенатор написал: «Сталинизм имел много наихудших черт гитлеризма». В русском издании это выражение исчезло. Подобные мысли пропали и на других страницах. На 104-й странице Фулбрайт писал о желании правительств стран Восточной Европы освободиться от контроля России. И эта позиция в русском переводе была изъята. Исчезли со страниц русского издания рассуждения о «строительстве мостов между коммунистическим и некоммунистическим миром», позиция сенатора по корейской войне. Указывалось в статье и на иные искажения текста.

Сенатор посылает советскому послу в Вашингтоне А. Добрынину письмо с приложением в виде копии из «Кришчан Сайнс Монитор». «Я верю, — утверждается в письме, — я старался делать, что мог, как Вам известно, для улучшения отношений между нашими странами, и Вам известно также, что я подвергся значительной критике со стороны наиболее экстремистских элементов в США за приписываемую мне излишнюю заботу о Советском Союзе. Искажения перевода моих заявлений, что отмечается в статье, осложняют мои усилия, и Ваше правительство, я надеюсь, признает, что подобные извращения — не в наших взаимных интересах».

Автор русского издания «Сенатора от Арканзаса» получил в середине 1973 г. письмо из США с предложением издать книгу на английском языке. Под письмом стояла подпись Дэниса Купера — директора издательства «Интернэйшнл лайбрани инк» (Вашингтон) от 24 июля 1973 г. Мы потом встречались с Дэнисом в его доме, в Вашингтоне, он и его супруга произвели тогда на автора весьма приятное впечатление. Но его предложение об издании книги на английском языке?! В ту пору, да с такими пожеланиями! Издатель, например, просил:

1. Прислать английский перевод книги — за счет издателя.
2. Написать предисловие для американского издания — как это сделал профессор Анатолий Громько (всего лишь! — *Авт.*) к своей книге.
3. Прислать биографию и фотографию, которые должны быть опубликованы на суперобложке книги и в объявлении о публикации — как это имело место в случае с профессором Громько (только и всего! — *Авт.*) и т.д. и т.п. Вы представляете, читатель, какой резонанс такое письмо вызывало у начальства

различных рангов? Что положено Юпитеру... Автор сознавал свою беспомощность, но все же решился позвонить Анатолию Андреевичу Громыко, который возглавлял тогда сектор в Институте США и Канады АН СССР. Заведующего сектором не было, но ответивший на мой вопрос сотрудник признался, что занимался изданием книги своего шефа в США. Как лучше выполнить просьбу американского издательства относительно книги «Сенатор от Арканзаса»? Не поможет ли ваш опыт? В ответ на эти вопросы последовала шутливая реакция: попробуйте, хи-хи, возможно, ха-ха, вам повезет. И началась невиданная бюрократическая волокита, хождения по коридорам власти, встречи с глухими чиновниками, опасавшимися, казалось, собственной тени. И вот наконец удача! Сотрудники АПН неожиданно проявили внимание к автору. Но, увы, не долго музыка играла. Дело с переводом вдруг сразу же было свернуто. «Пришла телеграмма от посла А.Добрынина — сказали — словно отрезали автору, — запрещающая издание Вашей книги, больше нам говорить не о чем!» Спустя многие годы, когда стали известны подробности, не стояло труда догадаться, что телеграмма Добрынина в АПН стала реакцией на позицию Фулбрайта. К тому же изданная в США Анатолием Громыко книга о Кеннеди подверглась едкой критике со стороны американских ученых. Но были, конечно, и иные причины, ставившие автора книги «Сенатор от Арканзаса» в положение жертвы политики. Автор, познакомившись с письмом Фулбрайта к Добрынину, лишь нашел подтверждение правильности своего решения обратиться тогда к теме «Сенатор от Арканзаса». Цель книги, как видел ее автор, — она остается той же и сейчас — показать, что Фулбрайт — сын своего общества и не было более абсурдного, независимо от целей, дела, как приписывать сенатору, что нередко вольно или невольно делалось в советской прессе тех лет, симпатии к тогдашнему московскому режиму, к идеям социализма.

Автор «Сенатора от Арканзаса», приступая к работе над книгой в конце 60-х годов, надеялся показать, используя эзоповский язык, дремучее невежество виднейших представителей нашей политической элиты. Читателю, познакомившемуся с плеядой незаурядных мыслителей, блиставших энциклопедическими знаниями, осведомленностью в делах международно-политических — а к их числу, безусловно, принадлежал Дж.У.Фулбрайт, — не нужно было обладать особым политическим чутьем, чтобы усомниться в разумности политических деяний лидеров советского государства, кичившихся своим «пролетарским» происхождением, но продемонстрировавших полное невежество в государственном строительстве, во внешней политике собственной страны и оказывавшихся, что мы видим нередко, в авангарде не задуманной «перестройки», а «номенклатурной приватизации».

К концу XX столетия в центре взаимодействия между Востоком и Западом все более активно проявляли себя изменения как в СССР, так и советско-американских отношениях. И сегодня, когда во всем мире с надеждой смотрят на советско-американский диалог между Россией и США на высшем уровне как на одно из ярких проявлений взаимозависимости современного, многополюсного мира, торжества нового мышления, весьма полезно, как представляется, обратиться к наследию тех политических деятелей США, которые трезво оценивали возможности США на международной арене и стремились научить своих соотечественников различать вымышленные мифы от реальностей мировой политики.

Изменения, имевшие место в мышлении американцев за последние годы, рост антивоенных настроений в США не могли не сказаться на позиции столпов республиканской партии, признавших необходимость предотвращения ядерной катастрофы. Усилия трезвомыслящих политических деятелей США, а среди них особняком стоит имя Дж.У.Фулбрайта, сыграли в этом смысле весьма значительную роль. Сегодня мы вполне можем говорить о наследии сенатора Фулбрайта, заложившего немало кирпичей в фундамент разрядки 70-х годов и советско-американского диалога середины 80-х годов.

Воспитание общества — не дело военных

Уильям Миллер немало времени провел, изучая Советский Союз, пытаясь ответить на вопрос: что делать США в отношениях с этим государством? Он начал свое выступление на симпозиуме в Фулбрайтском центре с дорогих, как для каждого человека, воспоминаний детства, с 30-х годов, когда под влиянием окружающей обстановки начали формироваться его представления о далекой загадочной стране. Под влиянием рассказов многочисленных эмигрантов, осевших в Нью-Йорке, у юного Уильяма формировалось представление об империи зла — с огромными людскими и материальными ресурсами, с жестокой сталинской диктатурой, подавляющей человеческую личность. Мы склонялись к тому, отметил Миллер, чтобы забыть наше сотрудничество в борьбе с общим врагом — нацистской Германией, фашизмом, на которое шли независимо от степени недоверия друг к другу.

Эти высказывания на фулбрайтском симпозиуме толкнули автора книги «Сенатор от Арканзаса» на размышления над тем, как формировались представления современников Уильяма Миллера в Союзе о Соединенных Штатах. В условиях тоталитарной системы наше поведение, мышление находились не только под влиянием целенаправленной пропаганды, но и сложившихся представлений об интернационализме в годы сотрудничества, вспоминался Дж.Рид, показательные страницы из истории русско-американских отношений, появлялся перед нами образ Арманда Хаммера. Даже в семьях, пострадавших от сталинской диктатуры, гитли родившийся в Чикаго праздник рабочей солидарности 1 Мая, нередко говорили о высоком уровне эксплуатации труда в США и т.д.

В доме, в Сокольниках, ставших родными для автора, жили супруги Левит, приехавшие в Союз из США в 30-е годы работать ради создания нового государства, где не будет, как мечтали многие искренние в своих надеждах большевики, эксплуатация, где восторжествует демократия. Любая революция не обходится без иллюзий, но эти иллюзии становятся реальной силой, когда верх не могут управлять, а низы — жать по-старому. И в связи с этим трудно согласиться со взглядом некоторых западных политологов на Ленина как на Хомейни в советской истории, а на большевистскую революцию — как на революцию Хомейни сегодняшнего дня. Радикализм большевиков все же зиждется на социальной базе, Хомейни — на мусульманском фундаментализме... Левит, в прошлом американский гражданин, один из тех, кто рос во время подъема социалистического движения в США, приехал в страну большевиков по зову сердца. Он умер в московской коммунальной квартире, на улице, названной в честь погибшего в гражданскую войну большевика Маленкова, до самой своей смерти сохранив, как показала беседа с ним, веру в

социалистические идеалы. А сколько иностранцев погибло вместе с миллионами граждан Союза в сталинских лагерях?!

Восприятие США в среде мыслящей интеллигенции в Союзе менялось по мере того, как эволюционизировало политически само советское общество. После XX съезда многие в Союзе вздохнули свободно, появилась первая американская промышленная выставка у нас, в Сокольниках, а с ней и новые представления о США. Но диалектика изменений в общественном мнении нашей страны оказалась гораздо сложнее, нежели мы ее представляли. Упрочение мощи военно-промышленного комплекса Союза стало естественной реакцией на вторжение нацистской Германии в нашу страну, реакцией на внешнюю угрозу. И в этом смысле линия Дж.У. Фулбрайта на мирное сосуществование имела непреходящее значение: она ослабляла аргументацию сторонников тоталитаризма в пользу милитаризации советского общества, в то время как жесткие внешнеполитические акции Вашингтона, любое обострение советско-американских отношений благоприятствовали увеличению военных расходов, влиянию военно-промышленного комплекса на общественное мнение нашей страны. Для стремящейся удержать власть сталинско-брежневской административной системы, становилось вполне естественным ограждать общество от «иностранных поветрий», использовать любые внешние угрозы (реальные и выдуманные) с целью поддержания единства общества, особенно при эрозии идеологических ценностей, положенных в основу создания этого общества.

С другой стороны, американский либерализм, традиционно выступавший за упрочение государственного регулирования экономики свободного рынка, нередко сближался с консервативным восприятием внешней угрозы для США со стороны Советского Союза, поскольку под флагом этой угрозы можно было если не нейтрализовать, то как-то загнать вглубь растущие торгово-экономические противоречия между странами Запада. Но ДУФ, становление которого как политика состоялось на ином, нежели в Союзе, уровне развития демократических институтов, имел право и все основания сказать: «Воспитание общества — не дело военных!» Нередко те, кто изучал американскую политику в Союзе, приходили к неутешительным для себя выводам об общности интересов военно-промышленных комплексов, как советского, так и американского, стремящихся к увеличению уровня военных расходов и использовавших для оправдания своей деятельности тезис о внешней угрозе. И видимо, позиция военных кругов как в США, так и в Союзе стала причиной, если воспользоваться выражением Дональда Келли и Хойта Пэрвиса, «шизофренического поведения обеих сторон по отношению друг к другу».

Активная деятельность ДУФ в качестве конгрессмена совпала с изнурительной войной во Вьетнаме, с резким подъемом милитаристских настроений в обществе. Чем сильнее гремели пушки, тем сложнее было музам. И так в истории повторялось всегда, да и в любом обществе: когда генералы занимались политикой, суждения интеллектуалов в лучшем случае использовались в качестве красивого обрамления силового мышления. Внешне казалось, что президент Джонсон уделял большое внимание связям с интеллектуальной элитой. На важные посты были назначены известные представители академических кругов, нашлось для них место и в делах Белого дома. Джонсон ценил бизнес и речи, уделял в них значительное место прославлению усилий

интеллектуалов. На самом же деле все было иначе. Интеллектуалы и политики жили в различных мирах. Эти два мира, согласно образному утверждению Г.Моргентау, были оторваны друг от друга благодаря различным конечным целям, которые преследовали интеллектуалы и политики — «первые стремились к истине, вторые — к власти».

Представители университетской элиты, хотя и были обеспокоены судьбами своего государства, могли лишь говорить, но не могли действовать, они могли подолгу рассуждать о проблемах внешней политики, незирая на эффект, не задумываясь над вопросом: благоразумны ли — с точки зрения интересов США — их суждения или нет? Слова интеллектуалов лишь в минимальной степени имели прямое отношение к реальному положению дел в политике. Слова государственного деятеля, сенатора, напротив, несомненно, выливались в определенную форму политического действия. «Фулбрайт, — отмечал Моргентау, — действовал в рамках власти, но время от времени говорил голосом правды, независимым от власти». По мнению Моргентау, такая деятельность Фулбрайта наносила определенный ущерб авторитету сенатора как в мире интеллектуалов, так и политиков. И те и другие подозревали его. Первые хотели выяснить, в чем состоят политические цели сенатора, когда он, как представлялось, «обращался к правде». Вторым он кажется выступающим в роли троянского коня, не имеющего политического цвета. Поскольку этот «голос правды», раздавшийся с политических подмоств, нельзя было приглушить, а сенатора — коррумпировать, необходимо было прибегнуть к другим средствам. Одно из этих средств — дискредитация. Целая армия журналистов Белого дома третиговала сенатора, называя его «несведущим», «безответственным глупцом». Пример с Фулбрайтом показателен для всей политической линии президента Джонсона.

Президент Джонсон предполагал, что интеллектуалы, как обладатели ученых степеней, поднимают престиж его администрации и поставляют идеи, совершенствующие его политику. Моргентау вкладывал иное содержание в деятельность интеллектуалов на политическом поприще. Последние не сидят в канцеляриях и не поставляют идеи правительству, как чиновники свои предложения по текущим проблемам политики. Президент нуждается не в идеях, а в мудрости. Моргентау вспомнил слова Джэкоба Баркхарда, обращенные к историкам, которые можно было бы отнести и к интеллектуалам. Их цель — «сделать нас не умнее на один день, а благоразумными навсегда». Интеллектуалы должны напоминать президенту о хрупкости власти, самонадеянности силы, ее безрасчетности и ограниченных возможностях².

Таков был взгляд большинства реалистов на проблемы взаимоотношений между президентской властью и интеллектуалами. Они видели опасность не только в «военно-промышленном комплексе», но и в «академическо-политическом комплексе», в котором интересы правительства переплетались с интересами больших академических групп. Похожие процессы имели место и в стране, объявившей высокие цели социалистической политики. Даже те, кто понимал невосполнимый вред для страны неадекватных военных расходов, подрывавших нормальное развитие экономики, не могли открыто выступать против вторжения в Афганистан, губительной гонки вооружений в стране, официально провозгласившей гуманные цели своей внешней политики. Дорогой читатель, ты скажешь, для этого требовалось мужество. И ты будешь прав.

Новое мышление: накопление потенциала

Ученому-обществоведоу казалось если не неизбежным, то весьма соблазнительным избрать путь не жестокого конформизма, а такой, при котором оставалась возможность публиковаться и находить новые формы общения с читательской аудиторией, способные повлиять на общественное мнение, нейтрализовать влияние великодержавных амбиций, бытующих в политико-формирующих кругах Союза. Знакомство в те годы нашего читателя с биографией Дж.У. Фулбрайта стало знакомством не только с законодательным процессом и воплощением его решений в американской политике. В книге «Сенатор от Арканзаса» было немало того, что цензура тех лет называла нежелательными ассоциациями. Многие годы российские авторы, если их работы в сфере общественных наук не соответствовали потребностям военного противостояния, официальной линии, в лучшем случае подвергались остракизму, лишались возможности публиковаться. Идеиные установки построения социализма в одной стране (И.Сталин), программа построения коммунистического общества в Союзе к 80-м годам (Н.Хрущев), развитого социализма (Л.Брежнев) нацелены были, помимо прочего, на оправдание военного противостояния с Западом. Даже принципы мирного сосуществования рассматривались с позиции потребностей классовой борьбы.

Поколение весны 50-х годов воспрянуло духом, прониклось надеждой на развитие политической системы и политической атмосферы советского общества. Несмотря на официальную жесткость в делах, касающихся осуществления «генеральной линии», появились элементы инакомыслия, произрастали первые ростки плюрализма мнений. Отсутствие, однако, коренных экономических преобразований позволяло торжествовать деспотическим формам правления, господству авторитарных порядков как во внутренней, так и во внешней политике.

Один из первых советских студентов, которые получили возможность пройти курс обучения в США по фонду Фулбрайта, вернувшись домой, издал в 1961 г. книгу «Идейная нищета: апологетов холодной войны». «История неумолимо движет человечество к социализму, — писал он. — Уже сегодня главное содержание, главное направление и главные особенности исторического развития человеческого общества определяются мировой социалистической системой...» и т.д. и т.п. Ведь весь «разоблачительный» пафос («довести до гробовой доски классового врага») нашей политической литературы, особенно во времена Л.Брежнева, становился своего рода цементирующим материалом для появившихся после XX съезда КПСС трещин в здании, объявленном еще при Сталине могущественным и социалистическим. Выступать в этих условиях в иных позициях, тем более фулбрайтскому стипендиату, — значит лишать себя мандата на привилегированное положение в обществе, в лучшем случае — остаться не у дел, без «кремлевского корыта». Значит ли это, что тщательно отобранные партийными органами посланцы России ничего поучительного не восприняли для себя из опыта общения с представителями мыслящей Америки? Конечно же, нет! Фулбрайтская программа, несмотря на оковы тоталитарного режима, неизбежно содействовала формированию потенциала нового мышления в Союзе. Мысли о конвергенции сначала публично поддержал восставший против бюрократии академик Андрей Сахаров, — ему симпатизировал и в то же время иногда и полемизировал с ним ДУФ, — затем к ним обратились, хотя значительно позже, и фулбрайтские стипендиаты.

Представитель реалистической школы

Дискуссия относительно планирования послевоенной политики США во время второй мировой войны и в первые послевоенные годы, обсуждение проблемы войны в Корее 1950 — 1953 гг., экономической помощи и «психологических аспектов» внешней политики, наконец, критика политики США во Вьетнаме и в отношении Китая обнажили позицию Фулбрайта как представителя «реалистической» школы американской внешней политики. Ко времени вступления Дж. Фулбрайта на путь активной политической деятельности реализм как специфическое направление западного политического мышления имел уже немало сторонников и почитателей в верхах американского общества. Теоретики «реализма» Альфред Мэхэнн, Рейнольд Нибур, Николас Спайкман, позже — наиболее яркий представитель этой школы — Г.Моргентау видели в центре международных отношений борьбу за власть, геополитические факторы, связывали важнейшие причины международных конфликтов главным образом с человеческой психикой, с присущей человеку агрессивностью. «Как внутренняя, так и внешняя политика, — писал Г.Моргентау, — является борьбой за власть, видоизменяемой лишь различными условиями, в которых протекает эта борьба во внутривнутриполитической и внешнеполитической сфере». Один из выводов Г.Моргентау: «Тенденция доминировать является элементом любого звена человеческого общества»⁶.

Дж.Фулбрайт, основываясь на такого рода взглядах, открывал в комиссии по иностранным делам сената обсуждение проблемы «Психологические аспекты международных отношений». Что заставило сенаторов взяться за обсуждение столь сложной темы? «Признание того, — отвечал на этот вопрос Фулбрайт, — что человеческая природа является основным источником войны и мира, так же как благоразумия и ошибок в политике»⁷.

Сторонники реализма — за гармонию между «национальными интересами» и обеспечивающей их силой. На «национальные интересы», согласно взглядам «реалистов», большое влияние оказывает изменение силы и соотношение ее с силой других государств на международной арене. Трезвый реализм, продиктованный разумом искушенного политика, отражал в деятельности Фулбрайта глубокие противоречия современного сенатору общества.

Революция в России мощным эхом отозвалась в Соединенных Штатах. Многие американские политики, будучи озабочены поиском оборонительных мер и идей перед натиском социальных потрясений, стали объединять свои усилия вокруг энтузиастов, призывавших капитанов рыночной экономики принести в жертву частные интересы во имя спасения их общего, получившего первую серьезную пробоину корабля. Среди этих энтузиастов был президент Вудро Вильсон. И хотя Вильсона постигла неудача, остался вильсонизм, питавший особые надежды — по мере усиления активности общественных наук все больше — на спасительную роль государства в условиях рыночной стихии.

Сторонники вильсонизма по-своему давали и дают трактовку целей Вильсона, состоящих, как они считают, «в достижении мирового либерально-капиталистического порядка, контролируемого международными законами». Американский либерализм, взяв на свое вооружение вильсоновские концепции, прославлял планы создания международного «социального общества», «американизации» глобальной политической структуры, осуществляемые «в соответствии с законом, гарантированным моральной и материальной помощью, согласно соглашению в

рамках Лиги Наций». Американские либералы поднимали на щит усилия Вильсона, направленные на «изменение мирового империализма посредством реформ», а не революции, возвеличивали роль вильсоновской Америки как «исторического агента мировой трансформации от хаоса и империализма к порядку либерального рационализма»⁸.

В послевоенные годы США, занявшие ведущее место среди великих держав, взяли на себя бремя упрочения мировой капиталистической системы. Исторически обусловленный конец изоляционистских настроений в США револютизировал Вильсона в глазах ряда американских руководителей, стремившихся учесть неудачный опыт прошлого президента с Лигой Наций. Под знамя вильсонизма вставали новые энтузиасты. Ф.Рузвельт, Д.Кеннеди стремились приобщить к государственной деятельности талантливых строителей, способных творить во имя исцеления больного общества. Д.Кеннеди цитировал Вильсона, говорившего в свое время о необходимости служения государству лучшей, образованной части американского общества. Но авторитет Вильсона настолько возрос в среде просвещенной Америки, что к его имени стали обращаться невежественные авантюристы от политики, готовые спекулировать на интересе и к либерализму вильсоновского толка. Макартур — один из ярких противников реализма как во внутренней, так и во внешней политике — напоминал демократам слова Вильсона: «История свободы — история ограничения власти государства, а не усиления его»⁹. Американский консерватизм пытался вытравить главное в традициях вильсонизма — идею централизованной и прочной государственной власти.

Но опыт генерала Макартура, если иметь в виду период оккупации Японии, говорил и об ином. Именно на первых ступенях возрождения разрушенной в результате второй мировой войны японской экономики, в практике Макартура, как командующего оккупационными войсками, проявилась, в большой мере, нежелая антивильсонизм, идеология американского прагматизма. Осуществление аграрной реформы — создание системы фермерского хозяйства, жесткая борьба с инфляцией, теневой экономикой — принесло свои плоды, и недаром в современной Японии добрым словом нередко вспоминают «супермаркадо» — Дугласа Макартура, как чтут и благородные цели Фулбрайтской программы научных обменов. Возможно, такое совпадение — одно из исключений из правила, но оно демонстрирует существенную взаимодополняемость консервативного и либерального течения в общественно-политической мысли США — взаимодополняемость, в основе которой положены идеи американского прагматизма, объединявшего представителей различных кругов США ради достижения единой цели.

Изменения в расстановке сил на международной арене после второй мировой войны существенно сказались на внутривластной борьбе в США. Кейнсианство, провозгласившее «трансформацию» капитализма путем «благотворного влияния» государства, стало, по существу, теоретической платформой демократов. В условиях роста авторитета Москвы на международной арене после разгрома фашистской Германии вмешательство государства становилось объективной необходимостью для решения внутренних хозяйственных проблем, возростала и потребность в еще большей централизации внешнеполитического аппарата, более тесной координации его отдельных звеньев. Деятельность Дж.Фулбрайта как представителя демократической партии ярко отражала такого рода тенден-

ции; сенатор ратовал главным образом за внешнюю политику, которая соответствовала бы интересам делового мира США в целом, а не осуществлялась в угоду отдельным — пусть могущественным — группировкам.

Лозунги американского консерватизма, усиленно пропагандировавшиеся республиканцами в первые послевоенные годы, были взяты на вооружение американскими ультра, виднейшими представителями военщины, тесно связанной с военной-промышленным комплексом. Лидер американских ультра Голдуотер — наиболее ярый противник Фулбрайта — видел в лице сенатора от Арканзаса одного из наиболее беспокойных представителей враждебного консерватизму направления¹⁰. Дж. Фулбрайт, как и многие его коллеги, всегда озабочен поиском «противоядия революциям» и чаще всего ищет средства и методы, которые без ущерба авторитету США и при решающей роли государства служили бы такого рода «противоядием».

Отмечая возрастающую роль государства как направляющего рычага власти — а это было во многом связано с научно-технической революцией XX в., — Дж. Фулбрайт написал: «В XVIII и XIX вв. теория о том, что правительство может состоять из дилетантов, была достаточно оправданной, потому что военная техника в то время была относительно простой, а роль правительства в экономической жизни страны — незначительной»¹¹. Консервативный сенатор Голдуотер, напротив, полемизируя со своими противниками, ратовал за большую независимость от централизованности власти; он всегда был против вмешательства правительства в частные дела промышленников, за особые привилегии и права штатов, за снижение федерального налога. Дж. Фулбрайт пытался учесть нужды американского государства в целом, Голдуотер действовал вопреки им, хотя внешне и выглядел ультрапатриотом.

Реализм Дж. Фулбрайта — в подходе к сложнейшим международным проблемам; его стремление к трезвому учету соотношения сил на международной арене вызывало в кругах американских ультра особое возмущение. Недаром против сенатора от Арканзаса зрел заговор ультраправых. Действующие нелегально группы минитменов готовились к взрыву трех летних лагерей пацифистов, планировали отравление работников аппарата ООН и подготавливали убийство Дж. Фулбрайта. Заговор, правда, был раскрыт, но его участникам удалось избежать суровой кары.

Диктатура нуждалась во внешней угрозе

«Перестройка и взаимоотношения СССР с Западом»¹², — этой теме посвятил свое выступление американский советолог Дж. Хаф на симпозиуме в Фулбрайттовском институте международных отношений. В России, в академических кругах хорошо помнят грузного, но легкого на подъем Джерри. Он довольно часто бывал в Советском Союзе, писал различные работы, в том числе и по общественным наукам в нашей стране. Но одна его статья, опубликованная в журнале «Проблемы коммунизма», была использована в Союзе как повод для нажима на неудобных невежественным политикам представителей советского обществоведения.

8 мая 1982 г. в зале Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) собрали руководителей всех направлений, присутствовал там и автор

этих строк, перед ними выступил один из родственников К.Черненко. Собравшиеся здесь перед очами высокого гостя седовласые ученые, молодые специалисты были для высокопоставленного партийного бюрократа лишь толпой, он отчитывал их, как нашкодивших юнцов, на директора института, академика Николая Иноземцева, он огрызнулся несколько раз как на мальчишка. Голос оратора звучал возмущенно: задумайтесь, «если враги вас хвалят!». Разве вы не потеряли бдительность?! Имелась в виду статья Дж.Хафа, вполне объективная, где советолог попытался посмотреть со стороны на наше обществоведение, использовал, в частности, категорию «сынки». Высокопоставленный представитель из аппарата и не ведал, кто же автор статьи, и даже забыл его фамилию. Аппаратчик, попав в ЦК благодаря протекции К.Черненко, угодил на место заведующего сектором экономики отдела науки «Большого дома». С этого времени он считал себя вправе читать — лишь бы представился повод — нотации всем, судить или миловать любого смертного. Николай Иноземцев пытался робко возражать перед лицом необоснованных, как он считал, обвинений: придите во внимание, говорил он, что за последние 1,5 — 2 года в зарубежных командировках побывало до 20 наших сотрудников и все они получили благодарности от организаций, их направлявших. Волков вошел в роль обвинителя: в вашем институте большинство «невъездных».

Комиссия ЦК, за которой стояли Гришин (председатель), Зиянин (зам.председателя), вдохновляемая самим К.Черненко, приняла тогда жесткое решение по ИМЭМО, оно повлияло на судьбы ученых, резко осложнило психологический климат в институте, серьезно сказалось на здоровье академика Н.Иноземцева, приблизив, по-существу — мы были уверены в этом, — день его кончины. В условиях, когда накалялись политические страсти в советском обществе, когда борьба в верхах все более болезненно реагировала на воздействие через общественное мнение таких факторов, как затянувшаяся война в Афганистане, события в Польше, представители консервативного крыла партийной бюрократии стремились с корнем вырвать пробивавшиеся уже тогда к свету международного общения ростки нового мышления, задавить носители этого мышления.

Процесс развития советско-американских отношений в канун прихода к власти М.С.Горбачева развивался, как мы видим даже по реакции в Союзе на статью Дж.Хафа, отнюдь не гладко. Диктатура нуждалась — особенно во время своего кризиса — в поддержании мифа о внешней угрозе, что оправдывало милитаризацию всех сфер общественной жизни, подавление любых идей, нацеленных на преодоление раскола мира путем делового сотрудничества.

Деятельность сенатора Дж.Фулбрайта стала важным фактором, нацеленным на воспитание в американском обществе психологии сотрудничества, взаимопонимания со всеми партнерами, даже если они казались официальному Вашингтону выразителями «империи зла». С другой стороны, советско-американские отношения, как виделись они Дж.У. Фулбрайту, должны были в перспективе оказать психологическое воздействие и на строителей внешней политики Союза, уменьшить таким путем напряженность и помочь выработать привычку к сотрудничеству. Эти надежды основывались на идеях взаимозависимости мира, разделенного идеологией, национализмом, огромной пропастью между богатыми и бедными.

Многие рекомендации сенатора или советы его коллег по дискуссии в сенатской комиссии по иностранным делам были взяты на вооружение американскими

президентами и их советниками. ДУФ стал символом — и это не преувеличение — критики внешней политики США со стороны американских либералов. Его деятельности посвящены изданные в США и за рубежом книги и статьи. Это честь, которой при жизни удостоиваются главным образом президенты.

Личность Фулбрайта, председателя комиссии по иностранным делам, его деятельность, взгляды заслуживают детального изучения уже потому, что этот сенатор всегда опирался на ведущих представителей университетского мира США, прибегал к помощи многих американских научных учреждений для поиска и обоснования новых методов и средств осуществления внешней политики применительно к меняющейся международной обстановке.

---

¹ В 1971 г. изд-во ИМО выпустило книгу Воронцова В.В. — «Сенатор от Арканзаса».

² Arkansas Democrat. — February, 20. — 1991.

³ Д ж. У. Ф у л б р а й т. Семидесятилетие силл. М., ИМО, 1967.

⁴ Old Myth and New Realities in United States-Soviet Relations. Ed. by Donald R. Kelley and Hoyt Purvis. — N. Y. — 1990. — P. 31 — 32.

⁵ Н а н с J. Morgenthau, Truth and Power. Essays of a Decade, 1960 — 1970. New York, Washington, London. — P. 22 — 28.

⁶ HJ. Morgenthau. Politics among Nations. — N.-Y. 6 1955. — P. 31.

⁷ Psychological Aspects of International Relations. Hearing before the Committee on Foreign Relations United States Senate, 89-th, Cong 2-d Sess., May 25. — 1966. — P. 1.

⁸ N. G o r d o n L e v i n Woodrow Wilson and World Politics. America's Response to War and Revolution. London—Oxford — New-York, 1970. — P. 1 — XII, 5 — 7.

⁹ D. M a c A r t h u r. A Soldier Speaks. N.Y., 1965. — P. 334.

¹⁰ W. O l d w a t e r. The Conscience of a Conservative. N.Y., 1960.

¹¹ J. W. F u l b r i g h t. Prospects for the West, Camb., 1963. — P. 106.

¹² J e r r y F. H o u g h. Perestroika and Soviet Relations with the West. Old Myth and New Realities in U.S. — Soviet Relations. — P. 19 — 49.

ИНСТИТУТ ИМЕНИ ФУЛБРАЙТА В США

Институт международных отношений имени Фулбрайта при Университете Арканзаса является центром изучения, научных исследований и анализа внешней политики и международных вопросов. Созданный в 1982 году, институт отдаст дань уважения сенатору Дж. Уильяму Фулбрайту за его ведущую роль в международных отношениях и за его вклад в области международного просвещения и установления лучшего понимания между народами.

Институт тесно сотрудничает с университетом и, подобно Центру Мерсона, всесторонне подходит к научным исследованиям в области международных отношений, охватывая историю, государственное право, экономику и журналистику. В его работе участвуют также специалисты по узким вопросам, дипломаты и практики с опытом внешнеполитической деятельности.

Институт выступает спонсором ряда программ по важным международным темам. Наиболее значительным мероприятием, проводимым весной каждого года, является симпозиум, посвященный разным, меняющимся из года в год вопросам.

Тема симпозиума, состоявшегося в апреле 1990 года, — «Великие державы и восходящие державы зоны Тихого океана». Ранее обсуждались такие темы, как интернационализм и интервенционализм в американской внешней политике, отношения между США и Японией, вопросы обеспечения продовольствием в мире и проблемы международных связей. Институт оказывает также материальную поддержку конференциям по ключевым проблемам международных отношений и внешней политики.

В соответствии с программой предоставления гостевых стипендий институт приглашает из разных штатов США и других стран ученых, журналистов и практиков, представляющих различные точки зрения, для кратковременной работы на территории Университета Арканзаса. Главный редактор ПДВ, доктор Владимир Борисович Воронцов приезжал в США для работы в Институте имени Фулбрайта в феврале 1991 года. Он подбирал научные материалы для нового издания своей книги, изданной в 1971 году, о Дж.Уильяме Фулбрайте — «Сенатор от Арканзаса».

Ученые в Институте имени Фулбрайта, с которыми можно связаться:

Хойт Пёрвис, специалист по международным отношениям, — директор института. Он особо интересуется вопросами установления нового международного порядка и очагами напряженности, вызванными национализмом в СССР. Самой последней опубликованной им работой является учебное пособие по международным отношениям, озаглавленное «Взаимозависимость». Эта работа должна быть вскоре опубликована в издательстве «Харкерт Брэйс Джованович».

Рэндолл Вудз — специалист по истории дипломатии США. Он является автором книги «Смена караула: англо-американские отношения, 1941—1946 гг.», опубликованной в издательстве «Юниверсити пресс Северной Каролины». Он также соавтор, с Ховардом Джоунсом, книги «Зарождение «холодной войны»: поиски Америки порядка», опубликованной издательством «Юниверсити пресс штата Джорджия».

Генри Тсай — специалист по истории Китая и Японии в Университете Арканзаса. Последней его книгой является «Представление о Китае в Америке», опубликованная издательством «Юниверсити пресс Индианы» в 1986 году. В настоящее время он работает над книгой о династии Мин в Китае.

С ним можно связаться через кафедру факультета истории Университета Арканзаса. Его телефон: (501) 575-3001 или 575-5890.

Адрес Института имени Фулбрайта:

Институт международных отношений имени Фулбрайта

722 Вест Мейл

Университет Арканзаса

Файеттвилль, штат Арканзас 72701

Телефон: (501) 575-2626

Факс: (501) 575-7402

Кристина Холмс

Корпорация «Рэнд», США

От редакции

Взяв курс на регулярное и тщательное освещение экономической и общественно-политической жизни областей и краев российского Дальнего Востока, редакция обратилась к председателю Сахалинского облисполкома В.П.Федорову с просьбой порекомендовать нам в качестве автора зарубежного бизнесмена, чтобы познакомить наших читателей с трудностями и проблемами, с которыми иностранный инвестор сталкивается в России. Ответ не заставил себя ждать. Уже в сентябре 1991 г. редакция получила письмо американского предпринимателя в области животноводства Дж.Мак-Пика. Оно показалось нам очень интересным, а главное — выразительно характеризующим те препятствия, с которыми сталкивается иностранный бизнес в нашей стране. Поэтому мы публикуем письмо г-на Мак-Пика полностью.

Прокомментировать ответ американского бизнесмена в Сахалинской области редакция попросила доктора экономических наук В.П.Караваева.

Как делать бизнес в России: «Идите и делайте!»

(Письмо в редакцию)

Хотел бы представить свою фирму. Называется она «Бэбкок Свайн инкорпорэйтед». Это американская фирма, расположенная в городе Рочестер, штат Миннесота. Основным видом ее деятельности является обеспечение свиноводческих ферм в США и других странах генетическим материалом, методиками управления и руководящим персоналом, компьютеризированными технологиями свиноводства.

Центр научных исследований и разработок нашей фирмы находится в США. Его возглавляют профессиональные генетики и программисты. Целью проводимых там исследований является производство высококачественной свинины с минимальной себестоимостью, что должно быть достигнуто в ходе генетических усовершенствований и повышения уровня технологического управления.

Наиболее обширные связи у нашей фирмы сложились с японскими животноводцами. Кроме того, у нас много клиентов на Филиппинах, Тайване, в Таиланде, Корее, Коста-Рике, Канаде и теперь — в России. Отмечу, что процесс организации нашей деятельности в России оказался очень трудным и отнял много времени. Главным препятствием в этом процессе явилось то, что русские предприниматели считают чуть ли не единственным способом сотрудничества с иностранцами создание с ними совместных предприятий. При этом не учитыва-

ется, что все совместные предприятия в капиталистических странах являются иностранными. В США, например, на базе СП осуществляется менее чем 1% всей производственной деятельности. А это значит, что американский бизнесмен не понимает принципов деятельности СП.

Что касается меня лично, то мне казалось, я знаю, как организовать деятельность в рамках СП, — до этого я прочитал несколько книг с примерами такой организации. Однако после серии длительных переговоров я понял, что никогда не смогу начать свой бизнес, если буду пытаться осуществлять его через СП. Еще одним препятствием оказалось недопонимание нашими местными партнерами неконкретных, абстрактных идей. Например, компьютерная программа, разработанная фирмой «Бэбкок», записана на диск номинальной стоимостью 5 долл. Для наших потенциальных партнеров это означало, что вся стоимость программы по организации и управлению работой фирмы составляет 5 долл. или чуть-чуть больше. Аналогичная проблема возникла в отношении планирования поставок советским партнерам замороженного семенного материала для свиноводческих ферм. Так, указанная на пробирке с плодоспособным семенем, полученным от хряков на нашей экспериментальной ферме, цена включала в себя стоимость заморозки и самой пробирки и составляла 10 долл. Никакие доводы с моей стороны не могли убедить наших потенциальных партнеров в том, что стоимость семенного материала и компьютерных программ не равна 15 долл., полученным ими в результате простого сложения цен. Мои объяснения по поводу того, что фирма вложила в эти исследования и разработки 12 млн. долл., не произвели на моих партнеров никакого впечатления. После нескольких таких переговоров я уже был готов навсегда уехать из России. Но я остался и устроил свой бизнес иным способом.

В свое время председатель Сахалинского облисполкома дал мне дельный совет по поводу того, как делать бизнес в России. Он сказал: «Делайте!» Мы делали. Мы отправили из Японии контейнер с необходимым оборудованием и попали в паутину бюрократических сетей служб контроля за ввозом товаров в СССР. Как нам заявили, наши документы были оформлены неправильно. Но для нас это не было новостью, так как у большинства иностранцев документы всегда оказывались оформленными недостаточно верно для местной бюрократии. Наш контейнер «застрял» на таможне. Не теряя времени, мы начали интенсивную подготовку российского специалиста, для чего направили российскую гражданку на 3 месяца на нашу экспериментальную ферму. Потому что после нескольких поездок в Россию я уже знал, что нам придется направить русских в США, чтобы на базе американского опыта объяснить им, как работают вместе наша система свободных экономических отношений и наша компьютерная программа.

Это было пока едва ли не самым лучшим способом инвестиции наших средств, поскольку теперь этот специалист обладает достаточным опытом для того, чтобы представлять нашу фирму здесь на должном уровне. По возвращении этого специалиста на Сахалин мы обратились к зам. председателя Сахалинского облисполкома А. Бариннову с просьбой выбрать для нас маленькую свиноводческую ферму, с которой мы могли бы начать свою деятельность. Мы прибыли на ферму буквально как незваные гости, установили там свой компьютер и оставили нашего специалиста, обученного в США. Я сказал директору фермы, что мы установим свою систему на несколько месяцев и потом, если она по-

дойдет им, оговорим условия оплаты. Я готов был биться об заклад, что они убедятся в результативности системы и пожелают оставить ее у себя. Вернувшись через несколько месяцев, я подписал контракт, по которому оплата за эксплуатацию системы должна производиться в зависимости от валового производства. Это удобный и прямой путь к успеху — никаких лишних обсуждений с партнерами размеров вклада каждой стороны и вопросов распределения прибыли.

Одной из проблем последних месяцев была трудность регистрации нашего представительства на Сахалине. Мы не могли найти причин этому, пока нам не сообщили, что это должно происходить в Москве. Русские бюрократы сильны тем, что они всегда находят кого-то еще, кто может делать то, что должны делать они сами. Я знал много ужасающих историй об иностранных фирмах, пытавшихся зарегистрироваться в Москве. И решил даже не пытаться делать это, рассчитав, сколько будет стоить и сколько отнимет времени указанная процедура. Такие действия с нашей стороны означали, что у нас нет законных полномочий на осуществление деятельности в России. Более того, у нас не было счета в банке, по которому нам могли бы оплачивать услуги и мы сами могли бы оплачивать услуги и товары, предоставленные нам. Мы отправились в маленький город и попросили местные власти зарегистрировать малое частное предприятие, именуемое «Бэбкок Сахалин». И через три дня наше малое предприятие было оформлено, у нас появились печать, банковский счет и возможность осуществлять нашу деятельность. Эта малая частная организация может оказаться не совсем тем, что необходимо нам, но позволяет достичь результатов, намеченных на этот период. Если эта форма деятельности не оправдывает себя, мы ее изменим. Итак, все происходит в полном соответствии с формулой, высказанной председателем Сахалинского облисполкома Федоровым: «Идите и делайте».

Джеймс Мак-Пик,
президент фирмы
«Бэбкок Свайн инкорпорэйтед»

И ВСЕ ЖЕ ИНВЕСТИРУЙТЕ В РОССИИ!

История американского бизнесмена Дж.Мак-Пика, который пытается делать бизнес в России, достаточно типична для деловых людей Запада, сотрудничающих с нашей страной. Это сотрудничество нередко напоминает бег с препятствиями, набор которых хорошо известен. Это и попытки загнать деловую активность в прокрустово ложе совместного предпринимательства, и недооценка интеллектуального труда, материализованного в товарах, и бюрократическая запутанная процедура оформления, и тупость коррумпированных чиновников, балансирующих на грани между саботажем и вымогательством, и многое другое.

Ситуацию нельзя не признать парадоксальной: бизнесмен из США хочет вложить свой капитал в среду разваливающуюся кризисную экономику, да еще в самый болевой ее сектор — продовольственный, производство свинины. Страна задыхается от дефицита мяса, закупая его за границей за валюту миллионами тонн; подавляющее большинство ее населения сидит на нищенских «мясных» карточках, которые к тому же трудно отovarить. А тут западная технология производства мяса идет к нам сама, казалось бы, ей надо немедленно дать «зеленый свет», а пред-

принимателю оказать максимальное содействие, как это делается во всем мире. Во всем мире, но не у нас, в условиях умирающей тоталитарной системы, где все перевернуто с ног на голову. Здесь предприимчивому иностранцу дают почувствовать на себе основной принцип системы: «Инициатива наказуема!»

Сначала ему говорят: хотите инвестировать в нашу экономику — создавайте совместное предприятие с российским партнером. Вот уже скоро пять лет после известных постановлений союзного правительства, принятых в январе 1987 г., в стране развивается совместное предпринимательство как основная, а до последнего времени практически единственная форма привлечения иностранного капитала. На сегодня зарегистрировано свыше 3 тыс. совместных предприятий, однако из них реально дают продукцию и оказывают услуги лишь около трети. Вклад иностранных партнеров в их капитал оценивается в 2 — 3 млрд.долл. Для сравнения: в Китае иностранные инвестиции в экономику приближаются к 20 млрд.долл.

Почему у нас дело идет так туго, видно хотя бы из истории Дж.Мак-Гика. Совместные предприятия у нас с участием иностранных фирм создаются на контрактной основе, распределение доходов определяется долевым вкладом сторон в капитал СП. Правильно оценить этот вклад не так-то просто в условиях несопоставимости отечественных и мировых цен. Например, российскому партнеру трудно понять, что стоимость компьютерной программы, записанной на компакт-диск, или замороженного семенного материала для свиноводческих ферм отнюдь не сводится к цене самого диска или пробирки с этим материалом — 5 — 10 долл. В них лишь материализована высокая технология, являющаяся продуктом высокоинтеллектуального труда, ценного в мире в миллионы раз дороже их материального тиражированного воплощения. В мире, но не у нас: тоталитарная система на всех этапах существования систематически физически и морально уничижала интеллектуалов, обесценивала интеллектуальный труд. И сегодня, в условиях перехода к рынку труд научных работников в нашем отечестве оплачивается где-то на уровне дворников или уборщиц.

Но если даже удалось договориться с российским партнером о более или менее адекватной оценке вклада сторон в капитал СП, это еще полдела. Совместное предприятие надо зарегистрировать, чтобы получить статус юридического лица, печать и счет в банке, без чего его деятельность невозможна. Для иностранных деловых людей эта регистрация превращается в хождение по мукам. Дж.Мак-Гик верно отметил, в чем «сила» русских бюрократов — в доведенной до высокой степени искусства «спихотехнике», т.е. в умении переложить на других свои прямые обязанности. Излюбленный довод — не так оформлены документы, нет той или иной справки, и ничего сделать нельзя. Но если подать данному чиновнику, к примеру, видеосистему, все будет сделано моментально и документы окажутся правильными.

Не только в министерских кабинетах в Москве, но и на таможенных постах на окраинах страны та же история: «неправильно оформили документы», и ценнейший груз месяцами валяется на таможне. И там те же тупые и безразличные коррумпированные чиновники. Но это, так сказать, мелкие сошки, чего ждать от них, когда самое высокое начальство в Москве подавало пример антизападных настроений.

Достаточно вспомнить скандальное заявление экс-премьера Павлова о мнимом заговоре западных банкиров, злонамеренно накапливавших советские рубли для подрыва нашей экономики. Как будто можно ее сильнее подорвать, чем это сделал сам Павлов нелепым обменом денежных купюр и вторапрельским ценовым шо-

ком?! Из той же серии обвинения со стороны бывшего шефа КГБ Крючкова в адрес западных предпринимателей в чуть ли не умышленных поставках нам некачественного зерна. Как известно, оба эти деятеля вошли в состав ГКЧП, в документах которого помощь из-за границы пренебрежительно названа подачками.

Дж.Мак-Пику сильно повезло: он имел дело с властями острова Сахалин, получившего недавно статус свободной экономической зоны. Председатель Сахалинского облисполкома профессор В.Федоров — известный теоретик и практик свободного предпринимательства, делающий все возможное для привлечения в область иностранного капитала. Он может не только сказать: «Идите и делайте», но и оказать реальную поддержку.

Однако таких островов свободного предпринимательства у нас в стране крайне мало. Желающих гораздо больше, около трескот заявок от краев, областей, городов, районов застряло в Верховном Совете и Правительстве России. В республике до сих пор не разработан действенный механизм принятия решений о создании СЭЗ и ЗСП, что явно тормозит международное экономическое сотрудничество ее регионов.

И все же уже намечаются положительные сдвиги, позволяющие с оптимизмом смотреть в будущее и сказать западным бизнесменам: «И все же инвестируйте в Россию!» Кстати, иностранные инвестиции в России имеют немалые традиции. Еще в конце XIX в. великий реформатор российской экономики министр финансов граф С.Ю.Витте дал «зеленый свет» иностранному капиталу. Объем иностранных инвестиций измерялся сотнями миллионов рублей в ценах того времени. Основными вкладчиками были бельгийские, французские, германские компании. Весьма значителен был вклад иностранного капитала в индустриальное развитие южных регионов, особенно таких, как Донбасс, Баку, а также столичных городов Санкт-Петербурга и Москвы. Первое десятилетие XX в. было периодом наиболее успешного индустриального развития страны, насильственно прерванного первой мировой войной и революцией.

Как известно, насильственно захватившие власть большевики экспроприровали иностранную собственность и аннулировали царские долги. Однако и они не умели обойтись без иностранного капитала. В годы нэпа в Советской России действовало немало совместных предприятий, иностранному капиталу предоставлялись концессии. В конце 20-х — 30-е годы эти формы сотрудничества были свернуты; однако сталинская индустриализация первых пятилеток базировалась в основном на западном оборудовании, закупавшемся в обмен на зерно у американских, английских, германских компаний. Именно этим оборудованием оснащались такие индустриальные гиганты, как Харьковский и Сталинградский тракторные заводы, Горьковский автозавод, Днепрогэс и др., кстати, строившиеся при участии западных специалистов.

Сегодня нами извлечены необходимые уроки из прошлого, зачастую весьма горькие. В принятом Верховным Советом России законе «Об иностранных инвестициях в РСФСР» статья 7 гласит: «Иностранные инвестиции в РСФСР не подлежат национализации и не могут быть подвергнуты реквизиции или конфискации, кроме как в исключительных, предусмотренных законодательными актами случаях, когда эти меры принимаются в общественных интересах». Законом предусмотрены также гарантии от незаконных действий государственных органов и их должностных лиц, включая право иностранных инвесторов на возмещение понесенных ими в результате таких действий убытков, включая упущенную выгоду.

Согласно принятому закону, иностранные инвестиции на территории России пользуются полной и безусловной правовой защитой, которая обеспечивается настоящим Законом и другими законодательными актами, международными договорами, действующими на территории республики. Предусмотрено, что правовой режим иностранных инвестиций не может быть менее благоприятным, чем для российских юридических и физических лиц. То же самое относится к налогообложению: согласно статье 28 закона, предприятие с иностранным участием, а также иностранные инвесторы уплачивают налоги, установленные действующим в Российской Федерации законодательством. Для предприятий с иностранными инвестициями, действующих в приоритетных отраслях народного хозяйства, и в отдельных регионах, включая свободные экономические зоны, может устанавливаться льготный порядок налогообложения.

В свободных экономических зонах иностранные инвестиции и предприятия с иностранным участием облагаются налогом по пониженным ставкам. Однако при этом ставки налогов не могут составлять менее 50% действующих на территории России налоговых ставок для иностранных инвесторов и предприятий с иностранным участием. В СЭЗ вводятся также пониженные ставки платы за пользование земель и другими природными ресурсами, предоставляется право их долгосрочной аренды сроком до 70 лет с правом сдачи в субаренду. Вводятся упрощенный порядок регистрации предприятий с иностранными инвестициями: предприятия с объемом иностранных инвестиций до 75 млн.руб. регистрируются на месте.

Дж. Мак-Пик сумел зарегистрировать на месте, в маленьком городе, а не в Москве, свое малое частное предприятие «Бэбкок Сахалин», но беспокоится, что эта организация может оказаться совсем не тем, что ему нужно. Сегодня, после принятия Закона Российской Федерации об иностранных инвестициях, перед ним, как и перед другими западными инвесторами, открываются широкие возможности, диапазон форм вложения капитала существенно расширяется. Помимо долевого участия в совместных предприятиях с советскими партнерами это может быть создание предприятий, полностью принадлежащих иностранным инвесторам, или их филиалов, приобретение предприятий, зданий, сооружений, долей участия в предприятиях, паев, акций, облигаций, других ценных бумаг, приобретение прав пользования земель и другими природными ресурсами и т.д. Иностранные инвесторы получают право участвовать в приватизации государственных предприятий в стране, используя для этого рублевые и валютные средства.

Но дело, разумеется, не в одном принятом законе, хотя бы и весьма прогрессивном. Законов у нас принято великое множество, в том числе довольно прогрессивных, сложнее обстоит дело с их выполнением. После провала августовского путча политическая обстановка в стране благоприятствует проведению радикальных экономических реформ и интеграции в мировую экономическую систему, и благоприятные возможности начинают реализовываться.

Иностранный инвестор не может не учитывать и то обстоятельство, что при сложившемся рыночном курсе рубля к доллару, Россия стала одной из самых дешевых в мире стран для иностранных граждан, примерно на уровне Таиланда или Китая. Принято принципиальное решение о введении в стране внутренней конвертируемости рубля в 1992 г. А это снимет одно из самых серьезных препятствий для иностранного предпринимательства, связанное с неконвертируемостью рубля. Появится возможность обратить рублевые доходы иностранных и совместных предприятий в свободно конвертируемую валюту по рыночному курсу, который будет

непрерывно выше нынешнего. В стране будет создан валютный рынок с обслуживающей его инфраструктурой.

Реальный переход к рыночным отношениям в экономике, отмена фондируемого распределения ресурсов, развитие оптовой торговли средствами производства по договорным ценам снимут еще одну серьезную преграду для иностранных инвесторов и совместных предприятий — материально-техническое обеспечение их производства. Именно из-за этого препятствия лишь менее трети зарегистрированных в стране совместных предприятий реально выпускают продукцию. Уже сейчас в стране интенсивно развивается биржевая торговля всеми видами ресурсов. Налаживаются прямые горизонтальные связи между предприятиями. Отмена госзаказа существенно расширит сферу рыночных отношений, откроет простор их развитию.

Все эти обстоятельства представляются важным для иностранных инвесторов, вкладывающих свой капитал в России.

Самое главное для иностранных инвесторов то, что в России им есть к чему приложить капитал. Есть богатейшие природные ресурсы, основательно растроченные и разбазаренные при тоталитаризме, но еще достаточно обильные. Это нефть, газ, руда, золото, лес и т.д. В современных экологических технологиях их добычи, заготовки, переработки Россия крайне нуждается, и дело это взаимно выгодное. Есть мощный научно-технический потенциал, накоплен немалый задел, особенно в области фундаментальных исследований, запас идей, которые не могут быть реализованы из-за недостатка инвестиций и современного оборудования. Есть отрасли военно-промышленного комплекса, действующие на достаточно высоком техническом уровне, конверсия которых при участии иностранных инвесторов также сулит немалую взаимную выгоду.

В России работают учреждения Академии наук, миллионная армия ученых, инженерно-технических работников, по количеству превышающая потенциал многих индустриально развитых стран. И хотя качество их труда иногда уступает западным специалистам к мировому уровню, но далеко не во всех случаях, а квалификация значительно выше, чем в большинстве развивающихся государств, что создает благоприятные условия для международного взаимодействия.

И наконец, в стране идет процесс бурного развития альтернативного, негосударственного сектора экономики, формирование среднего класса, включающего кооператоров, арендаторов, фермеров, мелких и средних частных предпринимателей, банкиров. Этот сектор, несмотря на всевозможные препятствия, развивается весьма динамично, что особенно заметно на фоне прогрессирующей стагнации и спада производства в государственном секторе экономики. Весьма бурно развивается в стране рыночная инфраструктура, всевозможные биржи, коммерческие банки, становление которых весьма плодотворной может быть западная помощь. Негосударственный сектор экономики остро нуждается в западном опыте в области менеджмента, маркетинга, современных рыночных отношений в широком смысле слова. И деятельность таких предпринимателей, как Дж. Мак-Пик, для нас крайне полезна не только для производства остродефицитной продукции на его предприятиях, но и как хорошая школа современного бизнеса.

В. Караваяев,
ведущий научный сотрудник
ИМЭПИ РАН

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЭКСПОРТА: КАК ЕЕ РАССЧИТЫВАТЬ? (на примере Сибири и Дальнего Востока)

В. Савин

В настоящее время многие тысячи наших промышленных, сельскохозяйственных, транспортных и иных предприятий становятся субъектами внешнеэкономических связей. Регионы страны, в том числе бывшие республики, уже не просто участвуют в поставках продукции на экспорт и в получении импортной продукция, а обретают подлинную самостоятельность в определении внешне-торговой политики, в формировании географической и товарной структуры экспортно-импортных связей. Конечно, на этом пути еще не все проблемы ясны, процесс повышения самостоятельности и адекватной ответственности в принятии внешнеэкономических решений идет, составляя непреложный факт перестройки.

В этих условиях становится особенно настоятельной задачей определения экономического смысла непосредственного выхода на внешний рынок. В принципе эта задача была бы легко разрешимой, если бы наш внутренний рынок располагал совершенной системой цен. Но поскольку этого пока нет, приходится определять экономические параметры международного экономического сотрудничества непростым путем. Возможно, отчасти в силу сложности расчетов эффективности среди широкой общественности бытует много представлений о внешней торговле, весьма далеких от действительности. К устойчивым заблуждениям относятся, в частности, представление о заведомо низкой эффективности экспорта всех товаров топливно-энергетической и сырьевой групп, невыгодности закупок за рубежом пищевых товаров, например зерна и сахара, о нецелесообразности торговли на условиях кредита с развивающимися и некоторыми другими странами и т.д.

Конечно, все эти представления продиктованы заботой о благе страны, но основаны на крайне примитивном и искаженном понимании законов экономики, на журналистских приемах причисления стран к сырьевым придаткам, к обязательному неэквивалентному обмену и т.п. Отсюда и довольно противоречивые суждения об эффективности внешнеэкономических связей страны. В связи с этим попытаемся высказать по данной проблеме некоторые наши суждения с использованием недавних публикаций цифровых данных, что является само по себе уникальным явлением.

Эффективность внешнеэкономических связей СССР

В течение многих лет по вопросам эффективности внешнеэкономических связей страны публиковались только теоретические и методологические матери-

Савин Владимир Андреевич, зав. сектором экспортной базы ВНИКИ.

алы. Фактические данные отсутствовали, и это нельзя объяснять чьим-то злым умыслом. Дело в том, что фактическая эффективность внешнеэкономических операций и связанных с ними других экономических мероприятий во всех странах относится к разряду коммерческой информации, особенно если это касается перспективы. Поэтому наше дальнейшее изложение опирается на уже опубликованные данные. Кстати, хотя эти данные относятся к 1988 г., они не могут считаться устаревшими для уяснения принципиальных вопросов эффективности внешнеэкономических связей и вполне актуальны и для настоящего периода.

Об эффективности внешних экономических связей можно судить по их вкладу в формирование чистого дохода страны. На практике этот вклад в форме взносов в бюджет определяется в конечном счете как разница между национальными и интернациональными издержками производства вывозимых и ввозимых товаров и услуг. Это достигается путем сравнения затрат на экспортную продукцию во внутренних ценах и стоимости импорта, выраженной также в ценах внутреннего рынка¹. В 1988 г. эти показатели были следующими:

Затраты на экспорт в оптовых ценах	42,9 млрд.руб.
Импортная продукция в оптовых ценах	92,5 млрд.руб.
Вклад внешних экономических связей в чистый доход страны	49,6 млрд.руб.

Приведенные данные следует воспринимать как весьма ориентировочные. Дело в том, что оптовые цены на экспортную продукцию содержат чистый доход в форме прибыли. Значит, в данном случае надо оценивать экспортную продукцию не по оптовым и розничным ценам², а по себестоимости. Специальные подсчеты показывают, что искажающее влияние этого недоучета чистого дохода в последние годы увеличилось. Рентабельность экспортной продукции, исчисленная как отношение прибыли к себестоимости, намного возросла к 1988 г. по сравнению с предшествующими годами.

Для получения более точной величины вклада внешнеэкономических связей в экономику страны надо ввести еще соответствующую поправку на несбалансированность экспорта и импорта во внешнеэкономических ценах (в 1988 г. экспорт превышал импорт на 2,1 млрд.руб.).

Для точности счета надо, разумеется, принять во внимание и кредитные отношения.

В результате внесения перечисленных и некоторых других необходимых поправок можно получить оценку действительного вклада внешнеэкономических связей в экономическое развитие страны. Этот вклад будет существенно превышать приведенную выше цифру.

Иногда численное значение вклада внешнеэкономических связей относят к национальному доходу. Это является не совсем логичным, поскольку вклад внешнеэкономических связей представляет собой чистый доход и должен соотноситься с чистым доходом общественного продукта, например с фондом накопления в национальном доходе, использованном на потребление и накопление. Тем более неправомерно соотносить чистый доход от внешнеэкономических связей с произведенным национальным доходом. И уж совсем неправомерным, с нашей точки зрения, является отнесение рассматриваемого показателя к совокупному общественному продукту (валовой продукции), поскольку последний включает в себя прошлый труд. Также неприемлемо ис-

пользование в данном случае и валового национального продукта, рассчитанного по западной методике.

Если не вносить уточнений, о которых говорилось выше, и исходить из принятой практики, то общий показатель эффективности внешнеэкономических связей, результирующий совокупный эффект от экспортных и импортных операций, в 1988 г. составил 215%. Иначе говоря, на каждый рубль, вложенный во внешнеэкономические связи, поступления в народное хозяйство страны составили 2 руб. 15 коп.

С 1985 г. наблюдается некоторое снижение эффективности внешнеэкономических связей как следствие относительного ухудшения пропорции мировых цен на товары советского экспорта и импорта. Несмотря на меры по увеличению объемов продаж основных валютных товаров нашего экспорта, валютные поступления от них уменьшались. Так, общая сумма недополученной против условий 1985 г. валюты за 1986 — 1988 гг. составила 41,5 млрд. инвалютных руб. Эта тенденция продолжалась и в последующие годы.

В то же время в 1986 — 1988 гг. имело место некоторое снижение импортных цен, за счет чего удалось компенсировать потери в общей сложности на 11,0 млрд. инвалютных руб. Таким образом, общие чистые валютные «потери» составили за рассматриваемый период 30,5 млрд. инвалютных руб. Недополучение валюты ограничивало возможности наших закупок на внешнем рынке. Однако уменьшение доходов от внешнеэкономических связей нельзя воспринимать как трагедию. Это вполне объяснимое явление циклического развития мирового рынка. При этом нельзя забывать, что в истории советской внешней торговли были периоды бурного роста эффективности экспорта основных наших товаров. Значительное повышение цен на нефть и другие энергоносители отмечалось и в 1990 г. Правда, по ряду причин, не зависящих от советской внешней торговли, эти благоприятные условия остаются неиспользованными.

Тем не менее вклад внешнеэкономических связей в народное хозяйство весьма значителен и уступает вкладу только одной отрасли — промышленности. Если бы наша страна не имела внешнеэкономических связей (такое допущение, конечно, не реально, но вполне оправдано теоретически), то темпы развития нашего народного хозяйства были бы значительно ниже фактических.

Внешнеэкономические связи оказывают большое влияние на темпы технического прогресса в стране. По нашей оценке, за счет внешних факторов обеспечивается от половины до $\frac{3}{4}$ технического прогресса в нашей стране. Эта оценка, естественно, может уточняться для каждого отдельного периода, но в любом случае речь идет о таких показателях воздействия на технический прогресс, которыми не следует пренебрегать.

Как показывают специальные исследования и расчеты, внешнеэкономические связи дают нашей стране возможность экономить большие суммы капитальных вложений, снижать тем самым капиталоемкость (фондоёмкость) общественного производства. Иначе говоря, собственное производство импортной (а точнее, антиимпортной) продукции потребовало бы от нашей страны значительно больше капитальных вложений, чем их фактически требуется для производства экспортной продукции. При этом наибольший выигрыш достигается в результате торговли с промышленно развитыми странами.

Внешнеэкономические связи даже при нынешней не очень благоприятной структуре экспорта и импорта позволяют добиваться в масштабах всего народ-

ного хозяйства *улучшения показателей материалоемкости и энергоемкости*. Наша страна, если брать только последнюю отдельную стадию производства, не только экспортирует, но и импортирует большие объемы сырья и топлива. Кроме того, с народнохозяйственной точки зрения, то есть с учетом предыдущих стадий производства, также важно учитывать затраты сырья, материалов, топлива и энергии. При таком подходе обнаруживается, что на выручку от продажи нашего сырья и топлива на внешнем рынке мы можем приобрести в скрытом виде не меньшее, а даже относительно большее количество сырья и топлива. Во многом это зависит от эффективности продаж и покупки. Этот феномен давно интересует многие страны. Например, о значении для США скрытого импорта энергии говорят следующий факт: по имеющимся расчетам, в середине 70-х годов США ежегодно потребовалось бы дополнительно затратить почти 110 млн. т нефти (25% национальной добычи), если бы все импортируемые товары производились внутри страны.

Нельзя забывать, что внешнеэкономические связи в ряде случаев *позволяют решать многие крупные хозяйственные задачи в кратчайшие сроки, экономят время*. Эту функцию внешнеэкономических связей иногда пренебрежительно называют «затыканием дыр». В отдельных случаях подобное отношение к этой функции внешнеэкономических связей возможно и оправданно, особенно когда это осуществляется вместо глубокой и постоянной специализации. Однако если вдуматься в существо проблемы, то оказывается, что при этом объектом критики являются не столько внешнеэкономические связи, сколько ошибочные хозяйственные решения и недостатки, которые приходится исправлять через внешний рынок. К тому же надо заметить, что в новых условиях хозяйствования при переходе к большей самостоятельности предприятий и республик, к полному хозрасчету и самофинансированию возможности расстыковки спроса и предложения внутри страны могут возрасти, а поэтому роль внешнеэкономических связей как «отрасли быстрого реагирования» в новых условиях соответственно увеличивается.

Нередко задают такой вопрос: *зачем экспортируется тот или иной товар, если не удовлетворяется внутренний спрос на него?* Такая постановка вопроса отражает непонимание основного экономического смысла внешней торговли нашей страны: да, действительно, наша страна поставляет на экспорт товары, в которых испытывается определенный дефицит, но ведь и получает по импорту такие товары, которые если не полностью удовлетворяют, то существенно смягчают еще больший дефицит. Среди импортируемых товаров есть и такие, без которых наша страна вообще не может обойтись. Многие отрасли нашей тяжелой и легкой промышленности ныне потребляют зарубежное сырье, и всякое нарушение этих поставок срывает нормальную работу этих отраслей.

Говоря о высокой эффективности внешнеэкономических связей, нельзя не видеть многочисленных случаев *заклочения нецелесообразных сделок*. Особенно много таких сделок получалось в последние годы. Чем это можно объяснить?

Дело в том, что раньше, то есть до перестройки внешнеэкономических связей, до выхода на внешний рынок большого количества новых самостоятельных субъектов международного разделения труда, существовало положение, которое можно было характеризовать как относительно сбалансированное. Всесоюзные внешнеторговые объединения, выступая в роли посредников, реализовывали на внешнем рынке продукцию, являвшуюся государственной, или, иначе говоря, ни-

чейной, собственностью. Навстречу, по импорту в государственную, тоже ничейную, собственность поступала другая продукция. Этот процесс находился под строгим валютным и ценовым контролем государства, что хотя и являлось административно-хозяйственной мерой, но обеспечило сравнительно приемлемые уровни эффективности. Когда же на внешний рынок в массовом порядке стали выходить государственные предприятия, а коллективы этих предприятий получили возможность обращаться в личную собственность часть вырученной валюты через рублевое покрытие (в основном речь идет о товарах народного потребления), то появились сильные стимулы любой ценой зарабатывать валюту. Это приводит к резкому возрастанию затрат на производство и транспортировку экспортной продукции. Есть, например, случаи, когда только стоимость перевозки по территории СССР в несколько раз превышает стоимость перевозимого товара. Естественно, что это ведет к резкому снижению эффективности экспорта. Кроме того, у предприятий нет особых стимулов уторговывать внешнеторговую цену. Это также влечет за собой снижение эффективности экспорта. В печати пишут о примерах продажи товаров по ценам, в несколько раз более низким, чем цены опытных внешнеторговых объединений. Обычно такие примеры сопровождаются призывами принять строгие меры, наказать виновных и т.п.

Мы считаем, что в данном случае важнее понять механизм такого рода случаев, а затем уже принимать меры. Иногда это можно объяснить отсутствием должной профессиональной подготовки, но, на наш взгляд, все-таки главное при этом состоит в незаинтересованности работать эффективно, когда в любом случае гарантирована личная выгода. По нашим данным, такое положение характерно именно для государственных предприятий, а кооперативные предприятия, а тем более СП, более тщательно считают свои затраты и если и допускают просчеты, то не в силу незаинтересованности в эффективной работе, а в результате отсутствия опыта, информации и других подобных причин. Отсюда мы делаем следующий вывод: конечно, давать право предприятиям и республикам самостоятельно работать на внешнем рынке обязательно надо, но при одном непременном условии — субъект внешнеэкономических связей должен быть действительным собственником средств производства и производимой продукции. Только в этом случае возможен баланс интересов работника и предприятия, предприятия и общества.

Эффективно ли продавать сырье и топливо?

Эта проблема особенно важна для Сибири и Дальнего Востока. Надо иметь в виду, что *эффективность экспорта на практике определяется соотношением двух величин: внутренних затрат и валютной выручки*. Внутренние затраты по экспортной продукции страны в 1988 г. составили 42,9 млрд. руб. Эта цифра включает в себя отпускную стоимость промышленности, в том числе накладные расходы. В то же время стоимость экспорта во внешнеторговых ценах составила 60,8 млрд. инвалютных руб. Таким образом, эффективность экспорта составила 142%, а «средняя себестоимость» одного валютного рубля — около 70 коп. по всем видам валют (по свободно конвертируемой валюте — 91 коп.).

Если исходить из методики отнесения продукции к готовой и сырьевой продукции, принятой в Организации Объединенных Наций, то при взвешивании по

внешнеторговым ценам примерно 60% советского экспорта составляет сырье и топливо и 40% готовая обработанная продукция. Если же оценивать структуру экспорта во внутренних ценах — оптовых ценах предприятий, то доля готовой продукции будет несколько выше, а доля сырья и топлива соответственно ниже приведенных цифр.

Эффективность экспорта машин, оборудования и транспортных средств составляла в 1988 г. 142%. Среди этой группы товаров наблюдается широкий разброс показателей эффективности. Так, например, эффективность экспорта металлообрабатывающих станков колебалась в пределах от 105 до 212%. При этом эффективность комплектованных изделий достигала даже 270%. Эффективность экспорта энергетического оборудования находилась в пределах от 123 до 250%. В то же время эффективность экспорта легковых автомобилей была невысокой (45%). Еще ниже показатели эффективности экспорта товаров народного потребления (многих видов холодильников, радио- и телеаппаратуры и других товаров этой группы, хотя, конечно, есть и благоприятные исключения).

Высокую долю в структуре советского экспорта составляют топливо, минеральное сырье, металлы. На эту группу приходится более половины поступлений от экспорта (в 1988 г. 32,1 млрд.руб.). Эффективность экспорта по этой группе составляла 189%. При этом, конечно, надо отдавать отчет в том, что, к сожалению, в наших внутренних ценах пока не выходит полного отражения стоимости природных ресурсов, что ведет к искусственному завышению эффективности экспорта. В то же время, по нашему мнению, неправильно механически переносить на наши внутренние цены соотношения мировых цен, призыв к чему в последнее время довольно часто приходится слышать. Стоимость ресурсов — это такая же рыночная категория, как и другие элементы цены, и она должна складываться на рынке. Многие экономисты почему-то упорно не хотят понять, что стоимость земли в Сибири и на Дальнем Востоке объективно значительно меньше, чем в Японии, что именно эта разница в ценах является основой разделения труда между восточными районами страны и Японией, а выравнивание цен является очередным экономическим нонсенсом.

Еще одним навязчивым экономическим призывом стало утверждение, что повышение степени переработки сырья должно сопровождаться повышением эффективности. Разумеется, данные по эффективности экспорта, определенные с использованием действующих внутренних цен, не могут ни подтвердить, ни опровергнуть такое утверждение в силу неполноты учета стоимости ресурсов. Но если бы мы использовали «правильные» цены или расчетные стоимостные показатели, то и в этом случае получалась бы пестрая картина. Дело в том, что по мере повышения степени переработки сырья эффективность возрастает только в том случае, если происходит адекватное или опережающее повышение производительности труда по стадиям переработки в сравнении с международным уровнем.

Анализ этой проблемы показывает, что скачок в эффективности связан прежде всего с тем, используется ли на данной стадии производства какая-нибудь плодотворная научная, техническая, организационная, психологическая идея или нет. Высокая прибыль венчает реализацию такого рода опережающих идей. *На рынке побеждает новая продукция, поражающая воображение покупателя.*

В перспективе по-прежнему остается актуальной задача улучшения товарной структуры экспорта. Под этим обычно понимается увеличение валютной выручки

при относительном снижении затрат. Причем под затратами иногда имеют в виду только материальные затраты последней стадии производства. Поэтому проблему, по существу, сводят к ресурсосбережению в товароведческом смысле.

В связи с этим хотелось бы заметить, что с народнохозяйственной точки зрения и затраты труда, а точнее, затраты заработной платы также могут быть представлены как материальные затраты. Ведь общество должно не просто выплачивать заработную плату в виде определенной суммы денег, а обеспечивать работников потребительскими материальными ресурсами — продовольствием, одеждой, жильем, транспортом и т.д. Следовательно, любые производственные затраты в народнохозяйственном смысле могут быть представлены как затраты материальные. Отсюда и возникает *необходимость сопоставления этих затрат с эффектом, то есть с прибылью.*

Если даже проявить полную беспринципность и согласиться, что экспорт, допустим, нефти есть экспорт ископаемых ресурсов в чистом виде, а экспорт готовой продукции есть вывоз чего-то нематериального, то можно сформулировать следующее положение: в случае когда эффективности экспорта готовой продукции в два раза ниже эффективности экспортного исходного сырья и топлива, то необходим тщательный анализ целесообразности экспорта готовой продукции. В этом случае вполне может оказаться, что экспорт исходного сырья и топлива с народнохозяйственной точки зрения является не только более эффективным, но и более ресурсосберегающим вариантом. Данная рекомендация основывается на том факте, что *соотношение материальных и трудовых затрат на всех предыдущих стадиях производства любого в принципе товара: и готовой, и сырьевой продукции — очень близки.*

Что касается импорта, то его эффективность в 1988 г. составила 150%, в том числе импорт из развитых капиталистических стран достигал 184 и из развивающихся стран — 276%.

По основным товарным группам эффективность импорта была следующей:

	Весь импорт	В т.ч. на СКВ
Машины, оборудование и транспортные средства	106	138
Топливо, минеральное сырье, металлы	91	101
Химические продукты, удобрения, каучук	144	156
Пищевкусовые товары и сырье для их производства	186	285
Промышленные товары народного потребления	308	675

Необходимо подчеркнуть, что эффективность импорта не является произвольной величиной, как иногда кажется некоторым. Она отражает определенные экономические закономерности. Импортная цена базируется прямо или косвенно на общественно необходимых затратах, признаваемых мировыми товарными рынками.

Внутренняя же оценка импортных товаров основывается на общественно необходимых затратах труда, складывающихся внутри нашей страны под влиянием различных факторов, в том числе и внешних. Импортный товар должен реализовываться внутри нашей страны по тем же ценам, что и аналогичный товар

отечественного производства. Это — коренное экономическое требование, нарушать которое безнаказанно нельзя. Если импортный товар по своим качественным характеристикам выгодно отличается от отечественного аналога, то он должен иметь соответствующую наценку. Если же, наоборот, импортный товар уступает по качеству отечественному аналогу, то он должен поступать на внутренний рынок с уценкой против аналога. Конечно, большинство импортных товаров входят в первую группу, и это понятно: внешний рынок призван обеспечивать более качественной продукцией. Но есть и товары второй группы, которые импортируются в том случае, когда внутри страны не хватает ресурсов для удовлетворения массового спроса.

В настоящее время импорт высокоэффективных товаров имеет особое значение. Одновременно с удовлетворением потребительского спроса это служит решению и такой важной задачи, как балансирование денежной массы и товарных ресурсов на потребительском рынке. И эта задача не только экономическая, но приобретает социальную и политическую окраску. Возможности внешней торговли в этом отношении используются пока еще далеко не полностью.

Имея в виду размеры экономического потенциала, ресурсов, территории, населения, нельзя за счет импорта решать все конкретные внутренние проблемы. Как раньше, так и в будущем для нашей страны удовлетворение потребностей должно идти главным образом за счет отечественного производства. Это надо отчетливо понимать, чтобы не плодить новых иллюзий, которые в избытке появляются в последнее время. Дело доходит даже до надежд, что нас кто-то прокормит. Если сравнить физический объем импорта с физическим объемом распределяемого национального дохода страны, то мы получим цифру около 10%, и из этого надо исходить при построении схем выхода страны из трудного экономического положения.

Хотелось бы сказать несколько слов об импорте капитального оборудования и материалов, что фактически осуществляется при использовании самых разнообразных форм сотрудничества: сотрудничества на компенсационной основе, создания совместных предприятий, зон свободной торговли, предоставления концессий и аренды, сотрудничества на основе разделения продукции ("продакшн шерринг") и т.д. У некоторых экономистов возникает опасение, что импорт капитала приведет к эксплуатации иностранцами нашего населения. Эти опасения оправданы только в том случае, если прибыль иностранцев будет намного выше нормальной рыночной нормы. Возьмем на себя смелость утверждать, что если прибыль иностранцев будет на уровне нормы, то ущерб для нашей страны не возникнет. Ведь строго говоря, эксплуатация труда капиталом не является в экономической науке доказанной теоремой, а является всего лишь шаткой конструкцией, в основе которой лежат тенденциозные допущения. Вполне естественно, данное суждение относится к капиталу вообще и к иностранному капиталу в частности.

---

¹ Различными экономистами высказывались разные методические подходы к оценке эффективности внешнеэкономических связей. В частности, многим предлагалось использовать вместо действующих внутренних цен расчетные показатели типа приведенных затрат, исчисленных по формуле $C + E_n K$. Ниже проблемы эффективности излагаются применительно к существующей практике финансовых расчетов.

² Некоторые экспортные товары, например в ряде товарообменных сделок, оцениваются в розничных ценах.

Диалоги и дискуссии

От редакции: *Вопрос о том, «как нам обустроить Россию», волнует сейчас едва ли не каждого. И в науке, и в публицистике идет интенсивная полемика о путях и формах выхода нашего общества из кризиса. Сформировалось по крайней мере два полярных подхода. Согласно первому, выход надо искать на путях всесторонней и глубокой интеграции с Западом, восприятия всех существенных сторон его жизни, хозяйственного механизма и духовной культуры, беспощадной борьбы с «азиатчиной». Согласно второму подходу, Запад рассматривается как извечный враг России, до сих пор не оставивший замыслов ее расчленения и вытеснения с мировой арены как влиятельного государства. Россия в этой борьбе с Западом должна опираться на Азию (прежде всего Китай), которая и духовно и культурно ей ближе, чем Европа. Есть и третья точка зрения, которая излагается в нижеследующей публикации: Россия есть сплав, «сшит» Европы и Азии. Более того, она является Россией именно потому, что остается «Евразией». В этом ключ к пониманию как прошлого, так и будущего России. Нам хотелось бы начать обсуждение этой темы, вовлекая в него наших читателей, особенно тех, кто живет и трудится за Уральским хребтом, непосредственно соприкасаясь с Азией. Помещая в дискуссионном порядке данную статью, редакция ждет от читателей предложений о том, какие темы могли бы послужить основой для широкого обсуждения в 1992 г.*

«ЕВРАЗИЙСКАЯ» КОНЦЕПЦИЯ — МОДЕЛЬ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ?

А. Мурадян

Европа и Азия, Запад и Восток идут навстречу друг другу. И они обязательно встретятся, если на разделяющем их пространстве не возникнет конгломерат развалин.

Эдуард Шеварднадзе¹

Эти мысли были высказаны нашим тогдашним министром иностранных дел в речи на международной конференции во Владивостоке в сентябре 1990 г. В сущности, они стали развитием идеи об объединении в будущем Европы, Азии

Мурадян Артур Андраникович, доктор исторических наук.

и Тихоокеанского региона в рамках единой евроазиатской зоны безопасности и сотрудничества. Конструктивный потенциал концепции «евразийской» модели общественного развития России значителен. Она привлекает внимание дипломатов и ученых. Высказывается мысль, что в перспективе к концу века Россия может занять уникальное положение «перекрестка» торгово-экономических потоков между Европой, Азией и Америкой².

Правда, пока «евразийская» модель общественного развития России выглядит скорее как метафора, некий расплывчатый художественный образ, нежели как строгая научная программа. Потребуется кропотливая совместная исследовательская работа экономистов, политологов, культурологов, прежде чем «евразийская» модель обретет качества научно обоснованной и практически применимой концепции народнохозяйственного, политического и культурного развития страны. В настоящей статье предлагаются некоторые соображения с целью обозначить наиболее перспективные направления разработки теории и практики «евразийства». Некоторые из них могут показаться спорными. Что же, милости просим включаться в дискуссию. Я бы хотел начать обсуждение проблемы с анализа самого понятия «евразийство», оно ведь отнюдь не является изобретением сегодняшнего дня. Поэтому предпримем краткий экскурс в историю российской общественной мысли.

Классическое «евразийство»: из истории идеи

Стоя между двумя главными частями мира, Востоком и Западом, упираясь одним локтем в Китай, другим в Германию, мы должны были бы соединить в себе оба великие начала духовной природы: воображение и рассудок, и совмещать в нашей цивилизации историю всего земного шара.

П.Я. Чаадаев³

Итак, уже в русской общественной мысли первой половины прошлого столетия присутствует идея о необходимости «синтеза» западной и восточной культур и России как носительницы указанного «синтеза». Это была нетипичная позиция, но она существовала.

Идею «синтеза» восточной и западной культур в последней трети XIX века развивал известный русский философ В.С. Соловьев. Правда, в отличие от Чаадаева он понимал под Востоком мусульманский мир, Россию же (и славян), объединенную православной религией, считал «третьим миром», который был призван синтезировать все положительное, присущее первым двум мирам, преодолеть их ограниченность с целью достижения «положительного всеединства»⁴.

Известно, что в общественно-политической мысли России XIX века доминировали две взаимоисключающие концепции — западничества и славянофильства. «Западники» отрицали специфику российской действительности, выступали за простое копирование западных форм жизни, за внедрение в российскую действительность западноевропейской модели развития. «Славянофилы», наоборот, подчеркивали особенности общественного развития России, настаивали на ее «особом» будущем и абсолютной неприспособленности элементов западной «модели». Славянофильство XIX века имело откровенно антизападную направленность.

Тем не менее подход Чаадаева и Соловьева свидетельствует о том, что уже в XIX веке отдельные представители русской общественной мысли задумывались над тем, как соединить «европейскую» и «азиатскую» модели общественного развития, о том, какую роль в этом процессе может сыграть Россия.

Конечно, идеологи того периода вели речь прежде всего о духовной сфере, практически не касаясь областей экономики и политики. Это естественно, так как тогда преобладал культурологический подход. В работах Н.А.Бердяева конца XIX — начала XX в. такой подход также доминирует. «Культура, — писал философ, — перестанет быть столь исключительно европейской и станет мировой, универсальной. И Россия, занимающая место посредника между Востоком и Западом, являющаяся Востоко-Западом, призвана сыграть великую роль в приведении человечества к единству»⁵.

Мне представляется, что работы Бердяева сыграли положительную роль в развенчании крайности западнической и славянофильской концепций. Он довольно ядовито высмеивал такие крайности: «Отрицание России и идолопоклонство перед Европой — явление очень русское, восточное, азиатское явление. Именно крайнее русское западничество и есть явление азиатской души». И далее с убийственным сарказмом заключал: «Для русского западника-азиата Запад — обетованная земля, манящий образ совершенной жизни. Запад остается совершенно внешним, неизвестным изнутри, далеким. У западника есть почти религиозное благоговение, вызываемое дистанцией. Так дети относятся к жизни взрослых, которая представляется им удивительной и соблазнительной именно потому, что она совершенно им чужда»⁶.

По-видимому, критика Бердяева повлияла на подготовку следующего этапа развития идеологии «евразийства». Он неразрывно связан с научной и литературной деятельностью русской эмиграции на Западе в 20 — 30-е годы нашего столетия. Собственно, термин «евразийство» ввели в широкий оборот именно эти представители общественной мысли русского зарубежья.

Важную роль в формировании «евразийства» как идейного течения в среде русской эмиграции сыграла книга Н.С.Трубецкого «Европа и человечество», опубликованная в 1920 г. Начиная с этого времени «евразийцы» регулярно выпускали различные «евразийские» «сборники», «хроники», «временники», в которых принимали участие Л.Л.Карсавин, П.Н.Савицкий, П.П.Сувчинский, Г.В.Флоровский и другие эмигранты. Термином «Евразия» сторонники этого направления общественной мысли обозначали «особый материк, как место развития специфической культуры, евразийской и русской»⁷. Культурное и географическое единство Евразии, по их мнению, сказывалось на ее истории, определяло хозяйственное развитие и историческую судьбу. В 1928 г. в Париже стала выходить газета «Евразия».

В целом евразийская идеология имела антизападную направленность, выступала за «азиатскую ориентацию». Вместе с тем в трудах «евразийцев» иной раз звучали призывы к «синтезу», слиянию Запада и Востока, подвергалась сомнению односторонняя ориентация на Азию. «Евразия, — писал Г.В.Флоровский в 1928 г., — это значит: ни Европа, ни Азия — третий мир. Евразия — это и Европа и Азия, помесь или синтез двух с преобладанием последнего»⁸.

Как устойчивое идейное течение евразийство 20-х годов просуществовало недолго — примерно десять лет. К началу 30-х годов оно стало хиреть и распалось. «Судьба евразийства — история духовной неудачи, — констатировал Г.В.Флоровский. — ...Евразийство не удалось»⁹. Причин неудачи было несколько. Одна из

них, на мой взгляд, имела концептуальный характер. Несмотря на отдельные декларации о «синтезе» элементов западной и азиатской моделей общественного развития, «евразийцы» явно тяготели к классической славянофильской идее «богоизбранности» России, которую некоторые из них рассматривали как «наследницу Великих ханов», «продолжательнице дела Чингиза и Тимура», «объединительнице Азии». Такова была позиция Н.С.Трубецкого, который ратовал за «поворот на Востоку», культивирование патриархальщины, возрождение ощущения «степной стихии», «континентальности»¹⁰. То был явно тупиковый вариант развития, поиск ответов на новые проблемы в идеалах и опыте допетровской Руси.

Подведем итог динамики развития идей о взаимоотношениях Востока и Запада и роли и места России в этом процессе, которые были характерны для российской общественной мысли. Их нетрудно сгруппировать в три «блока». Первую группу идей можно условно назвать активным «антизападничеством», для этой идеологии было типичным враждебное отношение к романо-германскому «книжническому и завосвательному духу», ориентация на противоборство с ним при опоре на Азию, на ее культурные ценности. Вторая группа идей — это активное «западничество», т.е. ориентация на союз и слияние с родственным христианским Западом, образование единого «христианского материка», способного противостоять «желтой опасности», грозящей России и Европе с Востока. Известный русский историк прошлого столетия С.М.Соловьев подчеркивал значение для судьбы России и всей европейско-христианской истории традиций германо-русского взаимодействия, указывая, что немцы и славяне — «племена-братья одного индоевропейского происхождения».

И наконец, третья группа идей, которая нас особенно интересует, — это идеология «евразийства», т.е. идейный поиск путей и форм «синтеза» двух цивилизаций — Востока и Запада, и определение места и роли России в этом процессе. Россия здесь выступает и как огромное географическое и социальное пространство, на котором осуществляется указанный «синтез», и как социальный мотор, активный проводник самого этого процесса. В этой группе идей преобладали концепция, согласно которой «синтез» должен был быть осуществлен все же на базе приоритета «азиатских» ценностей. «Наше отношение к Азии интимнее и теплее, ибо мы друг другу родственнее», — утверждали «евразийцы» 20-х годов, подчеркивая, что «евразийская» культура именно в «Азии у себя дома».

Экскурс в историю был предпринят отнюдь не только по соображениям научной любознательности. Дело в том, что все три вышеупомянутые концепции — не реликты прошлого, они живут и по сей день и в научной печати, и в публицистике, хотя, разумеется, в несколько современной форме. В этом мы еще убедимся. Сейчас же мне хотелось бы сформулировать следующую мысль: социально-экономические и политические реалии последнего десятилетия XX века в нашей стране и в мире в целом способствуют формированию четвертого подхода к рассматриваемой проблеме. В рамках общей «евразийской» концепции укрепляется мнение, согласно которому «синтез» западной и восточной культур должен осу-

* К этой же категории антизападных идей относятся и те догматически-коммунистические концепции, которые рассматривали буржуазный Запад и все формы капиталистической жизнедеятельности как абсолютное зло, подлежащее тотальному бескомпромиссному отрицанию со стороны социалистического мира.

щесталяться на базе приоритета европейских ценностей. В этом отличие от идеологии «евразийцев» 20-х годов. Почему так? Что нового вносят в трактовку рассматриваемой нами проблемы мировое развитие последней трети XX века?

Укажем на два фактора. Первый — это мощные глобальные процессы интернационализации экономической и всей общественной жизни. Образуются интеграционные массивы, выходящие за рамки даже крупных географических регионов. Взять, к примеру, европейскую интеграцию. Она явно имеет тенденцию преодолеть географические пределы европейского региона. Европейское пространство от Атлантики до Урала мыслится многими не как замкнутая система, оно включает в себя территории, раскинувшиеся до берегов Тихого океана, и заатлантические США и Канаду¹¹.

Второй фактор — это то, что в систему рыночного производства и либерального демократизма все более глубоко вовлекаются и наше собственное общество, и страны Востока. Не «ожженным кизиком, конским потом, вербловой шерстью» пахнет сейчас с Востока (образ, рисовавшийся воображением «евразийцев»). Сейчас из стран Восточной Азии поступают к нам передовые технологии, высококачественные товары и капиталы. Меняющаяся обстановка в мире требует обновляющихся подходов к определению нашего места и роли в процессах становления евразийского пространства, призванного соединить гигантские суперинтеграционные массивы, возникшие в Европе, Северной Америке и Восточной Азии. Либо мы сознательно включимся в эти процессы, займем в них достойное место, либо окажемся на обочине цивилизационного потока и в конечном итоге прекратим существование как единое государственное образование. «Евразийская» концепция в современном варианте, на наш взгляд, представляет собой конструктивный ответ на вызовы времени. Во-первых, она ориентирует наш стратегический курс на встраивание в общемировые интеграционные процессы, а не на изоляцию от них. Во-вторых, она подразумевает сохранение, а не утрату нашей социальной и национальной специфики и культурной идентичности.

В связи с принципиальными подвижками в направленности общественного развития в нашей стране, фундаментальными сдвигами в международной обстановке совершенно очевидна необходимость углубления не только экономического, но и политического, и военно-политического взаимодействия и сотрудничества с западными демократиями. Причем не на конъюнктурной, а на долговременной, принципиальной основе. «Евразийская» модель преследует этот на первый взгляд чисто «западнический» подход именно потому, что она «синтетична», т.е. призвана извлечь все положительное из конкурирующих «западнической» и «почвеннической» концепций.

Современный «евразийский» подход отнюдь не отрицает вообще западные ценности. Наоборот, он ориентирует общественное развитие страны на их усвоение, но предостерегает от некритического, механического, бездушного усвоения всего подряд, что наработано западной цивилизацией. Пафос современного «евразийства» в утверждении, что Россия была и останется уникальной, несмотря на усвоение западных культурных ценностей и социально-политических институтов. Поразительно то, что так думают и пронизательные представители западной общественной мысли и культуры. Бывший президент США Р.Никсон во время визита в Москву в 1991 г., обращаясь к аудитории, сказал буквально следующее: «В своих делах вы должны разобраться сами. Это значит, что путь к

успеху нужно искать не в слепом копировании зарубежных моделей, включая американскую. В ваших традициях — делать упор на духовность, великое искусство, внутреннее совершенствование. Возможно, сегодня все это кажется не столь важным миллионам советских граждан, которые лишены теперь самого насущного. Тем не менее эти духовные традиции — великое достояние не только вашей страны, но и всей цивилизации». Прекрасное изложение сути современного «евразийства»! Теперь рассмотрим экономический и международно-политический аспекты «евразийского» подхода.

Современное «евразийство»: экономический аспект

У каждой нации есть свои исторические и культурные особенности, определяющие специфику организации экономики. Рыночная экономика в Советском Союзе также будет отражать характерные особенности истории и культуры страны, и в этом смысле она будет уникальна. Можно с уверенностью утверждать, что она не будет копировать ни американскую, ни шведскую, ни немецкую модель.

«Согласие на шанс»

Документ, выдержка из которого процитирована выше, подготовлен летом 1991 г. совместной рабочей группой Центра экономических и политических исследований (Г.Явлинский) и Школы государственного управления Гарвардского университета (Г.Аллисон). Он представляет собой программу экономических реформ в нашей стране с целью создания эффективной рыночной экономики. Позиция авторов программы в отношении того, как должен осуществляться «синтез» системы рыночного хозяйства западного типа и сложившихся в стране общественных институтов и особенностей культуры, удивительным образом вписывается в рамки современной «евразийской» концепции. Почему? Потому что речь не идет о механическом копировании западноевропейской или какой-либо иной модели рыночного хозяйства, какой бы эффективной она ни показала себя в иных социальных условиях. Потому также, что в программе Явлинского — Аллисона подчеркнута ориентация на сохранение, а не на разрушение уникальности народного образа жизни и культуры. Думается, что только такой подход к проблеме усвоения достижений западной цивилизации имеет шанс не только на согласие, но и на успех в нашей стране. Явлинский и Аллисон наверняка и не подозревают, что они относятся к числу современных «евразийцев». Но получается, что это так.

Когда заходит речь о России как «евразийском мосте», прежде всего обращают внимание на географическое пространство, которое является естественным «путепроводом» торгово-экономических и транспортных потоков между Европой, Азией и Америкой. Это самоочевидно. Здесь огромные возможности для международного сотрудничества. Они уже начали реализовываться. Американская компания «Си-Лэнд» — крупнейший в мире перевозчик контейнеров — в 1990 г. подписала серию соглашений с рядом транспортных организаций

и предприятий об использовании Транссибирской железной дороги как самого короткого торгового пути между Азией и Европой. В итоге груз из Бангкока может достичь Лиссабона через 18 — 20 дней. Это быстро. Прорабатываются формы взаимодействия и в области воздушных перевозок¹². Американская сторона берется оборудовать по последнему слову техники грузовые секторы Владивостокского аэропорта, с тем чтобы самолеты Аэрофлота доставляли грузы в Европу за 4 — 5 дней¹³.

Таковы контуры процесса встраивания российской транспортной системы в глобальную сеть путей сообщения, т.е. практического превращения географического «евразийского» пространства нашей страны в эффективный «путепровод», соединяющий Азию и Европу. Но это, так сказать, техническая, инфраструктурная сторона проблемы. «Евразийская» концепция подразумевает и создание «социального пространства», как бы соединяющего Западную и Восточную Европу и Восточную Азию (прежде всего Японию и Китай) в единый цивилизационный комплекс. Конечно, для этого должна быть обеспечена «тканевая совместимость» интегрирующихся объектов: народное хозяйство и транспортная система должны функционировать и развиваться на принципах рыночного хозяйства и частной собственности. К этим принципам не сводится весь комплекс условий «синтеза». Сохраняются специфика и особенности социальных и политических институтов советского общества, его нравственности и культуры, но преобладание фундаментальных «западных» элементов очевидно.

Понимание этого обстоятельства должно способствовать преодолению устойчивых и вредных стереотипов, сложившихся в хозяйственной практике. Прежде всего необходимо расстаться с иллюзией о том, что наличие потенциальных возможностей нашего внутреннего рынка и естественных ресурсов — достаточное условие для привлечения западных инвесторов и развития с ними сотрудничества. В конечном счете главный мотив бизнеса — прибыль. Поэтому необходимо создание благоприятных условий для зарубежных инвесторов, среди которых особо важны: политическая стабильность и предсказуемость политического развития страны; надежная правовая база для деятельности иностранных вкладчиков капитала, будь то в форме совместных предприятий, концессий, зон свободного предпринимательства (свободных экономических зон) или каких-либо иных форм; разумное (на первых порах щадящее) налогообложение и т.д.

Словом, необходимо создание стабильных «правил игры», снижающих для зарубежных вкладчиков капитала риск инвестиций в советскую экономику. Сейчас он весьма высок по сравнению с другими возможностями приложения капитала. Для нашей страны, особенно ее восточных регионов, необходимо в основном собственными силами решать проблему подготовки инфраструктуры. Не обеспечив указанный комплекс условий для функционирования иностранного капитала, бесполезно рассчитывать на воплощение в жизнь различных правительственных постановлений и заявлений о привлечении в страну зарубежных капиталов в больших размерах.

Еще одна иллюзия, с которой необходимо как можно быстрее расстаться, — это наивная вера в то, что привлечение иностранных инвестиций само по себе может решить наши экономические проблемы. Иностранный капитал в зарубежных странах инфраструктуру в крупных масштабах нигде и никогда не создавал

и у нас тоже этого делать не будет, потому что это экономически невыгодно. Инфраструктура — работа для нашего отечественного предпринимательства, как частного, так и государственного. Поэтому прежде всего надо обеспечить условия для становления отечественного предпринимательства. Причем не только в искусственно обозначенных «свободных зонах», а в масштабах крупных регионов — всего Дальнего Востока, всей Сибири, всего Приморья и т.д. Таким образом, под концепцией «регионализации» Сибири и Дальнего Востока лежат здоровые и перспективные тенденции экономического и социального развития страны, а отнюдь не надуманные злые умыслы «сепаратистов».

Для того чтобы Россия стала реальным, а не декларативным «евразийским» социальным пространством, ее азиатская часть должна обрести собственную полнокровную идентичность, собственное социально-экономическое «лицо». Вне всякого сомнения, в облик народного хозяйства сибирских и дальневосточных регионов будут внесены характерные признаки, налагаемые более тесным и глубоким сотрудничеством с Японией, Южной Кореей, Китаем, другими странами АТР. Масштабы такого взаимодействия должны стать поистине внушительными. К настоящему времени в регионе создано примерно 40 совместных предприятий¹⁴. Это, конечно, капля в море. Даже масштабы зарубежных инвестиций в китайские специальные экономические зоны выглядят весьма скромными на фоне того, какие капиталы надо привлечь нам, чтобы обустроить дальневосточный и сибирский регионы. Бесконечно разнообразными будут и формы сотрудничества с зарубежными деловыми кругами.

Специфика нашей ситуации в том, что экономическая и политическая сторона развития сибирского и дальневосточного регионов тесно переплетена. Реализация «евразийской» концепции призвана решать не только сугубо экономические проблемы, но и вопросы безопасности. Объединение Европы и азиатско-тихоокеанской зоны мирового хозяйства (с глубоким подключением к нему североамериканского центра) превратит «евразийское экономическое пространство» не только в зону общемирового народнохозяйственного сотрудничества, но и в зону безопасности. А это принципиально важно.

Сейчас в академической науке и публицистике обостряется дискуссия о том, как в обозримом будущем следует обеспечивать безопасность страны в целом и ее восточных регионов. Поразительно то, что основные направления споров и даже аргументации оппонентов напоминают дискуссии чуть ли не столетней давности. Опять придется ворошить архивы истории.

---

* В течение десяти лет в специальных экономических зонах Китая пущены в строй или выйдут в процессе строительства свыше 5,7 тыс. объектов с участием иностранного капитала на общую сумму 9,4 млрд. долл.15

** Интересный проект разрабатывают, например, специалисты Организации ООН по промышленному развитию (ЮНИДО). Это программа создания свободной экономической зоны на российском Дальнем Востоке по комплексному развитию региона, охватывающего обширную территорию, начиная с порта Находка, где будет создана специальная зона свободной торговли, до китайского города Тумынь, в районе которого сходятся границы КНР, России и КНДР. Предусматривается развитие в этой зоне социальной инфраструктуры, транспортной и банковской сетей, создание наукоемких производств. Думается, это одна из самых первых ласточек в становлении новых форм сотрудничества в регионе.

«Евразийская» концепция: международно-политический аспект

*От вод малайских до Алта Вожди с восточных
островов У стен понижшего Китая Сбирали
тмы своих полков.*

Владимир Соловьев

Эти стихи были написаны русским философом второй половины XIX в. под впечатлением победы Японии в китайско-японской войне. Соловьев относился к той категории русских мыслителей, которые рассматривали Азию как угрозу России (и Европе), вообще христианскому миру. То была устойчивая традиция политической мысли. В качестве носителей опасности выступали монголы, китайцы, японцы, либо, как у Соловьева, японо-китайский союз. Русский философ выдвинул предположение, что Япония вскоре покорит Китай, в итоге произойдет соединение японского промышленного потенциала и китайских людских ресурсов, т.е. появится новый центр мировой мощи, которому не в состоянии будет противостоять ни Россия, ни Европа. Возникнет «настоящее Срединное царство над всею вселенною»¹⁷.

Кстати сказать, идея о возможности возникновения японо-китайского (по другим версиям, китайско-японского) центра мировой мощи посещала умы не только русских идеологов конца прошлого — начала нынешнего столетия. О ней задумывались и американские ученые и публицисты. Так, двадцать лет тому назад известный американский публицист Г. Солсбери писал: «Объединение китайских масс и японской технологии, миллиарда китайцев и самого крупного в мире ВВП... создало бы безграничный потенциал. Если бы Япония и Китай смогли работать вместе, если бы технические знания и производственные возможности Японии могли быть подключены к огромному резервуару человеческих талантов и энергии Китая, разве возникли бы какие-либо цели, которых не смогло достичь это содружество?»¹⁸

Американец осторожен, в книге, которую мы цитируем, он не уточняет, какими могли бы быть цели. Однако в личных беседах американцы и западноевропейцы иногда высказывают соображения, которые совпадают с прогнозами, выходящими из-под пера некоторых российских ученых и публицистов — наших современников. Один из них размышляет следующим образом: рост китайской экономической мощи, воссоединение Китая с Тайванем создадут в Восточной Азии мощную «гравитационную массу», которая будет оказывать доминирующее влияние в регионе и за его пределами. Япония будет «сдернута» с американской орбиты и втянута «в китайскую зону влияния». Далее рисуется следующая картина: «Уже в первом десятилетии XXI века Китай окажется перед перспективой серьезного сырьевого кризиса... В этой ситуации растет заинтересованность Китая в доступе к сырьевым ресурсам относительно слабо освоенных в хозяйственном отношении территорий с небольшим населением. Это — Сибирь, Монголия и Австралия, частично — Юго-Восточная Азия».

В этой концепции три «несущих конструкции»: во-первых, нарастание экономического и политического влияния Китая, переход к нему «доминирующей роли в Евразии»; во-вторых, ослабление американского влияния в АТР и «уход» США из этого региона; и, в-третьих, упадок бывшего Советского Союза в результате его «ливанизации» и появления на месте Сибири «мозаики мелких го-

сударств». Все это, утверждает автор, «автоматически активизирует сибирскую политику КНР, и территориальный вопрос вновь будет поставлен Китаем в повестку дня»¹⁹. Чуть ли не буквальное воспроизведение взглядов В.Соловьёва столетней давности!

Где же искать выход в рамках рассматриваемого подхода? У части идеологов он, в общем-то, тоже традиционен — ориентироваться на союз с Европой, с Западом в целом. Выдвигаются различные варианты «стратегического союза» с Европой и США с целью «сдерживания внешних по отношению к Европе угроз — прежде всего с Юга». При этом предполагается, что Россия могла бы специализироваться на сухопутных силах, авиации наземного базирования, США — на ВМФ, средствах стратегической мобильности. Что касается стран Европейского сообщества, то их военная «специализация» была бы близкой к американской, но они могли бы при том играть большую экономическую и политическую роль²⁰.

Я сейчас не хочу анализировать эту вполне логичную концепцию по существу. Просто констатирую факт ее существования в нашей современной идейной жизни. Ее преемственность с «западнической» традицией очевидна. Ясно различимы и «подводные камни» под поверхностью этого идейного течения. Например, коль скоро его сторонники рассматривают текущую и грядущую мировую политику сквозь призму традиционного откровенно «силового» подхода, непонятно, на чем базируется их оптимизм в отношении возможности именно «стратегического» союза нашей слабообразованной страны с технологически развитым Западом в противостоянии (причем военно-силовом!) с развивающимся Югом. Разве в такой политике не является нормой створ с соперником за счет более слабого партнера? Далее, если речь ведется о том, что и в обозримом будущем «силовая» природа международной политики сохраняется в полном объеме, то навяно рассчитывать на острую заинтересованность развитого капиталистического Запада в сохранении целостности нашей территории и государственности только потому, что мы можем предложить ему свою «специализацию» на «сухопутных силах» и «авиации наземного базирования». Есть вещи и поважнее, они-то и будут определять политику Запада.

Кстати сказать, оппонирующая точка зрения указывает на эти уязвимые места и предлагает иную логику рассуждений. «Антизападное» направление русской общественной мысли традиционно видело в «латинстве» и в буржуазной модели общественного устройства Европы угрозу русской самобытности, считало Азию тылом в борьбе с «хищным романо-германским духом». В условиях современности этот подход принимает форму пропаганды «восточной альтернативы» в противовес «западной» ориентации, поскольку первая «открывает перед нами новые практически неограниченные перспективы», а вторая ведет в тупик. Система аргументов такова: Западу выгодно ослабление и расчленение России, в этой ситуации, нам следует опереться на Китай, поскольку последний тоже испытывает давление со стороны Запада. Словом, есть «благоприятные условия для нового сближения Москвы и Пекина». Наше сотрудничество взаимовыгодно во всех отношениях. Оно «не грозит нам судьбой сырьевого придатка к чьей-то индустриальной машине»²¹.

И эту, откровенно «антизападную», концепцию я не собираюсь специально анализировать и критиковать, хотя ее уязвимые места очевидны, но отмечу, что и для нее характерен подход к современному мировому развитию как сфере

бескомпромиссной борьбы по принципу «кто кого». Далее, кто может дать гарантию, что в течение ближайших 10 — 15 лет социальная природа китайского общества не изменится? В рамках традиционного «силового» подхода обе точки зрения имеют право на существование как два антипода, два полярных по направленности, но единых по методологическому источнику течения российской общественной мысли, насчитывающего многие десятки (если не сотни) лет существования.

Автор — сторонник третьего, «евразийского» подхода к проблеме. Он отнюдь не отрицает факта острого соперничества, временами способного принять и вооруженные формы, на мировой арене. Рынок и конкуренция по самой своей внутренней природе есть соперничество и борьба. Разительная социальная дифференциация современного мира есть безусловный источник конфликтов на межгосударственном уровне. Все это так. Вместе с тем в условиях современности стержень борьбы на мировой арене из военной области перемещается в сферу экономики, технологии, финансов. Здесь «сражения» идут по несколько иным правилам. Конечно, есть известная доля риска в превращении социального и географического пространства нашего государства в «евразийское» поле деятельности и борьбы экономических, финансовых, транспортных и иных хозяйственных сил из стран Запада и Востока и наших собственных предпринимателей. Но таковы объективные «правила игры» на мировой арене. Здесь будет велика роль Российского государства, способного и защитить отечественный бизнес, и обеспечить поле деятельности международному капиталу.

Но с другой стороны, по мере созидания на огромных пространствах Сибири и Дальнего Востока современных производительных сил, транспортных систем, социальной инфраструктуры, в которой примут участие деловые круги Европы, Америки, Японии, Китая, других зарубежных государств, будет отодвигаться угроза национальной безопасности этим российским регионам. Они перестанут быть пустынями, безлюдными и бесхозными территориями. Западная Европа, США, Япония, Китай, Южная Корея, другие государства будут существенно заинтересованы в мирном и эффективном хозяйственном взаимодействии на «евразийском» пространстве. Каждому будет что терять в случае каких-либо международных неурядиц в Евразии. Здесь ключ к обеспечению международной безопасности, а не в ориентации лишь на одну силу на международной арене, будь то Европа, США, Китай или какая-либо их комбинация. Не говоря уже об изоляционистском варианте нашей политики. В этом суть «евразийской» концепции в ее современном варианте с международно-политической точки зрения. Она предполагает не просто ставку на «варягов», а акцент на собственную работу, на конструктивную роль отечественного государства и предпринимательства.

Итак, суммируем сказанное выше. Не только прошлое, но и будущее России можно понять, имея в виду ее «евразийскую» природу. Тютчевская метафора «умом России не понять» есть указание на бесплодность попыток восприятия России только как воплощения либо европейской, либо азиатской культуры. Россия была и может сохраниться лишь в качестве особого социально-культурного феномена, «сплава» указанных культур. Попытки же превратить ее в одно из указанных начал неизбежно приведут к исчезновению России как самобытного общества и единого государства. Конечно, люди не исчезнут. Просто российская культура и государственность постепенно «рас-

твоятся» в окружающих гравитационных массах европейской, японской, китайской, мусульманской культур.

И еще одно существенное соображение: соотношение европейского и азиатского начал в «евразийском» синтезе никогда не было постоянным. Оно на разных этапах истории России было подвижным. Сейчас наступил период, когда «западные» элементы имеют тенденцию к преобладанию. Это естественно. Таков вызов времени, и на него надо сознательно реагировать в политической и хозяйственной практике. В наш рационалистический век, в отличие от эпохи Тютчева, чтобы верить, надо понимать происходящее. «Евразийская» концепция дает такое понимание, а потому укрепляет нашу веру в будущее России.

---

¹ Ш е в а р д н а д з е Э.А. АТР: диалог, мир, сотрудничество // *Международная жизнь*. — 1990. — 10. — С. 152, 159.

² Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность СССР (ноябрь 1989 г. — декабрь 1990 г.). Обзор МИД СССР // *Международная жизнь*. — 1991. — № 3. — С. 20.

³ Ч а а д а е в П.Я. Сочинения и письма в двух томах. — М., 1913. — Т. II. — С. 116.

⁴ М о л о д я к о в В. Восток Ксеркса // *Проблемы Дальнего Востока*. — 1991. — № 1. — С. 62.

⁵ Б е р д я е в Н. Судьба России. Опыт по психологии и национальности. — М., 1918. — С. 19.

⁶ Там же. — С. 56 — 57.

⁷ Евразийство. Опыт систематического изложения. — Париж — Берлин, 1926. — С. 76.

⁸ Цит. по: Полоса Евразийства // *Новый мир*. — 1991. — № 1. — С. 206.

⁹ Там же. — С. 195.

¹⁰ См.: К у в а к и н В.А. Религиозная философия в России. — М.: Мысль, 1980. — С. 127.

¹¹ Правда. — 1991. — 6 июня.

¹² См.: Правда. — 1991. — 1 мая.

¹³ Там же.

¹⁴ Б а к л а н о в П. Концепция развития советского Дальнего Востока // ПДВ. — 1991. — № 3. — С. 3.

¹⁵ Г у с е в В. Специальные экономические зоны // ПДВ. — 1991. — № 3. — С. 14.

¹⁶ Правда. — 1991. — 20 июля.

¹⁷ См.: М о л о д я к о в В. Указ. соч. — С. 64.

¹⁸ S a l i s b u r y Н. To Peking and Beyond. N.Y. — 1973. — P. 302.

¹⁹ А н и с и м о в А. Судьбы России и мировые кризисы // *Наш современник*. — 1991. — № 3. — С. 137 — 138.

²⁰ К а р а г а н о в С. Будущее Европы ставит вопросы // *Международная жизнь*. — 1991. — № 4. — С. 55.

²¹ Г а м с Э., С е л я н о в Ю. Восточная альтернатива // *Советская Россия*. — 1991. — 23 мая.

Прогноз политической погоды

ВАРИАНТЫ РАЗВИТИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (Прогноз независимого эксперта)

В. Стефашин

Дальний Восток является одним из важнейших экономических и стратегических районов мира, вторым по значимости после Европы театром войны. В его географическую зону входят восточные части территорий России и КНР, Япония, Южная Корея, КНДР и Тайвань. В ряде случаев к Дальневосточному субрегиону относят МНР и Филиппины. Дальний Восток — это единственный район, где в непосредственной близости от правопреемницы Советского Союза России находится территория США. Здесь переплетаются интересы крупных военных и мощных экономических государств. Значение Дальнего Востока обуславливается также наличием в данном субрегионе огромных людских ресурсов, высокоразвитой промышленности, больших запасов ископаемых. И неудивительно, что здесь создано большое число крупных военно-морских и военно-воздушных баз, позволяющих контролировать морские и воздушные коммуникации мирового значения. Около 80% всех внешнеторговых перевозок стран Дальнего Востока выполняются морским транспортом, объем которых превышает 900 млн.т в год, из них только на Японию приходится не менее 650 млн.т.

Цели участников процесса

Соединенные Штаты Америки рассматривают Дальневосточный район как наиболее важную часть азиатско-тихоокеанского региона (АТР). Этот район является важным звеном глобальной системы военного присутствия США. Суть дальневосточной политики американского руководства заключается в том, чтобы, по-прежнему опираясь на военную и экономическую мощь, сохранить здесь и в обозримом будущем господствующее положение. Предпринимаемые Соединенными Штатами практические шаги свидетельствуют о том, что главным направлением военно-политического курса на Дальнем Востоке останется сохранение собственных военных возможностей при одновременном планируемом сокращении численности дислоцирующихся здесь американских войск и повышении их

Стефашин Виктор Васильевич, кандидат военных наук, полковник, эксперт по проблемам национальной безопасности.

качественных параметров, а также стимулирование усилий своих союзников по увеличению их военной мощи, которую можно было бы использовать для достижения американских национальных целей в АТР.

Район Дальнего Востока имеет важное значение и для России, заинтересованной в создании здесь прочной зоны мира и установлении взаимовыгодного экономического сотрудничества с соседними странами. В настоящее время более 70% экспортной продукции российского Дальнего Востока приходится на страны этого субрегиона, в т.ч. 60% — на Японию. Военно-стратегическое значение Дальнего Востока для России определяется прежде всего сохранением в этом районе противостоящих ей крупных группировок вооруженных сил, нестабильных положением на Корейском полуострове и наличием других взрывоопасных очагов.

В соответствии с концепцией «комплексного обеспечения национальной безопасности» главная долгосрочная политическая цель правящих кругов Японии состоит в превращении страны в XXI веке в «полноценную великую державу» с собственной сферой влияния в азиатско-тихоокеанском регионе, основным и ближайшим субрегионом которого является Дальний Восток. В военно-стратегическом плане Япония является главным военно-политическим союзником США в этом регионе, и она планомерно осуществляет мероприятия по наращиванию своей мощи в ответ на якобы основную угрозу ее безопасности, идущей со стороны России. Негативное воздействие на развитие обстановки в субрегионе оказывает также массивная пропагандистская кампания в Японии, в ходе которой любая возможная подвижка в развитии отношений с Россией практически в любой области увязывается с требованием передать Японии так называемые «северные территории» — южную группу Курильских островов: Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи.

Внешняя политика Китая направлена на решение двух основных задач, связанных, во-первых, с обеспечением благоприятных внешних условий для реализации программы модернизации экономики и вооруженных сил страны (сохранение мира по всему периметру госграницы и выгодные экономические отношения с передовыми странами) и, во-вторых, усилением влияния КНР на развитие событий в мире, укреплением своих позиций в АТР. Поэтому Китай, видимо, не заинтересован в активизации какой-либо деятельности России здесь. И хотя советско-китайские отношения в 1989 г. были нормализованы, можно предположить, что руководство Пекина в складывающихся условиях развития внутренней обстановки в бывшем Советском Союзе не исключает полностью столкновения национальных интересов между КНР и новыми суверенными азиатскими государствами СНГ. Кроме того, китайское руководство до сих пор не отказалось от территориальных притязаний к России на Дальнем Востоке, и на отдельные приграничные участки территории Казахстана, Киргизии и Таджикистана. Не урегулирован, по мнению Пекина, территориальный вопрос и с Японией, который связывается с принадлежностью о.Сенкаку.

В отношении Тайваня Китай в последние годы проводит политику мирного воссоединения на основе принципа «одна страна — две системы». При этом уже сейчас КНР всячески стремится к выгодному развитию экономических связей с островом, у которого установлены тесные многоаспектные взаимоотношения с США и Японией. Внутренняя жизнь в Китае вследствие продолжающегося на-

копления социально-экономических и идеологических проблем может в любое время осложниться.

Еще каких-то 30 лет назад крайне отсталая аграрная страна Южная Корея в настоящее время достигла значительных экономических результатов и вошла в число 20 ведущих промышленных стран мира. Опираясь на успехи в экономике, Сеул проводит в последние годы очень активную внешнюю политику со всеми странами субрегиона. В строительстве национальных вооруженных сил Южная Корея по многим вопросам полагается на США, которые, видимо, сохранят здесь присутствие своих войск, что в общем отвечает интересам обеих сторон: для администрации Южной Кореи этим самым гарантируется сохранность политического строя в стране, а Соединенные Штаты в результате имеют важный форпост для обеспечения своих целей на Дальнем Востоке, сохраняют возможность контролировать деятельность кораблей Тихоокеанского флота России и держать крупную группировку своих вооруженных сил вблизи ее границ.

Несмотря на положительные сдвиги в отношениях между двумя корейскими государствами, сохраняется недоверие и напряженность из-за имеющихся территориальных споров между Южной Кореей и КНДР, связанных с принадлежностью расположенных вблизи западного побережья КНДР пяти островов (Пэннендо, Тэчхондо, Сочхондо, Ионххепдо, Удо), которые по соглашению о перемирии 1953 г. оставлены под «военным управлением командования войск ООН». Южная Корея считает эти острова своей территорией, разместила там свои воинские подразделения и осуществляет контроль за деятельностью ВМС КНДР в районе ее западных и южных портов. КНДР, прямо не выступая с территориальными притязаниями на эти острова, объявила район их местоположения своими территориальными водами, а затем включила в так называемую «зону военной охраны экономической водной зоны», в пределах которой запрещается передвижение иностранных граждан, военных кораблей и самолетов. От Южной Кореи Пхеньян требует, чтобы она предварительно запрашивала у него разрешение на проход южнокорейских судов к островам. Правительства Южной Кореи, США и Японии отказались признать это решение северокорейского руководства.

Отношения между Южной Кореей и Японией носят сложный и противоречивый характер, что объясняется, с одной стороны, большой заинтересованностью Сеула в поддержании тесных связей с Токио в целях продолжения получения от нее главным образом передовой технологии, а с другой — традиционной враждебностью между странами в связи с жестокостью японцев в период 35-летней аннексии Кореи (1910 — 1945). Кроме того, между Южной Кореей и Японией сохраняется территориальный спор из-за о.Такэсима (о.Токто по-корейски).

Внутренняя жизнь Южной Кореи характеризуется достаточно высоким уровнем напряженности, связанной с острой политической борьбой партий.

Государственные лидеры КНДР, испытывая серьезные трудности в руководстве экономикой страны, во внешней политике основные усилия сосредоточили на создании на основе двух государственных образований Корейского полуострова Конфедеративной республики Корё (древнее название единой Кореи) с сохранением существующих социально-политических систем, с созданием единого национального правительства, которое решало бы вопросы внешних сношений и обороны, координировало и направляло деятельность сохранившихся местных властей в области экономики, социального и культур-

ного развития страны на принципах справедливости и взаимного уважения. При этом предварительным условием выдвигается вывод американских войск с территории Южной Кореи и последующее кардинальное многократное сокращение вооруженных сил республики Корё.

Южнокорейские правящие круги, понимая, что создание конфедерации потребует дальнейшей демократизации общественной жизни Южной Кореи, что в свою очередь увеличит вероятность прихода к власти демократических сил, выступают против такого пути воссоединения страны. Поэтому Сеул в вопросах объединения двух корейских государств проводит собственную политику, суть которой сводится к необходимости нормализации отношений между КНДР и Южной Кореей как двумя суверенными государствами, постепенному снижению конфронтационности и последующему «поэтапному объединению» страны с сохранением на весь период межкорейского диалога американского военного присутствия на своей территории.

США, содействуя реализации идеи признания обеих корейских государств, поддерживают политику Сеула и в то же время стремятся заинтересовать КНДР установлением с ними широких взаимовыгодных связей, что фактически ведет к сохранению удобного военного плацдарма США на материке. Япония поддерживает предложения Южной Кореи и США, так как, во-первых, объединившаяся Корея может представлять угрозу ее интересам в АТР, а во-вторых, неизбежный в этом случае уход американских войск с Корейского полуострова, по мнению японского руководства, снизит безопасность самой Японии. Китай, выражая в своих официальных заявлениях поддержку инициативам КНДР по мирному объединению страны, развивает одновременно торгово-экономические связи с Южной Кореей и считает пребывание американских войск на Корейском полуострове в качестве гаранта предотвращения военного конфликта между двумя корейскими государствами. Кроме того, Китай, так же как и Япония, видимо, усматривает в объединенной сильной Корее дополнительное препятствие распространению своего лидерства в регионе. Такой подход Китая к корейской проблеме фактически говорит о его заинтересованности в сохранении нынешнего положения на Корейском полуострове.

Рассмотренные позиции государств, способных повлиять на решение корейской проблемы, делают маловероятным в ближайшей перспективе ее полное урегулирование. В то же время следует подчеркнуть, что ни одно из государств субрегиона не заинтересовано в возникновении военного конфликта на Корейском полуострове, так как в этом случае они могут быть втянуты в него, что не отвечает их интересам.

Из краткой оценки нынешнего состояния военно-политической обстановки (ВПО) можно сделать вывод, что ее развитие на Дальнем Востоке будет идти под воздействием целого комплекса политических, экономических, военных и других факторов. Среди них особого внимания заслуживают следующие:

— здесь непосредственно пересекаются национальные интересы четырех крупнейших государств мира — России, США, Китая, Японии, от целей и конкретной деятельности которых прежде всего и зависит обстановка;

— уровень военной силы, сконцентрированной в субрегионе, уступает лишь военной мощи, расположенной в Европе, однако дислокация вооруженных сил

Все оценки по военной мощи делались на основе данных Лондонского института стратегических исследований, помещенных в ежегодных сборниках «Соотношение вооруженных сил».

всех сопредельных с Россией иностранных государств в целом носит оборонительно-сдерживающий характер;

— в районе отсутствуют военно-политические блоки, направленные друг против друга, заключены лишь оборонительные двусторонние военно-политические договоры;

— в субрегионе нет системы коллективной безопасности, как в Европе, не существует также достаточно стабильного взаимопереплетения политических, экономических, научно-технических и других связей, благоприятствующих обеспечению мира и стабильности, но между государствами весьма активно ведется процесс улучшения двусторонних отношений;

— здесь находится один из опасных очагов напряженности — Корейский полуостров — и до сих пор не решена конфликтная тайваньская проблема;

— в субрегионе имеет место резкое различие в уровнях развития экономического и научно-технического потенциалов государств, которое переплетается с острыми проблемами, существующими между Востоком и Западом, Севером и Югом;

— во взаимоотношениях стран сохраняются сложные территориальные вопросы (КНР — Россия, Япония — Россия, КНР — Япония, КНР — КНДР, Южная Корея — Япония, КНДР — Южная Корея, КНР — Тайвань, а в перспективе, возможно, МНР — Россия);

— над субрегионом продолжает довлеть груз прошлого: не забыты имперские действия Японии в годы второй мировой войны, здесь США впервые применили атомное оружие, а позднее в Корее произошла одна из крупнейших войн после окончания второй мировой войны;

— в трех странах субрегиона — России, КНР, МНР — происходят серьезные внутренние политические и социально-экономические процессы, сопровождающиеся определенной дестабилизацией обстановки;

— в последние годы, и это важно для России как правопреемницы СССР, вышли из состояния «холодной войны» советско-американские отношения, были нормализованы отношения между СССР и КНР, КНР и МНР, установлены советско-южнокорейские дипотношения, улучшены отношения между Советским Союзом и Японией, налажены торгово-экономические связи между Китаем и Южной Кореей. При этом весьма плодотворно развивались отношения между США и Японией, США и Южной Кореей, Японией и Южной Кореей, США и Китаем, Китаем и Японией.

Анализ основных факторов, определяющих ВПО на Дальнем Востоке, показывает, что в настоящее время и в ближайшие десять лет доминирующее влияние на формирование обстановки будут оказывать следующие тенденции:

— диалог и разрядка, иногда затормаживаемые и даже прерываемые всплесками нестабильности и напряженности, постепенно выйдут на главенствующие позиции в субрегионе;

— при определенных условиях, на почве существующих противоречий и нерешенных проблем, прежде всего территориальных, возможно возникновение взрывоопасной, кризисной ситуации, способной опять-таки при неблагоприятном стечении обстоятельств вызвать пограничные военные конфликты и даже локальные войны;

— соперничество за политические и экономические сферы влияния, конкурентная борьба, основу которой составит развитие экономики, науки и техники, станут все более определяющей чертой развития обстановки;

— произойдет снижение роли военных факторов и повышение значения факторов, непосредственно связанных с экономической и научно-технической мощью государств;

— будет складываться сложная и многообразная многополюсная структура субрегиона, при этом ослабление системы из двух и трех полюсов произойдет быстрее в политической и экономической сферах, чем в военной (нельзя исключать тем не менее и интеграционных процессов — создания субрегионального экономического сообщества Северо-Восточной Азии);

— получат динамичное развитие широкие и разноплановые связи между государствами на двусторонней основе, но, очевидно, не идея коллективной безопасности;

— произойдет определенное ослабление позиций России и США, однако их военно-политическое присутствие в субрегионе и состояние отношений между ними по-прежнему будут оставаться важным фактором, оказывающим серьезное влияние на обстановку на Дальнем Востоке;

— прежние противоречия между «капитализмом» и «социализмом» на данном субрегиональном уровне трансформируются по существу в противоречия между отдельными странами;

— капиталистические страны субрегиона (Япония, Южная Корея, Тайвань) будут занимать общее предпочтительное положение по отношению к СССР, КНР, МНР, КНДР, на долю которых выпадут еще более серьезные испытания.

Сценарии развития ВПО

Вышеприведенные оценки и анализ ВПО в субрегионе позволяют автору сформировать несколько возможных сценариев ее развития. Наиболее реалистичным может стать так называемый «эволюционный» вариант, гипотетическими — «корейский», «китайский» и «тайваньский».

Сценарий «эволюционный». Под «эволюционным» развитием обстановки следует понимать такой процесс, который будет протекать в русле основных тенденций, утвердившихся или утверждающихся на Дальнем Востоке. Прежде всего это тенденция к диалогу и разрядке. Россия и США, отказавшись считать друг друга военными противниками, приступают к проведению переговоров по вопросам сокращения своих вооруженных сил и всех видов вооружений в Дальневосточном районе. Одновременно обе эти державы предпринимают практические шаги в направлении дальнейшего снижения уровня военно-политической напряженности. Естественно, и Россия, и США уделяют большое внимание поддержанию в субрегионе мирной и стабильной обстановки. С привлечением заинтересованных сторон они делают все необходимое, чтобы снять остроту с корейской проблемы и обеспечить конструктивные переговоры между Южной Кореей и КНДР. В результате такого курса России и США можно ожидать постепенного снижения роли военного фактора и повышения значения факторов, непосредственно связанных с развитием экономики и научно-технического потенциала.

В российско-китайских отношениях важное место займут положительные результаты переговоров по мерам доверия в военной области и сокращению войск в приграничной зоне. Аналогичные переговоры будут иметь место и с другими

византскими странами СНГ. В то же время получит развитие деятельность этих стран на других направлениях двусторонних отношений — политическом, торгово-экономическом, научно-техническом, культурном. Позитивные итоги возобладают на пограничных переговорах.

Российско-японские отношения, в которых будет найдена взаимоприемлемая линия в вопросе об островах Курильской гряды, начнут динамично развиваться во всех сферах, и прежде всего экономической, торговой, научно-технической. Такое развитие событий повлечет за собой расширение политического диалога между Россией и Японией, позволит включить в повестку дня проблему доверия и открытости, в том числе и в военной сфере.

Получат достаточное развитие связи России и Южной Кореи. Стороны на базе продвинутых торгово-экономических отношений смогут вести продуктивный политический диалог. Возможно, у России появятся лучшие шансы прямого воздействия на события на Корейском полуострове.

Несомненно, устойчивое развитие получат отношения Китая с США и Японией. Нельзя исключать возможности дипломатического признания между Пекином и Сеулом. КНР будет проявлять заботу о поддержании мирной обстановки по всей протяженности своих границ, и во имя интересов модернизации своей экономики не пойдет на какие-либо пограничные конфликты с соседними странами.

Япония продолжит развитие широких и многообразных экономических и других отношений со странами субрегиона, справедливо полагая, что таким способом добьется более значительных результатов в борьбе за сферы экономического и политического влияния. Поэтому она будет проявлять заинтересованность в поддержании в Дальневосточном районе обстановки мира и стабильности.

В целом при эволюционном пути развития обстановки на Дальнем Востоке сложится благоприятная ситуация, когда совместными усилиями ведущих стран будет практически исключена возможность возникновения военных конфликтов и тем более локальных войн. Однако при определенном ослаблении здесь позиций США и России, формировании в субрегионе многополюсной структуры следует ожидать усиления борьбы за сферы влияния.

Сценарий «корейский». В этом варианте развития обстановки корейская проблема займет ведущее место, осложняя военно-политическую атмосферу на Дальнем Востоке, делая ситуацию в целом крайне кризисной и взрывоопасной. Сценарий предполагает, что в силу ряда причин отношения между Россией и США ухудшатся и всрнутся в открыто-конфронтационное состояние. Поводом для активизации американских намерений использовать военную силу могут послужить авантюристические действия властей КНДР на границах с Южной Кореей. В нынешней обстановке, с учетом тенденций к диалогу между Севером и Югом на Корейском полуострове, возможность развития по этому сценарию быстро уменьшается.

Китай, заинтересованный в сохранении статус-кво на Корейском полуострове, будет всячески пытаться избежать здесь обострения обстановки. Китайское руководство, придерживающееся курса на развитие экономических отношений с западными странами, видимо, откажется от оказания военного содействия северокорейцам.

Япония, будучи связанной с Соединенными Штатами военным договором, а также рассчитывая укрепить свои военные позиции в субрегионе, полностью поддержит действия США на Корейском полуострове.

Южная Корея придет к выводу, что настал весьма удобный момент для того, чтобы с помощью США и Японии «ликвидировать военную опасность с Севера», т.е. КНДР.

Таким образом, «корейский» сценарий будет связан с возникновением войны на Корейском полуострове, т.е. в зоне, которая непосредственно прилегает к территории России, резким осложнением военно-политической и стратегической обстановки в Дальневосточном субрегионе и мире в целом.

Сценарий «китайский». «Китайский» вариант развития обстановки возможен с обострением по вине китайской стороны российско-китайских отношений и возникновением взрывоопасной ситуации на восточном участке границы двух соседних государств, что дестабилизирует военно-политическую обстановку на Дальнем Востоке. После возможного прихода к власти в КНР реакционных националистических сил нельзя исключать создания в стране опасной обстановки. Чтобы удержаться у власти, эти силы могут решить направить недовольство народа на «внешнего врага» — Россию. По сценарию, в стране поднимается антироссийская истерия.

Источником конфликта между КНР и Россией (как членом СНГ) может стать также напряженность вследствие неурегулированности отношений между КНР и Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном.

США, Япония, Южная Корея, заинтересованные в военном ослаблении как России, так и КНР, занимают позицию «нейтралитета».

Следствием развития такой ситуации должно стать российско-китайское вооруженное столкновение.

Сценарий «тайваньский». Возможность этого варианта развития ВПО в Дальневосточном субрегионе обусловлена, с одной стороны, крупными успехами КНР в развитии своей «комплексной мощи государства» (компонентами которой, по мнению китайского руководства, являются экономика, наука и техника, внутренняя политическая стабильность в стране и военная мощь) и, с другой — взаимным ослаблением здесь позиций США и России в результате продолжающегося процесса только двусторонних сокращений своих вооруженных сил и вооружений, что может подтолкнуть китайское руководство на осуществление военным путем своей главной задачи, связанной с воссоединением о.Тайвань с материковой частью Китая.

Такое развитие обстановки привело бы к прямому экономическому и военному противоборству Китая прежде всего с США и Японией и возможному опосредственному вовлечению в этот конфликт России. СССР, как известно, постоянно поддерживал позицию КНР по тайваньской проблеме, что было в очередной раз подтверждено в совместном советско-китайском коммюнике от 15.05.91, подписанном обеими сторонами в ходе официального визита Председателя Военного совета КНР Цзян Цзэмина в СССР.

Безусловно, развитие военно-политической обстановки на Дальнем Востоке может происходить и по другим вариантам (например, при разрешении территориальных вопросов военным путем или при использовании американских войск в качестве контролирующих сил в ходе урегулирования внутривосточного кризиса в Южной Корее и т.д.), но вышеизложенные версии могут рассматриваться как основные, так как они базируются на главных источниках нестабильности, существующих в Дальневосточном субрегионе. Поэтому многие элементы

рассмотренных сценариев будут в конкретно складывающихся ситуациях обязательно проявляться в том или ином виде.

В то же время читатель, видимо, заметил, что рассмотренные автором основные сценарии развития ВПО в Дальневосточном субрегионе базируются на основе того, что Россия стала правопреемницей СССР и все внешнеполитические факторы для нее сохраняются. В условиях же продолжающегося расширения и углубления процесса «суверенизации» республик возможен и «советский» сценарий, базирующийся на внутривластическом факторе — полном распаде не только СССР, но и РФ, одновременно с созданием независимых «Дальневосточных Республик» или даже какого-нибудь «Приморского» или «Приамурского государства». В этой ситуации военно-политическое руководство Японии может, например, посчитать, что настал благоприятный момент для решения военным путем вопроса «северных территорий» не только в узком, но и более широком понимании этой проблемы. В возникший военный конфликт прямо или косвенно, но, несомненно, будут втянуты и США. Китай, предвстав перед мировой общественностью в качестве друга, оказывающего «интернациональную» помощь, с целью упреждения захвата российско-го Дальнего Востока Японией и США осуществит фактическую аннексию так называемых «утраченных» им территорий. Такое развитие событий заставит сработать исторически сложившуюся «славянскую» черту характера к объединению в критические моменты и совместному отражению внешней агрессии трех крупнейших держав мира.

Итогом «советского» сценария развития ВПО в субрегионе может стать крупномасштабный затяжной военный конфликт.

Таким образом, в качестве итога можно сделать вывод, что развитие военно-политической обстановки на Дальнем Востоке в предстоящее десятилетие прогнозируется как весьма сложный и противоречивый процесс, развивающийся хотя и динамично, но в целом все же в сугубо эволюционном плане. Для единой России в данном субрегионе в ближайшие 10 — 15 лет реальной крупномасштабной военной угрозы не существует. Вероятность того, что Россия может быть втянута в пограничный военный конфликт или локальную войну, чрезвычайно мала, хотя полностью и не исключается. Что касается государственных интересов России, то они, как представляется, будут постоянно подвергаться на Дальнем Востоке опасностям и вызовам, и прежде всего экономического, научно-технического, политического, дипломатического характера. Самоликвидация СССР как единого государства (как единого военно-экономического пространства) уже привела к возникновению множества новых государственных образований с ограниченными возможностями по защите своего суверенитета. Территориальные притязания к бывшему Советскому Союзу со стороны соседних стран субрегиона не исчезли после распада СССР, что создает в этой ситуации изначально благоприятные условия для возникновения здесь локальных военных конфликтов, которые в конечном итоге могут перерасти в крупномасштабную войну с крайне негативными последствиями для всей земной цивилизации.

ГОСПОДИН СОН НЕ ТЕРЯЕТ ОПТИМИЗМА

В интервью корреспонденту «ПДВ» генеральный директор представительства Кореической корпорации содействия торговле (КОТРА) в Москве Сон Чжон Хён охотно говорит об этой организации, созданной в 1962 году и имеющей свои зарубежные торговые центры в 80 городах 69 стран (такой центр намечено создать и в Москве). Не таясь, отвечает он на вопросы, касающиеся его лично. Родился в 1934 году. Закончил университет в Корее, юридический колледж. За границей проработал последние пятнадцать лет — в одной из стран Латинской Америки, Австрии, Швеции, Кувейте. В Москве работает с 1989 года. Живет в гостинице Центра международной торговли вместе со своей женой. В Центре же находится и офис КОТРА. Скучает по дочери, оставшейся в Южной Корее. Более сдержан и лаконичен господин Сон, когда речь заходит о контактах с крупными южнокорейскими представительствами в Москве, — а таких уже пятнадцать — и об анализе условий торговли и развития предпринимательства.

Сон Чжон Хён

***

Некоторые считают, что поскольку ведущие финансово-промышленные компании Южной Кореи имеют свои собственные представительства в Москве, то КОТРА выражает интересы среднего и мелкого южнокорейского бизнеса. Это не так, говорит господин Сон.

— КОТРА — государственная организация, финансируемая правительством и проводящая в жизнь правительственную политику в области содействия торговле с зарубежными странами. Она помогает как мелким и средним, так и крупным компаниям и производителям.

В наши основные функции входит: во-первых, изучение рынка с тем, чтобы использовать полученные данные в торговле и экономической деятельности; во-вторых, организация выставок, ярмарок и участие в них; в-третьих, обеспечение нашего правительства информацией, помогающей ему разрабатывать свою торг-

овую политику; в-четвертых, помощь в сборе информации по импорту и экспорту для компаний и бизнесменов.

В своей стране и за границей КОТРА имеет разветвленную систему служб для оказания содействия практической торговой деятельности. Ее компьютерная сеть содержит в своем банке данных информацию и рекомендации как для отечественных, так и зарубежных компаний.

Корпорация поддерживает контакты со многими международными торговыми объединениями. Она предпринимает значительные усилия по созданию прочной основы для развития торговли между Кореей и социалистическими (или бывшими социалистическими) странами.

— *В чем заключаются ваши связи с представительствами крупных южнокорейских корпораций в Москве?*

— Мы предоставляем им информацию о торговле, организуем для них семинары с участием представителей советских предприятий, иногда направляем их сотрудничество друг с другом в соответствии с требованиями торговой политики нашей страны. В их практической деятельности не участвуем. Мы только помогаем наладить торговлю.

— *Известно, что Республика Корея предоставила нашей стране кредиты на 3 миллиарда долларов и что потребительские товары на 800 миллионов долларов уже поставлены. Принимает ли КОТРА какое-нибудь участие в распределении этих кредитов?*

— Соглашение о кредитах заключено на правительственном уровне и уже реализуется на практике. В соответствии с договором между правительствами двух стран товары поступают в центр, а затем будут распределяться между республиками. Об этом сообщалось в вашей прессе. КОТРА никакого отношения к распределению кредитов и поставкам потребительских товаров не имеет.

— *Что вы можете сказать о торговле между нашими двумя странами?*

— В 1990 году наш экспорт составил 500 миллионов долларов, а импорт из вашей страны — 400 миллионов долларов. Страны Содружества поставляют нам главным образом сырьевые материалы, а получает от нас потребительские товары и оборудование для их производства. Такая торговля взаимно выгодна.

— *Значит ли это, что южнокорейские предприниматели имеют прибыль от сотрудничества с нами?*

— Здесь две стороны вопроса. Если мы говорим об импорте и экспорте за твердую валюту, то в этом случае все обстоит благополучно. Трудности начинаются, когда мы приступаем к созданию совместных предприятий. Все упирается в неконвертируемость рубля. В настоящее время мы пытаемся решить этот вопрос.

— *Тем не менее известно, что в нашей стране уже имеются совместные предприятия с вашими предпринимателями.*

— Да, есть совместное предприятие по переработке древесины и нечто подобное в ряде других отраслей обрабатывающей промышленности. Однако аналогичных совместных начинаний не так уж много. Немало времени требуется на предварительные расчеты при их создании. Одной из наших задач на будущее должно быть увеличение количества совместных предприятий.

— *Экономика стран Содружества в настоящее время переживает не лучшие времена, производство находится на спаде. При таких обстоятель-*

ствах как ваши специалисты и вы лично оцениваете ситуацию в торговле? Приемлема ли она для благоприятного сотрудничества между нами?

— Ответить на этот вопрос не совсем просто. Структура вашей экономики в настоящее время меняется. Осуществляется переход от системы централизованного планирования к рыночной системе. Данный процесс обуславливает другие процессы в каждой из ваших республик. Поэтому я думаю, что нашим бизнесменам следует учитывать эту особенность и перед тем, как решать дела, посещать республики и знакомиться с их возможностями.

Само же движение к рыночной экономике, я полагаю, весьма благоприятно скажется в будущем на развитии предпринимательства в Москве. Это тенденция, с которой надо считаться. И поэтому я думаю, что перспективы сотрудничества (в том числе торгового) между нашими странами довольно хорошие. Я смотрю в будущее с оптимизмом.

— *Господин Сон! Журнал «Проблемы Дальнего Востока» благодарит вас за интересное интервью. Мы желаем вам больших успехов в вашей деятельности и надеемся на новые встречи.*

Интервью взял Л.П.Атаманенко.

БЛАГОВЕЩЕНСК — ХЭЙХЭ: ПРИГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Л.Вардомский

Нормализация наших отношений с Китаем благотворно сказалась на развитии приграничных связей. Можно с уверенностью утверждать, что они являются наиболее динамичным элементом хозяйства как Амурской области, так и соседней провинции Хэйлунцзян. В особой мере это касается товарообменных (бартерных) операций. Если в 1987 г. внешнеторговый оборот Амурской области с КНР по линии прямых связей составил 0,5 млн. рублей, то в 1988 г. он достиг 21,3 млн. рублей, в 1989 г. — 92,2 млн. рублей. В 1990 г. в результате введения системы лицензирования и квотирования на большинство экспортных товаров, других ограничений на бартерные сделки товарообмен с китайскими партнерами сократился до 56 млн. рублей.

На долю Китая приходится более 90% всех бартерных сделок, осуществляемых предприятиями и объединениями Амурской области. Несмотря на происшедшие в последний год изменения, бартер дает около 40% всего экспорта и покрывает 100% импорта региона.

Благодаря развитию прямых связей область имеет возможность смягчить некоторые свои проблемы. В первую очередь это касается частичной компенсации прогрессирующего ухудшения централизованного снабжения потребительскими товарами. В 1990 г. из всего количества промышленных товаров народного потребления около 90% ввозилось из-за пределов области, в т.ч. 12% составляли

Вардомский Леонид Борисович, старший научный сотрудник ИМЭПИ РАН, к.г.н.

импортные товары. Зависимость от ввоза продовольствия тоже велика — более 40%, из которых 3% приходится на импорт.

Поставляемые в область в порядке прямых связей потребительские товары частично обмениваются на товары производственного назначения (удобрения, металл, машины) других регионов страны, которые либо потребляются в области, либо в свою очередь используются для бартерного обмена.

Бартерные операции позволяют расширить привлечение иностранной рабочей силы в область и тем самым несколько уменьшить дефицит трудовых ресурсов (только в отраслях материального производства он оценивается в 20 тыс. работников ежегодно). В 1990 г. на 10 предприятиях отрасли трудилось 10,2 тыс. рабочих из КНР, КНДР и СРВ. Стоимость строительных и сельскохозяйственных услуг, оказанных ими, составила около 17% от общей стоимости импорта по прямым связям.

Для обслуживания приграничного сотрудничества за рассматриваемый период была налажена прямая телефонная связь между соседними городами Благовещенск и Хэйхэ, проложена линия электропередач через пограничную реку Амур, что создало возможность экспорта электроэнергии в соседнюю провинцию. Был создан пограничный транспортный стык. По данным таможи города Благовещенска, за 1990 г. через него проследовало 116 тыс. человек и 202 тыс. т грузов, в том числе 191 тыс. т экспортировалось и 11 тыс. т импортировалось, причем 90% всего экспорта приходилось на областные предприятия и организации.

Летом между Благовещенском и Хэйхэ курсируют пассажирские и автомобильные паромы, а зимой организуется ледовая переправа. Упрощенные пограничные переходы, играющие важную роль в развитии местных приграничных связей, организованы также между населенными пунктами Джалинда — Мохэ и Поярково — Цикэ.

В 1987 — 1991 гг. был налажен и успешно развивался однодневный приграничный туризм. В 1991 г. стороны обменялись 40 тысячами туристов, для обслуживания которых в обоих городах уже создана минимально необходимая инфраструктура. В марте 1991 г. по инициативе китайской стороны на острове Большой Хэйхэ (КНР) был открыт культурно-туристический центр. На первых порах он будет иметь вид рынка, на котором граждане Амурской области и окрестных уездов Китая будут иметь возможность торговать потребительскими товарами. По мере сооружения на совместной основе соответствующей инфраструктуры функции центра будут расширяться. Созданием центра начата практическая реализация китайской концепции «общего рынка, вовлекающего население приграничных районов». С мая 1991 г. подобная ярмарка начала действовать в Благовещенске на территории областной ВДНХ.

На долю Китая приходится большинство совместных предприятий, учреждений с иностранными партнерами, хотя их общее количество пока невелико (4 из 7 зарегистрированных в 1989 — 1990 гг. совместных предприятий в Амурской области). Необходимо отметить, что реально действует пока одно совместное советско-китайское предприятие — ресторан китайской кухни «Дружба», расположенный в Благовещенске. В области учреждена ассоциация делового сотрудничества с Китаем «Амурассо», которая помимо бартерных операций сейчас расширяет деятельность по транспортно-экспедиторскому обслуживанию приграничных связей. Учитывая столь динамичное развитие связей с Китаем и то, что

в совместном сотрудничестве сделаны только первые шаги, можно утверждать, что это является весомым фактором развития области, причем его значение со временем будет возрастать.

Однако уже сегодня выявился ряд узких мест, сдерживающих приграничное сотрудничество. Одно из них — крайне слабая экспортная база. Общий объем экспортных поставок Амурской области в 1990 г. составил во внутренних ценах 114 млн. рублей, или 7,1% от всего объема выпущенной в области промышленной продукции. Из этого количества около 60% направлялось в соседний Китай. Основу экспортных поставок составляет круглый лес. На него приходится около $\frac{2}{3}$ стоимости экспортных поставок области всех видов (централизованных, бартерных, в рамках прибрежной торговли). По сути дела, круглый лес является единственной крупной экспортной позицией местного происхождения, все остальные существенные статьи (удобрения, металл, машино-техническая продукция) реэкспортируются из других районов страны.

Расширившееся приграничное сотрудничество, помимо узкой собственной экспортной базы, сдерживают недостаточное развитие транспортной, складской, таможенной, информационной и банковской инфраструктуры, а также нехватка квалифицированных кадров. Затрудняет сотрудничество нестабильность в правовой базе, регулирующей внешнеэкономические связи РФ. Сдерживающим фактором является и дефицит коммерческой информации о состоянии внутреннего рынка КНР и условий деятельности на нем. Тормозом также выступает отсутствие как у китайской, так и российской стороны твердой валюты.

В развитии приграничного сотрудничества в ближайшее время следует ожидать глубоких изменений. Они связаны с учреждением в Хэйхэ, Маньчжурии и Суйфынхэ специальных экономических зон (эти зоны были созданы по специальному решению правительства КНР). Эти зоны специально ориентированы на сотрудничество с партнерами из СНГ и Восточной Европы. Правительства соответствующих китайских уездов и городов получили для этого широкие полномочия по осуществлению посреднических функций в торгово-экономическом сотрудничестве и в решении связанных с этим практических вопросов. Для этих зон установлены налоговые и таможенные льготы, установленные для уже действующих в Китае СЭЗ. Причем эти льготы распространяются как на иностранных инвесторов, так и на инвесторов из внутренних регионов Китая, действующих в СЭЗ.

Зона Хэйхэ занимает территорию одноименного округа общей площадью 14,4 тыс. кв. км с населением в 250 тыс. человек и включает в себя четыре города и три уезда. Иностранные инвестиции в СЭЗ Хэйхэ будут концентрироваться в 6 крупных функциональных планировочных зонах:

- торговой зоне, расположенной на острове Большой Хэйхэ;
- сельскохозяйственной зоне, главным назначением которой служит создание высокоэффективного экспортного сельского хозяйства с привлечением передовой иностранной техники;
- рекреационно-туристической зоне, в которой намечается строительство отелей высшего класса с участием иностранных партнеров;
- собственно промышленной зоне, в предприятия которой могут вкладывать капиталы как иностранные инвесторы, так и предприятия из внутренних районов Китая;
- транспортно-складской зоне, обеспечивающей потребности обслуживания все возрастающих грузопотоков;

— зоне освоения высоких технологий.

Эти функциональные зоны, имеющие площадь от нескольких десятков до нескольких сот гектар каждая, расположены в разных частях округа и города Хэйхэ.

Как показывает опыт Китая, учреждение СЭЗ вызывает динамичный рост соответствующих территорий, бурное развитие их внешнеэкономических связей. Уже сейчас в Хэйхэ наблюдается активизация инвестиционной деятельности: построены новый железнодорожный вокзал (напрямую связавший Хэйхэ с центром провинции городом Харбином), почта (в результате чего город получил автоматическую международную связь), сооружаются гостиницы высокого класса, административные здания и торговые объекты. Население самого города за последние три года удвоилось и сейчас составляет 150 тыс. человек. Проявляют интерес к приграничному с Россией городу и иностранные инвесторы: в Хэйхэ зарегистрирован ряд совместных предприятий с участием гонконгского, тайваньского и японского капитала.

Учреждение зоны в Хэйхэ создает дополнительные шансы для Благовещенска и Амурской области. Выступая для КНР в качестве ворот в Россию и страны Восточной Европы, Благовещенск и область должны обеспечить расширяющиеся связи СЭЗ Хэйхэ. Развитие сервисных функций в отношении Хэйхэ: транспортно-экспедиторского обслуживания, транспортных и складских услуг, обеспечения туристических и деловых поездок, снабжения советских и восточноевропейских партнеров информацией о зоне и расположенных в ней предприятиях — может выступить важным фактором развития города и области в ближайшие годы. Однако для этого необходимо создание соответствующей инфраструктуры, так как имеющаяся в Благовещенске инфраструктура уже не соответствует сложившемуся на сегодня уровню приграничных связей.

Среди первоочередных мер по развитию инфраструктуры следует назвать реконструкцию Благовещенского аэропорта, который должен иметь возможность принимать магистральные пассажирские и грузовые самолеты. Нуждается в тщательном продумывании и резервировании для этих целей определенной территории вся система приаэродромного хозяйства, включая бесполошинную зону.

Другое важное мероприятие связано с сооружением моста через Амур. Этот вопрос уже изучается больше года. Но пока лишь выявились существенные разногласия между китайской и советской сторонами. Китайская сторона настаивает на комбинированном автомобильно-железнодорожном варианте, власти же Амурской области отдают предпочтение автомобильному мосту. С избранием того или иного варианта связаны проблемы его конкретной локализации. Сложившаяся исторически застройка Благовещенска и планы территориального развития СЭЗ Хэйхэ оставляют мало места для взаимоприемлемого компромисса.

До того момента, пока мост не войдет в строй, растущая нагрузка в навигационный период будет падать на речной флот и Благовещенский порт. Однако уже сейчас ощущается нехватка современных судов паромного типа. Однако способность речного транспорта уже в ближайшее время будет лимитировать объемы связей между Благовещенском и Хэйхэ.

Адаптация Благовещенска и Амурской области (равно как и Забайкальска и Читинской области, Гродеково и Приморского края) к новым условиям приграничного сотрудничества по сути означает углубление «китайской ориентации» хозяйства региона. Следует подчеркнуть, что в этом объективно заинтересованы и Россия в целом, и ее отдельные регионы. В результате такой ориентации они

могли бы получить транспортную, торгово-экономическую и туристическую инфраструктуру, обслуживающую растущие связи с Китаем. Наращивание экспортного потенциала в отношении китайского рынка расширило бы возможности импорта китайских потребительских товаров, в которых остро нуждаются многие регионы Урала, Сибири и Дальнего Востока.

В свете вышесказанного напрашиваются следующие предложения:

— Необходимо наладить мониторинг процессов формирования СЭЗ на границе с Россией и их воздействие на экономику приграничных районов и страны в целом. В этой работе активно могли бы участвовать ИМЭПИ и ИДВ РАН, располагающие специалистами как по экономике КНР, так и по проблемам российских дальневосточных регионов.

— Целесообразно расширить полномочия местных Советов — областных и городских — в вопросах, связанных с приграничным сотрудничеством и сотрудничеством с СЭЗ. В первую очередь это касается лицензирования экспорта, регистрации субъектов внешнеэкономической деятельности, вопросов визового и паспортного режима.

— Для реализации проектов расширения и создания необходимой инфраструктуры следует предусмотреть возможность предоставления целевых кредитов на льготных условиях по линии центральных кредитных учреждений Российской Федерации.

— Этой же цели могли бы служить предоставление областным органам управления и представляющим их коммерческим структурам генеральной лицензии на осуществление внешнеэкономических связей с Китаем, которая предполагает получение права выдавать лицензии на экспорт в Китай продукции на определенной сумме предприятиям и организациям, расположенным как на территории Амурской области (Читинской области, Приморского края), так и в других регионах страны. Эта сумма, по-видимому, должна составлять 10 — 15% от стоимости производимой в регионах промышленной и сельскохозяйственной продукции.

— Целесообразно также принять систему мер (налоговые, таможенные и кредитные льготы) по стимулированию производства экспортной продукции на рынок Китая. В первую очередь на китайский рынок могут быть перепрофилированы действующие в Благовещенске машиностроительные предприятия. Речь идет о налаживании производства бытовой электротехники, велосипедов, сельхозинвентаря, судов и барж и т.д.

— Учитывая отсутствие как у китайской, так и у российской стороны твердой валюты, что сейчас в значительной степени сдерживает наращивание взаимного товарооборота вне рамок бартера, весьма своевременным было бы учреждение совместного российско-китайского банка приграничного сотрудничества. Посредством этого банка можно было бы осуществлять взаимные расчеты, предоставлять рублевые и юаневые кредиты, осуществлять взаимное конвертирование рублей, юаней и других валют, их продажу и покупку на основе плавающего курса.

Параллельная либерализация внешнеэкономической деятельности в рамках СЭЗ Китая на российской границе и приграничных с Китаем областях и городах России будет способствовать формированию целостных экономических образований, выполняющих функции мостов сотрудничества между Российской Федерацией и КНР, а также их сотрудничества с третьими странами.

История и современность

ДИАЛОГ СТАЛИНА С МАО ЦЗЭДУНОМ

И.В.Ковалев,

*личный представитель И.В.Сталина при Мао Цзэдуне,
отвечает на вопросы историка-китаеведа С.Н.Гончарова.*

С.Г. Далее хотелось бы задать два вопроса, которые затрагивают общеполитические проблемы. Прежде всего, позвольте узнать Ваше мнение о том, какую роль отводил Китаю Сталин в своей глобальной стратегии, как оценивал значение победы революции в Китае для судеб мира. Эта проблема тесно связана с другим важнейшим вопросом — как мыслил себе Сталин основное содержание сотрудничества между двумя государствами и партиями после победы революции в Китае, существовали ли у него какие-либо долгосрочные планы относительно «разделения ответственности» за судьбы мира между двумя коммунистическими гигантами?

И.В. Этот вопрос слишком серьезен для того, чтобы, отвечая на него, пересказывать сталинские тезисы по памяти, здесь важна каждая формулировка. Поэтому я буду часто цитировать свои дневниковые записи тех лет, а также некоторые важные документы из моего личного архива.

Сталин, конечно же, придавал огромное значение победе китайской революции. В мае 1948 года, сразу же после того, как он показал мне телеграмму Мао Цзэдуна с просьбой о помощи, он заявил: «Мы, конечно, окажем новому Китаю всю возможную помощь. Если социализм победит и в Китае и наши страны пойдут одним путем, то победу социализма в мире можно считать обеспеченной. Нам не будут угрожать никакие случайности. Поэтому мы не можем жалеть сил и средств для помощи китайским коммунистам».

Такой подход он подтвердил спустя несколько дней, во время беседы, состоявшейся накануне моего отъезда в Китай. Помню, что на столе у него среди множества книг и бумаг лежал томик Ленина. Он полистал, нашел нужное и прочитал мне несколько фраз о роли китайской революции в деле победы социализма во всем мире.

Такая оценка Сталиным роли китайской революции, конечно же, ставила вопрос о том, как должно в общестратегическом и практическом плане строиться взаимодействие между двумя партиями в новых условиях. Много внимания обсуждению этого вопроса было уделено во время визита в Москву делегации во главе с Лю Шаоци в июле — августе 1949 года.

Тогда я вел подробные записи всего, что говорил Сталин, не только для себя лично, но и для предстоящих бесед с Мао Цзэдуном. К тому времени я уже хорошо знал, что Мао никогда не бывает удовлетворен сведениями, исходящими из одного источника, будет перепроверять данные своих людей в разговорах со мной. Сохранился у меня любопытный документ — 21 страница, плотно исписанная от руки. Когда на памятном заседании Политбюро 27 июля 1949 года Сталин разбирал письменный доклад Лю Шаоци, то Лю по-китайски, а я и Ши Чжэ — по-русски записывали его замечания и советы. Потом мы решили проверить друг друга, сопоставили свои записи и выяснилось, что слушали мы одно и то же, а записали по-разному. Здесь я буду использовать свою версию того, что в этом и других случаях говорил Сталин.

Прежде всего о том, как тогда Сталин оценивал значение китайской революции. Во время одного из приемов в честь Лю Шаоци Сталин провозгласил то в честь победы китайской революции, за здоровье Мао Цзэдуна и других китайских руководителей. Затем он сказал: «Я никогда не любил льстецов, и, когда мне много льстят, я чувствую к этому отвращение. То, что я говорю об успехах китайских марксистов и о том, что советский народ и народы Европы должны учиться у вас, вовсе не означает, что я заискиваю перед вами или говорю вам комплименты.

Вследствие зазнайства лидеров революционного движения Западной Европы, после смерти Маркса и Энгельса, социал-демократическое движение на Западе стало отставать в своем развитии. Центр революции с Запада переместился на Восток, а сейчас он переместился в Китай и Восточную Азию.

Я говорю, что вы уже играете важную роль и вам, конечно, не следует зазнаваться. Но одновременно я утверждаю, что и ответственность, возложенная на вас, еще более возросла. Вы должны выполнить свой долг по отношению к революции в странах Восточной Азии.

Возможно, что в общих вопросах теории марксизма мы, советские люди, несколько сильнее вас. Однако если говорить о применении марксистских принципов на практике, то вы обладаете таким большим опытом, что нам стоит поучиться у вас. В прошлом мы уже многому научились у вас.

Один народ должен учиться у другого. Пусть даже это очень маленький народ — у него всегда имеется много такого, чему нам стоит поучиться...»¹

Разбирая представленный доклад Лю Шаоци, Сталин особо остановился на своем подходе к отношениям между партиями. Тогда в этом была особая необходимость, поскольку китайцы, опасаясь подозрений в том, что они «пошли по пути Тито», заявили о том, что Компартия Китая будет следовать решениям ВКП(б)².

В ответ на это Сталин сказал: «В своем докладе китайская делегация заявила, что КПК будет подчиняться решениям Компартии Советского Союза. Это кажется нам странным. Партия одного государства подчиняется партии другого государства. Такого никогда не было, и это непозволительно. Все партии должны нести ответственность перед своими народами, взаимно совещаться по некоторым вопросам, взаимно помогать друг другу, а при возникших трудностях тесно спланиваться — это верно. Вот сегодняшнее заседание Политбюро с вашим участием явилось своего рода связью между партиями. Так и должно быть...»

Все, что говорит здесь Сталин, верно, не приторкнешься, но поступал-то он совсем иначе, пытался подчинить себе всех — и Югославию, и партии других

социалистических стран. Высказавшись о ведущей роли КПК в Восточной Азии, а также о принципах межпартийных отношений, Сталин не мог не конкретизировать свой подход к последней проблеме. Сделал он это, отвечая на вопрос Лю Шаоци о возможности вступления КПК в Коминформ. Приведу пространный отрывок из своих записей, ибо из него ясен подход Сталина не только к самому этому вопросу, но и его оценка характера китайской революции.

Итак, отвечая на вопрос, может ли КПК вступить в Коминформ, Сталин заявил: «Может. Но я полагаю, что это не совсем нужно. Почему? Потому, что между положением стран новой демократии Восточной Европы и положением Китая существует коренное различие. Вследствие этого и проводимая политика в обоих случаях не должна быть одинаковой. На мой взгляд, два момента отличают Китай от стран Восточной Европы.

Первый момент. Китай долгое время находился под ярмом империализма, который, я полагаю, сейчас еще не отказался от угроз Китаю.

В настоящее время Китаю нужно прилагать колоссальные усилия, чтобы противостоять давлению со стороны империализма. В этом самая характерная особенность нынешнего положения Китая. Для стран новой демократии этот момент не характерен. Второй момент. Китайская буржуазия и буржуазия стран Восточной Европы не одно и то же. Буржуазия стран Восточной Европы опозорила себя тем, что в период фашистской оккупации сотрудничала с фашистами, а затем вместе с ними эвакуировалась. Вследствие этого пролетариат смог установить свою диктатуру и получил все основания для того, чтобы конфисковать предприятия, принадлежавшие буржуазии. После этого он быстро вступил на путь социализма.

Фактически в странах Восточной Европы существует не диктатура пролетариата, а народная демократия, парламент и отечественный фронт являются формами ее проявления.

Совершенно иное положение в Китае. Китайская буржуазия в период японской оккупации не капитулировала перед японцами и не эвакуировалась вместе с японцами. Когда китайский народ поднялся на борьбу с Америкой и Чан Кайши, она также не сотрудничала ни с американцами, ни с Чан Кайши. Поэтому у китайского революционного правительства не было оснований к тому, чтобы выступить против национальной буржуазии и взять в свое управление ее предприятия.

В Китае еще нельзя устанавливать революционную власть диктатуры пролетариата. Существующая сегодня в Китае революционная власть по существу является демократической диктатурой рабочих и крестьян, а единый национальный фронт, Политический консультативный комитет являются формами проявления ее. Это коренным образом отличается от фактически существующей в странах Восточной Европы диктатуры пролетариата, выступающей в форме народной демократии, парламента и отечественного фронта.

Два вышеуказанных момента обуславливают собой возможность существования немалых различий между политикой, проводимой в Китае, и политикой, проводимой в странах Восточной Европы. Вследствие этого вступление КПК в Коминформбюро не соответствует моменту.

Обстановка в странах Восточной Азии имеет много общего с положением в Китае и допускает возможность организации союза компартий Восточной Азии. Это более необходимо и своевременно, чем вступление КПК в Коминформбюро.

Возможно, что сейчас еще преждевременно организовывать союз компартий Восточной Азии; поскольку СССР является страной, расположенной и в Европе, и в Азии, постольку он будет принимать участие в союзе компартий Восточной Азии".

Китайские руководители были окрылены поддержкой и заявлениями Сталина о том, что центр революционного движения переместился с Запада на Восток, что китайские коммунисты должны стать во главе народов Восточной Азии и повести их за собой. В связи с этим Мао Цзедун и Лю Шаоци вскоре занялись разработкой своеобразной стратегии и тактики революционного движения в странах Азии. Вместе с тем они практически проигнорировали предложение Сталина о создании азиатского Коминформа.

Все это проявилось во время подготовки и проведения конференции профсоюзов стран Азии в Пекине в ноябре 1949 года. Там с докладом выступил Лю Шаоци, который провозгласил китайский опыт революционной вооруженной борьбы универсальным для азиатских стран. С этим выступлением связан один эпизод, который воспроизвожу здесь по своим дневниковым записям.

Я получил текст доклада Лю Шаоци заранее и дней за 15 до конференции доложил его в шифровке Сталину. Ответа из Москвы до самой конференции так и не последовало, поэтому я на нее ходить не стал, а отправил туда одного из своих сотрудников.

Советские профсоюзы на конференции представлял секретарь ВЦСПС Соловьев. Прослушав доклад Лю Шаоци, Соловьев не поддержал основные его тезисы. Сталин, узнав об этом, прислал телеграмму, где назвал Соловьева «двурушником» и вообще резко осудил его. Этот вопрос обсуждался на совещании у Мао Цзедунa, где Соловьев признал допущенную им ошибку. Мао после этого отправил Сталину письмо с просьбой не осуждать Соловьева, ибо он не причинял никакого вреда.

Хоть я и не обладаю документальной информацией, но мне кажется, что вряд ли Сталин поступил так, поскольку он был полностью согласен с докладом Лю Шаоци, скорее наоборот³. Он, наверное, просто не хотел портить отношения с Мао накануне предстоявших переговоров и, как и в случае с Гао Ганом, пожертвовал ради этого невинным человеком.

С.Г. Следующий вопрос связан с подходом Сталина к отношениям Китая с ведущими государствами Запада, прежде всего такими, как Соединенные Штаты. В исторических трудах распространено мнение о том, что советский лидер очень опасался нормализации отношений между новым Китаем и этими странами и потому стремился создать препятствия подобному развитию событий. Существуют два основных примера, которыми подтверждают такие выводы.

В начале ноября 1948 года, вскоре после освобождения Шэньяна войсками НОА, новые коммунистические руководители города встретились с местным консулом Эгньюсом Вардом. В беседах Вард выражал заинтересованность в сотрудничестве и в усилении контактов с новыми властями, представители КПК также продемонстрировали аналогичную заинтересованность и выражали надежду на взаимные дружбу и помощь в дальнейшем⁴. Однако вскоре консульство США было блокировано войсками НОА, Вард был фактически изолирован от внешнего мира, что самым негативным образом сказалось на перспективах установления отношений с Соединенными Штатами. Некоторые специалисты по-

лагают, что решение об изоляции Варда было принято под давлением со стороны Советского Союза.

Второй случай относится к маю-июню 1949 года. После захвата силами НОА Нанкина советский посол Рошин покинул бывшую гоминьдановскую столицу и последовал на Юг, в Гуанчжоу, вслед за правительством Чан Кайши. Американский же посол Лейтон Стюарт остался в Нанкине для того, чтобы налаживать контакты с КПК. Ранее Стюарт был ректором Яньцзинского (Пекинского) университета, имел хорошие связи в стране. Стюарт провел ряд встреч с Хуан Хуа — начальником управления внешних сношений военной администрации Нанкина и его бывшим студентом. В ходе переговоров Стюарт выразил пожелание провести свой день рождения в Пекине и встретиться там с руководителями КПК. На это было получено согласие Мао и Чжоу, однако визит не состоялся, поскольку не был санкционирован Госдепом и президентом США. В это же время, в самом конце июня 1949 года, когда Мао Цзэдун опубликовал свою статью «О демократической диктатуре народа», в которой сформулировал курс на союз с СССР, китайские власти в Шэньяне предприняли дополнительные репрессивные меры против генконсула Варда в Шэньяне. Американские разведывательные ведомства сообщили тогда, что подобное резкое изменение китайской позиции — от попыток завязать связи с США к враждебности к ним и однозначной ориентации на союз с Москвой — было вызвано тем, что в Пекин прибыл специальный представитель Сталина и оказал сильнейшее давление на Мао⁵.

Вы, Иван Владимирович, наверное, один из очень немногих людей, которые обладают реальной информацией о позиции и роли нашей страны во всех этих событиях.

И.В. Эти вопросы не только сложные, но еще и очень деликатные, острые. Тогда мы считали американский империализм своим главным противником и никаких вопросов здесь для нас не было. Я не принадлежу к людям, которые стремятся исторические факты подгонять под современные взгляды, и потому постараюсь изложить все как было на самом деле. В этой проблеме нужно выделить две части — общая позиция Сталина в отношении связей китайских коммунистов с США и другими капиталистическими странами и два конкретных эпизода, о которых вы упомянули.

В моем дневнике сохранилась запись, имеющая непосредственное отношение к заданному вопросу. Выглядит она так:

«15 марта 49 г.

Ответ тов. Ф(илиппова) министру экономики Маньчжурии Чэнь Юню.

Передайте т.Чэнь, что мы, русские коммунисты, стоим за то, чтобы китайские коммунисты не отталкивали от себя национальную буржуазию, а привлекали к сотрудничеству как силу, способную помочь в борьбе с империалистами. Поэтому советуем поощрять торговую деятельность национальной буржуазии как внутри Китая, так и вовне. Скажем, торговлю с Гонконгом или с другими иностранными капиталистами.

Китайские коммунисты должны сами решить, какие товары покупать и какие продавать».

Такой линии на одобрение торговли Китая с капиталистическими государствами Сталин придерживался и в дальнейшем. Его отношение к политическим

контактам между КПК и этими странами было более сложным. Так, в телеграмме, присланной им Мао Цзэдуну в апреле 1949 года, он писал:

«...Мы считаем, что демократическому правительству Китая не следует отказываться от установления официальных отношений с некоторыми капиталистическими государствами, включая США, если эти государства официально откажутся от военной, хозяйственной и политической поддержки чанкайшистского гоминьдановского правительства. Это условие необходимо по следующим мотивам:

В настоящее время политика США направлена на раздробление Китая на Южный, Средний и Северный, с тремя правительствами. При этом США поддерживают Южное и Среднее правительства Гоминьдана — как видно, не прочь поддержать и Северо-Восточное демократическое правительство с тем, чтобы эти правительства дрались между собой и ослабляли друг друга, а США могли бы извлечь из этого пользу. Поэтому, если вы хотите иметь единый Китай во главе с коммунистами, нужно установить официальные отношения только с теми капиталистическими правительствами, которые официально откажутся от поддержки Кантонской и Нанкинской группировок.

Мы считаем, что не следует отказываться от иностранного займа и от торговли с капиталистическими странами при определенных условиях. Все дело в том, чтобы условия займа и торговли не налагали таких экономических и финансовых условий на Китай, которые могли быть использованы для ограничения национального суверенитета демократического государства и для удушения национальной промышленности...»

Еще более четко Сталин высказался на этот счет во время заседания Политбюро 27 июля 1949 года, когда комментировал доклад Лю Шаоци: «Вы не должны беспокоиться о получении признания со стороны империалистических государств, тем более по поводу того, как они к вам относятся. У вас есть хорошая линия поведения — торговля с империалистическими странами. У них уже начался экономический кризис. Я полагаю, это ускорит признание. А сейчас с ними надо торговать...» Все эти мысли совпадали с уже упоминавшимся высказыванием Сталина о том, что основная задача Китая — противостояние империализму.

Такое, мягко говоря, не самое позитивное отношение Сталина к установлению дипломатических отношений между Китаем и империалистическими державами определяло и мой подход к этому вопросу. Не буду скрывать, любые шаги КПК в этом направлении вызывали обостренную реакцию. Это и понятно — ведь в разгаре была «холодная война». В качестве примера нашего тогдашнего отношения к этой проблеме могу привести свой доклад, который я представил Сталину в декабре 1949 года, после того как приехал вместе с Мао в Москву. В разделе двенадцатом, посвященном проблемам внешней политики, сообщалось:

«Вы (то есть И.В.Сталин) советовали, что новому правительству не следует отказываться от установления дипломатических отношений с капиталистическими государствами, включая Америку, если эти государства официально откажутся от военной, экономической и политической поддержки Чан Кайши и гоминьдановского режима в целом.

Между тем, несмотря на то что Англия и Америка активно поддерживали и поддерживают Чан Кайши, руководство ЦК КПК до ноября 1949 г. было

заражено иллюзиями быстрого признания этими странами Народной республики Китая.

Как отражение этих настроений Лю Шаоци и Ли Лисань высказались против участия в конференциях профсоюзов азиатских стран Японии, Индии и др. подвластных или связанных с англо-американским блоком, для того чтобы не вызвать раздражения со стороны Америки и Англии...

В плане таких же настроений находится и отрицательное отношение Чжоу Эньлая к посылке групп советских специалистов в Шанхай и Тяньцзинь, поскольку в этих пунктах сосредоточены большие экономические интересы Америки и Англии.

Подобные настроения являются результатом давления на ЦК со стороны буржуазных демократов и других капиталистических элементов внутри страны, которые желали и желают скорейшего признания Америкой и Англией нового Китая для того, чтобы, опираясь на империалистические государства, китайская буржуазия могла предотвратить дальнейшую демократизацию Китая и не допустить укрепления и расширения дружбы между Китаем и Советским Союзом..."

Опасения такого рода возникали и позднее, уже во время пребывания Мао в Москве. У меня было устойчивое впечатление о том, что китайцы особенно озабочены вопросом о признании со стороны США, что они рассчитывают на скорое признание. В январе 1950 года в беседе со мной Мао Цзэдун заявил, что допустить дипломатические миссии в Китай они хотели бы лишь после заключения с Советским Союзом Договора о дружбе, военно-экономическом и политическом союзе, о кредите, о торговле и других.

: «Опираясь на договоры с Советским Союзом, мы могли бы, — заявил Мао, — немедленно приступить к пересмотру и аннулированию неравноправных договоров, заключенных чанкайшистским правительством с империалистическими странами».

О содержании этой беседы я доложил Сталину. По моему мнению, Мао в этой беседе торопил Советский Союз отказаться от всех своих интересов в Китае и в зависимости от этого ставил вопрос о пересмотре и аннулировании неравноправных договоров, заключенных чанкайшистским правительством с империалистическими странами. Он уклонялся от предъявления США условий отказа от поддержки Гоминьдана и режима Чан Кайши, высказанных в советах Сталина.

: Таким вот был наш общий подход к этой проблеме. Теперь — о конкретных вопросах. Сначала — об изоляции американского консула в Шэньяне.

Еще перед освобождением этого города встал вопрос о том, как быть с иностранными консульствами, в частности с американским. Китайцы обратились ко мне за советом. По моим сведениям, консульство располагало мощной радиостанцией, там находился американо-чанкайшистский разведцентр, за его стенами отсиживались непосредственно участвовавшие в боях с НОА военные советники. Никаких официальных указаний или специальных установок на сей счет я не имел и потому выразил свое личное мнение. Я посоветовал: генеральное консульство США в Мукдене блокировать и его сотрудников не выпускать. Всем другим консульским работникам жестко ограничить право выезда, а при выездах установить сопровождение. Если у китайских товарищей есть уверенность в том, что в ряде мест имеются и продолжают работать радиостанции, произвести их изъятие.

После этого Мао Цзэдун отправил телеграмму Сталину, спрашивая совета о том, как быть с американским генконсульством. Мао писал, что товарищ Ковалев советовал изолировать консульство от внешнего мира и отобрать радиостанцию, но мы-де не решились. Особенно его волновал вопрос о конфискации радиостанции — ведь для этого пришлось бы вступить на территорию консульства. <Просим Ваших указаний, как нам поступить>, — так заканчивалась телеграмма. Сталин попросил рассказать эпизод в подробностях, а когда я закончил, то спросил, по какой причине я посоветовал изолировать только консульство, но не радиостанцию. Я ответил: «Заметил у китайских товарищей занятую тенденцию — они не хотят ссориться с американцами, хотят, чтобы ссорились мы. Лично я на их месте поступил бы с консульством в Мукдене так, как поступают на войне с вражеским штабом. Но советовать это китайцам не хотел, они ж потом сошлутся на мой совет».

Сталин рассмеялся и одобрил мою позицию. На телеграмму Мао он отвечать не стал.

Вообще у нас складывалось впечатление, что китайцы слишком уж деликатно действуют в отношении американцев. Вызывало, например, удивление то, что они не предприняли никаких шагов по изгнанию военного флота США из порта Циндао. Китайцы делали вид, что не замечают присутствия в их территориальных водах и на китайской земле американского флота и их баз.

Теперь о контактах Лейтона Стюарта с китайскими представителями. Здесь хотел бы прежде всего подчеркнуть, что с Мао Цзэдуном у нас были доверительные отношения, мы с ним обсуждали самые острые вопросы вполне откровенно и своих подходов к установлению отношений с капиталистическими странами он от меня не скрывал. У меня сохранилась ученическая тетрадь, в которой я законспектировал содержание беседы с Мао 24 апреля 1949 года — сразу же после того, как НОА форсировала Янцзы. Мао тогда, в частности, сказал следующее:

«Американцы сократили охрану посольства в Нанкине с 40 человек до 6. Вообще Америка за последнее время стала вести себя осторожно. Англия еще не имела с Компартией соприкосновения и потому допускает глупости.

Послы не уехали из Нанкина для того, чтобы установить контакты с Компартией, так как у них в Нанкине и в Шанхае главные интересы».

Из этих слов вполне понятно, что и КПК была совсем не против того, чтобы пойти на контакты с Америкой. Помню, что еще в середине апреля 1949 года, незадолго до начала операции по форсированию Янцзыцзяна, ко мне пришел Чжоу Энляй и рассказал, что американский посол Лейтон Стюарт стремится связать КПК с американскими коммерсантами с чисто деловыми целями. По крайней мере так обставляет свою деятельность. Стоит ли Центральному Комитету пойти на такие контакты?

Я уже тогда привык к тому, что самые щекотливые вопросы Мао зондирует через Чжоу Энляя. Несомненным было для меня и то, что и на сей раз Чжоу пришел ко мне не сам по себе, а по поручению Мао. И второе я тоже знал: Стюарт к тому времени уже имел связи с ЦК КПК. Так что вопрос о деле был задан уже после того, как дело уже было сделано — хотя бы частично. И третье, что мне было известно: Стюарт был самый подходящий человек для установления таких контактов: долго жил в Китае, был ректором Пекинского университета, имел широкие связи во всех кругах китайского общества. Да и собственная его позиция в

И.В.Ковалев и Мао Цзэдун

отношении коммунистического Китая, пожалуй, отличалась от официальной правительственной.

С другой стороны, Мао Цзэдун не мог, да и не хотел нарушать дружеские отношения с СССР ради проблематичных отношений с Америкой, памятуя, что если Америка что-то дает, то взамен требует вдвое. Эта двойственная ситуация и привела ко мне Чжоу Эньлаю.

Дело ваше внутреннее, ответил я, но у меня есть к вам несколько вопросов. А именно: как руководство КПК расценивает попытки США спасти режим Чан Кайши и расчлениить Китай на несколько Китаев? Как ваши с ним контакты соотносят с подготовкой последнего удара по войскам Чан Кайши? Что ожидает КПК от встречи с американскими коммерсантами в условиях продолжающейся вооруженной борьбы с чанкайшистами? Может, американцы субсидируют вашу борьбу?

Чжоу вздохнул, развел руками и перевел разговор на другую тему. Но несколько дней спустя, видимо понуждаемый Мао Цзэдуном, опять

пришел с теми же вопросами и опять я ответил ему то же. Уже после форсирования Янцзы и вступления войск НОА в Нанкин я узнал, что там встретились и побеседовали Стюарт и доверенный человек Мао Цзэдуна (если память не изменяет — Хуан Хуа).

Вот так было дело. Что же касается приезда какого-то специального советского представителя, который якобы прибыл с целью оказания давления на Мао, то мне об этом ничего не известно — а я информирован обо всех наших мероприятиях в Китае.

С.Г. Самый последний вопрос будет посвящен эпизоду, который Вы справедливо назвали самым важным в своей деятельности в Китае, — поездке с Мао в Москву для переговоров со Сталиным. До последнего времени практически единственным источником по этому вопросу была воспоминания Хрущева, из которых становилось ясным, что обстановка на переговорах была совсем не простой. Одновременно были ясны и недостатки этого источника — Хрущев не участвовал в переговорах, не был специалистом по китайской проблеме, писал воспоминания по памяти, не пользуясь документами. В последние годы появились новые ценные свидетельства участников и очевидцев этих событий — китайских дипломатов У Сюцюаня и Ши Чжэ, Чжу Чжунли — супруги тогдашнего посла КНР в Москве Ван Цзясяна, советского дипло-

мата-китаеведа Н.Т.Федоренко. Чрезвычайно ценны опубликованные недавно в Китае секретные телеграммы Мао Цзедунa, где также освещаются переговоры со Сталиным.

Эти публикации дают ответы на многие вопросы, связанные с переговорами, однако многие проблемы продолжают оставаться неясными. Причина, очевидно, в том, что пока не появлялось свидетельств людей, которые не просто участвовали в переговорах, но и знали бы о том, как принимались решения их основными действующими лицами, которые реально участвовали бы в этом процессе. И в этом случае Вы, очевидно, обладаете уникальной информацией.

И.В. Я не знакомился с теми публикациями, о которых вы упоминали, не берусь сравнивать их со своими сведениями. Расскажу кратко о том, что знаю сам. Тема эта важная, и более детально я ее осветил в своих воспоминаниях.

Хочу прежде всего подчеркнуть, что, прежде чем Сталин и Мао впервые пожали друг другу руки, они уже долгие годы общались звонно, посредством телеграмм, переговоров между своими представителями и т.п. Не все в этих контактах было гладко, у обоих имелись основания для взаимного недоверия. В конце 1948 года, когда окончательно стали ясны перспективы военной победы КПК, оба лидера, наконец, окончательно поняли, что им придется встретиться, чтобы урегулировать взаимные отношения. С этого момента пошел процесс активной взаимной притирки, зондажа позиций друг друга по ключевым вопросам. Мне довелось активно участвовать в этом процессе.

Когда в декабре 1948 года я впервые прибыл в Москву для доклада Сталину, то обратил внимание на то, что он активно интересовался, чью сторону приняли китайские коммунисты по острой тогда югославской проблеме. Начиная с февраля 1949 года он не единожды спрашивал меня в своих радиogramмах о том, каково истинное отношение китайских товарищей к договору о Китайской Чанчуньской железной дороге, считают ли они его по-настоящему равноправным. Во время переговоров с Лю Шаоци он также в форме зондажа поставил вопрос о дальнейшей судьбе нашей базы в Порт-Артуре. Он тогда сказал: «Наше правительство считает, что после вывода американских войск из Японии Советский Союз мог бы подумать о выводе своих войск из Порт-Артура. Но если китайская компартия признает необходимым немедленный отвод советских войск из Порт-Артура, то для того, чтобы китайская компартия выиграла в политическом отношении, СССР готов сейчас же отвести войска из Порт-Артура...»

Мао, пожалуй, был еще более активным в зондаже позиций Сталина. Кроме того, он в придачу очень стремился рассеять возможные подозрения Сталина, связанные с историей их контактов.

Начиная с января 1949 года Мао неоднократно и подробно рассказывал мне о всех перипетиях истории внутрипартийной борьбы в КПК, которая неоднократно завершалась сменой генеральных секретарей ЦК. При этом он подчеркивал, что против его воли и желания борьба эта зачастую сопровождалась массовым избиением не только руководящих партийных кадров, но и основного ядра партии. Возможно, так он хотел отмежеваться от обвинений в репрессиях против тех деятелей, которых поддерживали в Москве.

В каждой из подобных бесед Мао Цзедун в виде шутки говорил о том, что он один из тех людей, кому ЦК ВКП(б) не доверяет. Его, мол, в Москве считают «правым» оппортунистом и ярким противником той «московской» группировки, которая возглавлялась Ван Мином и в которую входили многие очень известные

руководящие деятели. При этом Мао неизменно добавлял, что остался единственным из руководящих товарищей в ЦК КПК, кто не бывал еще в СССР, не встречался не только со Сталиным, но и с другими членами Политбюро, за исключением Микояна, который прилетал в начале 1949 года. В связи с этим мне неоднократно приходилось высказывать свое мнение о том, что для устранения предубежденности Мао Цзэдуну следует установить личные контакты с ЦК нашей партии и со Сталиным.

Одновременно Мао активно прощупывал мнение советского руководства по важнейшим проблемам — например, связанным с районами, имеющими важнейшее стратегическое значение для двух стран. Так, 10 марта 1949 года Мао составил следующую телеграмму в ответ на обращение из Москвы: «Об установке знаков на реке Амур. Согласно с мнением дружеской стороны и просим прислать техников, расходы на установку знаков китайская сторона берет на себя, и право на знаки будет принадлежать китайской стороне. Знаки будут на обоих берегах — просим дружескую сторону установить, какие правила должны соблюдаться обеими сторонами, а мы обязуемся строго выполнять правила. Просьба передать через тов. Ковалева...» Пожалуй, это была первая договоренность двух стран по пограничной проблеме.

Летом 1949 года Мао подробно излагал мне свои взгляды на Синьцзян, пограничный с нами район Северо-Западного Китая, населенный смешанным китайско-мусульманским населением. Он считал Синьцзян стратегически значимой провинцией на случай новой войны с империалистами, смотрел на него как на прямую и защищенную дорогу из СССР в Китай и заметил, что военные планируют освободить Синьцзян от гоминьдановцев в 1950 — 1951 годах. В июле того же года Сталин заявил Лю Шяоби о том, что мы готовы оказать прямое содействие в освобождении Синьцзяна⁶.

Получается, что некоторые сложные вопросы были согласованы еще до личной встречи. Однако не во всем дело шло столь гладко. Я уже упоминал о том, что еще во время визита Микояна Мао поднял вопрос о присоединении Монголии. После этого такой вопрос мне китайские товарищи задавали постоянно. Однажды, когда мы беседовали о государственных образованиях для национальных меньшинств Китая, Мао Цзэдун сказал: «А почему бы нам не пойти на объединение Внутренней и Внешней Монголии под знаком автономии, но в составе Китайской Демократической Республики?» Я ответил, как всегда, что не уполномочен решать этот вопрос, что это внутреннее дело Монгольской Народной Республики, но что вряд ли монгольский народ пойдет на такую автономию. Мао согласился и продолжил разговор.

Определенные сложности возникли и по вопросу о нашем кредите Китаю. Вопрос об этом был поставлен в апреле 1949 года, и Сталин, отвечая на него, указывал в своей телеграмме: «Что касается вопроса о займе со стороны СССР, то мы должны сообщать Вам следующее.

Торговлю с Китаем по принципу товар за товар мы ведем и будем вести. Для этого не требуется разрешения Верховного Совета СССР. Что касается займа, то правительство само не может решить этого вопроса, так как вопрос о займе подлежит решению Верховного Совета, а он, не возражая против займа Китаю, все же должен иметь соответствующий документ, подписанный представителями государства, обращающегося с просьбой о помощи. Без этого Верховный Совет СССР не может дать согласие о займе»⁷.

Мао, по-моему, больше всего боялся, что Сталин откажет в кредите, он понимал, в сколь тяжелом положении находится экономка СССР. В связи с этим за неделю до отъезда, 3 декабря 1949 года, он специально вызывал меня, чтобы рассказать о бедственном состоянии китайского народного хозяйства.

Еще одной причиной для беспокойства было сопротивление со стороны членов правительства из числа левых гоминьдановцев, Демократической лиги и других. На первом же заседании левые гоминьдановцы категорически воспротивились поездке, указывая, что, согласно традиции, «зарубежные варвары» всегда приезжали к императору Китая на поклон, но никогда не было наоборот. На том же заседании другие представители буржуазных кругов стали возражать против поездки на том основании, что она осложнит отношения Китая с Америкой, Англией, Францией и лишит страну экономической помощи с их стороны.

Так что, хоть перед поездкой многие вопросы и были утрясены, у Мао были основания для волнений. Характерно, что в эту московскую поездку, где предстояло решать важнейшие для Китая вопросы, Мао Цзэдун не взял с собой ни советников, ни руководящих работников ЦК и правительства, ни даже небольшой рабочий аппарат. В поездке его сопровождали только Чэнь Бода и переводчик Шя Чжэ (Карский).

По-моему, такое решение Мао можно рассматривать как желание провести встречи со Сталиным без свидетелей с китайской стороны. Это подтверждается и тем, что перед самым отъездом из Пекина Чжоу Эньлай от имени Мао Цзэдуна обратился ко мне с просьбой взять с собой Н.Т.Федоренко специально для перевода его переговоров со Сталиным и другими советскими руководителями. Он тщательно оберегал свой авторитет и боялся его принизить в глазах товарищей по партии.

Теперь о непосредственной организационной подготовке к визиту. Впервые Мао Цзэдун заявил о своей готовности совершить визит в Москву в конце апреля 1949 года, и я передал его предложение Сталину одновременно с просьбой уточнить сроки визита. Выразив намерение совершить эту поездку, Мао очень волновался, опасаясь за свой авторитет. Уже тогда встреча со Сталиным его явно пугала.

В это время шли операции по форсированию Янцзы, наступлению на Юге Китая. В связи с этим Сталин прислал на имя Мао телеграмму, где, в частности, говорилось: «Вам не следует спешить с поездкой в Москву. Вы не можете оставить сейчас Китай и руководство делами в связи со сложностью обстановки на Юге и в связи с тем, что Китай, по существу, не имеет правительства, а это сопряжено с определенной опасностью для дела революции». В телеграмме также содержались советы по организации будущего китайского правительства.

Прочитав это, Мао Цзэдун очень обрадовался. Вскочив с места, он поднял руки и трижды прокричал: «Десять тысяч лет жизни Сталину!» По-моему, он был обрадован тем, что поездка в Москву не будет связана с его отстранением от руководства на завершающем этапе революции, а также от образования правительства, которое он намеревался возглавить, он также понял, что Москва признает в нем лидера китайской революции.

Поздней осенью 1949 года мы снова и на сей раз всерьез занялись подготовкой к организации визита Мао. Мало кому известно, что первоначально Мао

намеревался выехать за рубеж на целых три месяца — месяц в Москве, Ленинграде, Сталинограде с подписанием советско-китайского договора о дружбе, с беседами со Сталиным по коренным теоретическим и практическим проблемам коммунистического движения в мире (Мао особенно тщательно готовился к этим беседам), второй месяц — поездка в Польшу, Чехословакию и Румынию, третий месяц Мао собирался провести в санатория в Сочи. По моему совету визит решали сделать закрытым.

Я специально уделил столь много внимания подготовке визита, всему, что ему предшествовало, поскольку это, наверное, самая малоизвестная часть этой истории. А теперь несколько слов о том, как проходило пребывание Мао в Москве.

Поезд прибыл на Северный (ныне Ярославский) вокзал утром 16 декабря. В салон-вагоне Мао к этому времени был подготовлен стол, причем он сам помогал расставлять экзотические кушанья. Встречали его Булганин и Молотов, которые категорически отказом ответили на его приглашение присесть к столу, сославшись на то, что это не положено по протоколу. Под тем же предлогом они отказались от приглашения Мао поехать на отведенную для него дачу в одной машине. Поместили его на сталинской дальней даче, в Усове. Мао был явно огорчен холодностью приема.

В тот же день Сталин принял Мао Цзэдуна, но доверительной беседы, на которую тот рассчитывал, не получилось. После этого Мао несколько дней томился на даче. К нему приезжали по очереди Молотов, Булганин, Микоян, но и с ними были только короткие официальные разговоры. Я был на связи с Мао, видел его каждый день, понимал, что он расстроен и беспокоится. Во время очередного доклада сказал об этом Сталину. Тот ответил мне: «К нам приехало много иностранных гостей. Не следует выделять из них товарища Мао».

21 декабря Мао участвовал в праздновании 70-летия Сталина, которое проходило в Большом театре, а на следующий день он пригласил меня к себе для беседы, запись которой попросил передать Сталину. Вот эта запись:

«Сегодня, 22 декабря, Мао Цзэдун пригласил меня к себе. При встрече присутствовал в качестве переводчика тов. Федоренко. Мао Цзэдун сказал следующее:

1. Содержание Вашей беседы с Мао Цзэдуном от 16 декабря он сообщил в ЦК КПК и ожидает мнения членов ЦК по затронутым в беседе с Вами вопросам.

2. Очередную встречу Мао Цзэдун хотел бы иметь ориентировочно 23 — 24 декабря.

3. Мао Цзэдун намерен представить на Ваше решение два варианта программы дальнейших переговоров. Первый вариант предусматривает решение следующих вопросов: советско-китайский договор, соглашение о кредите, договор о торговле, соглашение об установлении авиасообщения и другие вопросы, в том числе вопрос о признании Китая Бирмой. По этому варианту предполагается вызвать Чжоу Эньлай в Москву для оформления подписания соглашений. Причем Мао Цзэдун отметил, что то время, которое понадобится Чжоу Эньлаю для приезда в Москву, он (Мао Цзэдун) использует для поездки в Сталинград и Ленинград.

Второй вариант предусматривает обсуждение во многом тех же вопросов, что и в первом варианте, но без оформления их соответствующими соглашениями. В этом случае в настоящее время не будет необходимости в приезде Чжоу Эньлая в Москву. Для оформления и подписания соглашений Чжоу Эньлай мог бы приехать в другое время.

Мао Цзэдун в беседе неоднократно подчеркивал, что решение всех вопросов, в том числе и вопроса об его отдыхе и лечении в Союзе, он полностью передаст на Ваше усмотрение.

4. Мао Цзэдун выразил желание нанести визиты и поговорить с членами Политбюро ЦК ВКП(б) Молотовым, Микояном, Булганиным и Шверником*.

Запись я, конечно, передал Сталину, но особых изменений в положении Мао не наступило, он по-прежнему был практически в изоляции. В отместку он отказался принять нашего посла в Китае Рощина, который попросился на прием по делам, связанным с японской компартией.

В конце января 1950 года прибыл Чжоу Эньлай, и переговоры пошли успешнее. На этой стадии переговоров я уже не участвовал, поскольку лег в больницу с застарелой болезнью горла.

С.Г. Огромное Вам спасибо, Иван Владимирович, за этот рассказ. По-моему, Ваше сообщение будет иметь исключительно важное значение для восстановления истинной истории этого ключевого периода советско-китайских отношений.

И.В. Меня всегда возмущало то, какой документальный голод царит в нашей исторической литературе. Из-за закрытости архивов и висящих на них грифов секретности даже специалисты с трудом добиваются до нужных документов. Хотел бы надеяться, что смогу внести скромный вклад в ликвидацию этого ненормального явления. Мы должны наконец узнать нашу подлинную историю.

В данной журнальной публикации изложена лишь малая толика интереснейшего материала, который содержится в воспоминаниях И.В.Ковалева о годах его работы в Китае. Книгу эту планируется выпустить в будущем году (с предисловием и комментариями С.Н.Гончарова и К.В.Шевелева).

Приводимая И.В.Ковалевым речь Сталина в общем совпадает с версией китайского участника событий — Ши Чжэ — в той части, где советский лидер говорит о перемещении революционного центра в Азию, в Китай. Ши Чжэ при этом сообщает, что Сталин, имея в виду Китай и СССР, выразил надежду на то, что «младший брат превзойдет старшего брата». В целом же И.В.Ковалев излагает выступление Сталина куда более подробно. Следует отметить, что Ши Чжэ указывает на то, что Сталин одновременно выразил сожаление в связи с тем, что мешал китайской революции, ибо недостаточно разбирался в происходившем. См.: Ши Чжэ С Председателем Мао в Москву. // Проблемы Дальнего Востока, — 1989. — N 1; его же. Что я видел и слышал во время визита председателя Мао в Москву // 1946 — 1976 Мао Цзэдун шэню шялу — Правдивая хроника жизни Мао Цзэдуна с 1946 по 1976 год. — Нанкин, 1989. — С. 24 — 26. Нисколько не пытаясь опровергнуть реальность этого сообщения, можем лишь констатировать, что не можем подтвердить его достоверность — в личном архиве И.В.Ковалева подобных записей не сохранилось.

²Сообщение об этом предложении КПК подтверждается сведениями, приводимыми в книге О.Владимирова (О.Б.Рахманина) — ответственного сотрудника ЦК КПСС, который имел доступ к архивам. См.: Владимир О. Из истории советско-китайских отношений в 50-х годах // К дискуссии в КНР о Мао Цзэдуне. — М., 1981. — С.55.

³Соображения И.В.Ковалева о том, что Сталин отнюдь не был в восторге по поводу содержания речи Лю Шаоци, косвенно подтверждаются тем, что она была опубликована в «Правде» лишь 4 января 1950 года, более чем месяц спустя после ее произнесения, между тем важные речи китайских лидеров, содержание которых устраивало Сталина, по-

являлись в этой газете практически немедленно. Момент данной публикации также был выбран не случайно — она должна была продемонстрировать удовлетворение Сталина в связи с прорывом на переговорах с Мао, который был достигнут в ночь со 2 на 3 января 1950 г.

Кроме того, как сообщил известный историк-китаевед Ю.М.Гарушицкий, по сведениям, полученным от советских специалистов, участвовавших в подготовке и проведении профсоюзной конференции в Пекине, после ознакомления с выступлением Лю Шаоци Сталин дал указание усилить изучение в СССР работы Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Возможно, это свидетельствует о том, что он рассматривал китайские теории как «левацкий уклон».

⁴См.: Чжан Сюлу. Усилия в критический момент: анализ политики КПК в отношении США в 1949 г. // Шэньчжэнь кэсюэ чжань-сянь. — Чанчунь, — 1990. — N 4. — С. 213.

⁵См.: Foreign Relations of the United States, 1949. Vol.8. — P. 367 — 370, 766 — 769; R u s s e l l D. W h i t e. Soviet-American Relations in Asia, 1945 — 1954. Oklahoma, 1981. — P. 85; Х у а н Х у а. Несколько моих встреч с Лейтоном Стюартом вскоре после освобождения Нанкина // Сянь Чжунго вайцзяо фэнюнь. — С. 22 — 32.

⁶Подробнее см.: Дэн Лицзюнь. После мирного освобождения Сяньцзяна — страница из истории китайско-советских отношений // Цзиньдай ши яньцзю. — Пекин, 1989. — N 5. — С. 143 — 150.

⁷В своих воспоминаниях Бо Ибо отмечает, что «30 (июля) товарищ (Лю) Шаоци написал в Кремле с Маленковым соглашение о кредите». — Б о И б о. Указ. соч. — С. 37. Здесь речь идет скорее не о межгосударственном кредите, который имел в виду Сталин, а о кредите в счет оплаты текущей советской помощи. В своей телеграмме из Москвы от 3 января 1950 г. Мао Цзэдун, в частности, отмечал, что только что согласовал вопрос о советском кредите и что «...мы запросили 300 миллионов долларов, оплачивать будем постепенно в течение нескольких лет. Мы потому не выдвинули более значительную просьбу, что ныне в течение нескольких лет для нас лучше побольше экономить...»/ Мао Цзэдун. Телеграмма в ЦК относительно вопроса об отъезде Чжоу Эньляя в Советский Союз для участия в переговорах // Цзяньго влай Мао Цзэдун вэньгао. — Рукописи Мао Цзэдуна со времени основания государства. — Пекин, 1987. — Т. 1. — С.213. Это говорит о том, что до момента приезда Мао в Москву вопрос о межгосударственном кредите еще не был согласован.

-Журнал «ПДВ» не раз обращался к трагедии прошлых лет, немало страниц посвящено в нем и деятельности представителей Коминтерна и ВКП(б) в Китае. Авторы предыдущих материалов, появившихся в «ПДВ», рассматривали события в Китае 20-х годов, естественно, сквозь призму своего личного опыта либо как участников событий, либо как исследователей этого периода достаточно сложной истории советско-китайских отношений. Материал П.Балакшина отличается от того, что мы печатали, иным историческим видением — что проявляется даже в терминологии, — собственным почерком, определившимся эмигрантской судьбой, — удел многих жертв пронесшейся в далеком 1917 г. по России политической бури. Мы можем соглашаться или не соглашаться со многими суждениями автора, порой слишком резкими оценками г-на Балакшина, но главное, как представляется, в ином. Читатель имеет полное право знакомиться с противоположными взглядами, подходами в анализе прошлого. Но зачем? — может спросить читатель. Нет, отнюдь не для воспитания в обществе чувства вражды, недоверия, мести, что не раз приводило к трагедиям. Нет, поверьте, не ради этого. А помочь людям — и прежде всего пострадавшим душой — понять «виноватых» как с той, так и с другой стороны и простить и тех и других, чтобы не дай бог не разразились новые трагедии и появились новые жертвы.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ КИТАЯ

П.Балакшин

*Петр Петрович Балакшин родился 5 октября 1898 г.,
умер в 1990 г. в Сан-Франциско.*

Две крайние даты яркой жизни еще одного русского человека, прошедшего за границы, в эмиграции, свой тернистый путь.

Родился на Дальнем Востоке, в семье чиновника. Детство и юность провел, как он пишет в своем автобиографическом очерке, — «в условиях русского пионерства на Дальнем Востоке», «среди ссыльнопоселенцев и каторжан», когда «школьники работали на пароходах на Амуре, уезжали к устью на ловлю и засол рыбы». Проводил лето в Уссурийской тайге, на отрогах Сихотэ-Алиня, в составе лесной партии.

Окончил Александровское военное училище в Москве. В первую мировую войну, как и большинство русских офицеров, пошел добровольцем на фронт; затем — тоже добровольцем — в армию Колчака.

Из книги: Петр Балакшин. Финал в Китае. Возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке. Сан-Франциско, Париж. Нью-Йорк: Книгоиздательство Сириус, 1958 г. Т. 1, 2.

П.П.Б а л а к ш и н. Собрание сочинений. Рассказы. Автобиографический очерк. Сан-Франциско, Нью-Йорк, Книгоиздательство Сириус, 1951, Автобиографический очерк Т. 1. С. 7 — 9. Автор вступления выражает глубокую благодарность Е.В.Витковскому за предоставленные материалы о П.П. Балакшине.

Эмиграцию начал с Японии. Позднее — несколько лет в Китае, Шанхае, Америке, где, как он пишет, провел половину своей жизни (а другую половину — в Испании).

Прошел в этой жизни все.

Учебу в Калифорнийском университете — на двух факультетах: славянском и архитектурном — курса по болезни не окончил; тяжелый путь газетного работника, основал в Сан-Франциско газету «Русские новости» и позднее объединил ее с «Русской жизнью»; длительная литературная изоляция; войну на Тихом океане провел в рядах ВВС Соединенных Штатов (снова Япония, Китай, Корея); на правительственной службе был в качестве военного историка США; в Испании занимался литературным трудом и историей.

Писал со школьной скамьи, сначала, разумеется, по-русски, а с начала 40-х годов и по-английски, предприняв, по собственному признанию, «один из самых решительных шагов в своей жизни». Печататься начал с 1917 г., по-настоящему только в годы эмиграции. «Мои работы, — говорил он, — носят смешанный характер». В ранние годы писал стихи, занимался газетной работой — статьи, фельетоны; в более зрелом возрасте — ряд литературных статей, главным образом на страницах нью-йоркских газет; затем были написаны рассказы, тепло встреченные читателями, зарубежной прессой.

После этого наступил период создания серьезных исторических трудов, из которых, безусловно, главным остается широко известный за рубежом двухтомный «Финал в Китае», фрагменты из которого предлагаются сегодня вниманию читателя. Пройдет положенный срок, говорится в предисловии от редакции в первом томе, и история многомиллионной российской эмиграции привлечет к себе пристальное внимание исследователей в России. Появятся увесистые тома, в беспристрастном освещении будут изучены причины и следствия этой самой большой и значительной эмиграции за сотни лет истории человечества. Но повествование о ней не будет повествованием о некогда появившихся и бесследно исчезнувших цивилизациях. О российской эмиграции будут говорить как о живом и все еще живущем организме, влившем здоровые творческие силы в жизнь народов тех стран, которые стали ей приютом.

Именно этой теме и посвящена книга П.П. Балакшина.

Документальной основой диалога являются документы и материалы, кропотливо собранные автором в Японии — Токио и Нагойя, — где он работал при штабе генерала Д.Махартура и штабе ВВС США, в Вашингтоне (Библиотека Конгресса США) и в Нью-Йорке (Русский Отдел Нью-Йоркской Городской библиотеки). Наибольшую же ценность в данной работе представляют широко использованные П.П.Балакшиным мемуары и воспоминания людей, игравших ту или иную роль в жизни дальневосточной эмиграции. Это Н.А.Мартынов (Блуж, Бельгия) — воспоминания о маньчжурских и других событиях в Китае; И.П. Казнов (Брюссель) — воспоминания о тынцзиньских событиях и атамане Семенове; Н.Ф.Богунский (Сан-Франциско) — материал о различных периодах дальневосточной эмиграции и деятельности советских агентов в Китае; Ю.А. Черемшанский (Токио и Вашин-

---

Там же, с. 9. Назовем некоторые другие работы П.П. Балакшина: «Повесть о Сан-Франциско», «Весна над Филмором», «Возвращение к первой любви», «Планировщики». Большая подборка рассказов автора будет опубликована во втором номере альманаха «Рубеж».

гтон) — обширный архив, относящийся к событиям в Китае и дальневосточной эмиграции, различных материал о политических организациях, об атамане Семёнове, газетные вырезки, книги; В.И.К. (Хьесберг, Дания) — воспоминания о шанхайских событиях, написанные им по просьбе автора; отец Д.Шевченко (Вальд'ор, Канада) — рассказ о дальневосточной эмиграции; П.А. Савич (Тоттенвиль, Нью-Йорк) — сведения о нечаевском движении; Матсубаро Масахиро (Токио) — сведения о судьбе дальневосточных эмигрантских деятелей, депертированных советскими властями; И.Т.Карнаух (Токио и Сан-Франциско) — сведения о событиях в Маньчжурии и Китае; и авторы воспоминаний, пожелавшие по различным причинам остаться безымянными*.

Как справедливо отметил один из рецензентов книги — Ю. Терапиано ("Русская мысль", Париж), «Финал в Китае»^{ix} — страшная повесть о мытарствах и страданиях, выпавших на долю русских людей в Китае, — не может оставить равнодушным никакого современного читателя, а в будущем, когда наступит время для объективного, строго исторического исследования обо всей русской эмиграция, послужит ценным материалом для будущих историков... Собранный П.Балакшиным документация даст самое главное — общую ретроспективу событий в различных планах — «белом» русском, советском, китайском и японском; мы видим перед собой с различных точек зрения общую трагедию тех страшных лет, имеем возможность сделать выводы из тогдашнего горького опыта русских людей на Дальнем Востоке.

Вместе с тем для нас, историков русского зарубежья, не менее важным является и тот бесспорный, на наш взгляд вывод, к которому пришел другой рецензент книги — известный автор двухтомной «Зарубежной России» (Париж) П.Ковалевский, а именно: «Книга П. Балакшина представляет собою подробную историю подрывной деятельности советских агентов на Дальнем Востоке и предательства со стороны отдельных эмигрантов, но никак не историю дальневосточного Зарубежья, большая и положительная роль которого совсем не оттенена».

К этому следует добавить, что некоторые факты освещены автором не в полном историческом объеме, что, естественно, потребует от наших ученых дальнейшего их изучения.

Итак, обратимся непосредственно к фрагментам из самой книги.

Г.В. Мелихов,
доктор исторических наук

Московская вотчина

Россия всегда чувствовала себя в Азии как дома, особенно в прилегающих к ней странах, как Корея и Китай, с которыми она граничит на протяжении двух с лишним тысяч миль.

---

* П е т р Б а л а к ш и н. Финал в Китае. Т. I С. 13.

** В публикации сохранены терминология и названия автора. Ред.

Если отношение дореволюционного российского правительства к Китаю и не отличалось особой деликатностью, то отсутствие в нем колониальных замыслов ставило Россию в глазах китайского народа в более выигрышное положение, чем другие мировые державы.

Отошедшие в российское владение земли Заамурья и Приморья по Айгуньскому договору 1858 года принадлежали Китаю только по условной формуле: «Отсюда досюда — мои владения». Это были девственные земли с непроходимой тайгой, с редким населением тунгусов, ороchon, гольдов и других полуоседлых племен.

Близости русско-китайских взаимоотношений способствовала своеобразная тождественность этих двух народов, весьма вероятно установившаяся со времени монгольского нашествия на Русь. Отсутствие чувства расового и национального превосходства, терпимость, выносливость, привычка к лишениям и к отсутствию элементарных удобств, сочетание противоположных качеств, как сердечность и жестокость, простодушие и свойство «быть себе на уме» — все это ставило русского человека значительно ближе, чем кого-либо другого, к человеку Азии.

Смена власти в России осенью 1917 года вначале не изменила духа русско-китайских взаимоотношений. Новые правители России, еще не уверенные в своих силах, в то время не могли мечтать о доминирующем положении в Азии. Жестокая гражданская война, разруха, наступивший голод приковывали все их внимание к борьбе за власть. Им во что бы то ни стало нужны были друзья, если даже и не надежные, то хотя бы нейтральные соседи.

Когда в надежде на таких друзей заместитель комиссара по иностранным делам Карахан предложил расторгнуть договор 1896 года о Полосе Отчуждения и Китайской Восточной железной дороге, пекинский протокол 1916 года и все соглашения о Китае, заключенные Россией и Японией между 1907 и 1917 годами, то открыл новую фазу во взаимоотношениях этих стран, основанную — с советской стороны — на двойной игре. Советская Россия готова была возвратить безвозмездно Китаю КВЖД, горные и лесные концессии, золотые прииски и все остальное имущество, «захваченное царским правительством, правительством Керенского и бандитами Хорватом, Семеновым, Колчаком, бывшими русскими генералами, кушачами и капиталистами»¹.

Щедрое предложение революционного правительства России в сущности, было холостым выстрелом. Объявляя о возврате Китаю дороги и других русских владений, новые правители России ничего не теряли. КВЖД была в руках союзных интервентов, передавших ее Китаю для эксплуатации. От Читы до Владивостока и от Владивостока до Хабаровска, кроме войск интервентов, находились еще сильные белоповстанческие отряды. Москва предлагала Китаю то, что фактически не принадлежало ей.

Не получив ответа, Карахан через год повторил советское предложение, но взамен отмены прежних обязательств и возвращения территорий и концессий потребовал от китайского правительства выдачи белоповстанческих правительств и групп, находившихся в Китае и продолжавших сражаться с РСФСР. Относительно же КВЖД, вместо безвозмездной отдачи, теперь предлагалось совместное управление, причем Дальневосточная Республика — временно созданный буферный придаток РСФСР — должна была войти на равных началах с Советской Россией и Китаем².

Переговоры о признании РСФСР, начавшиеся с приездом в Китай первого советского посла Юрина в 1921 году, уперлись сразу в тупик, так как Москва продолжала настаивать на признании своей заинтересованности в Маньчжурии и в КВЖД и теперь открыто отказывалась от первой караяновской декларации. На место отозванного Юрина прибыл Пайкес, но продержался недолго, так как всплыли секретные переговоры Москвы об отчуждении Монголии от Китая.

Переговоры возобновились с прибытием из Токко Адольфа Иоффе, но и они не привели ни к чему вследствие категорического отказа Москвы от своих первых предложений Китаю. Тогда Москва изменила тактику и перенесла место переговоров из Пекина на юг, где росла популярность нового вождя Китая, главы националистическо-народной партии Гоминьдана, Сунь Ятсена.

Отношение Москвы к Китаю стало двойственным, как только положение Советской России окрепло на Дальнем Востоке. Официально она поддерживала дружественные связи и завсрала Китай в незаинтересованности в его внутренних делах и готовности самой широкой помощи. Но за кулисами велась подрывная работа, руководимая для удобства Коминтерном, конечной целью которой была советизация Китая.

Весной 1920 года в Шанхай прибыл Г. Войтинский, глава восточного отдела Коминтерна, для организации китайской коммунистической партии. За ним прибыл другой ответственный сотрудник Коминтерна, голландец Г. Маринг, он же Снефлиет*, с заданием использовать в коминтерновских целях молодую партию Гоминьдана. В переговорах с Сунь Ятсеном Маринг предложил содружество Гоминьдана с Российской коммунистической партией, подчеркнув, что с переходом на НЭП Советская Россия приближается к гоминьдановской экономической программе. О Коммунистической партии Китая Маринг еще не решался упомянуть, настолько она была незначительна.

В конце 1922 года посол Иоффе прибыл в Шанхай и закончил переговоры с Сунь Ятсеном. В совместном коммюнике о результатах этих переговоров было заявлено, что «вследствие отсутствия необходимых условий ни коммунистическая власть, ни советская система не могут быть введены в Китае. Главной задачей Китая является достижение национального объединения и независимости». В заключение от лица советского правительства Иоффе заявил, что Советская Россия «не преследует целей империалистической политики во Внешней Монголии и не толкает ее на разрыв с Китаем».

Коминтерновские советники

1923 — 1927 годы были периодом господства советского влияния в Китае. Это был «советский период» китайской революции, почти осуществившаяся попытка превращения Китая в московскую вотчину.

Вместе с Иоффе в Китай прибыла большая группа коминтерновских сотрудников. Состав советской дипломатической миссии в Пекине перевалил за 200 человек. В Северном Китае Иоффе, а затем Карахан, с помощниками Рачининым-Левинным, Шварцолоновым и другими, руководили работой по советизации Китая. На Юге Китая, в Кантоне, большая коминтерновская и советская группа

Г. Маринг (Снефлиет). — Ред.

во главе с Бородиным-Грузенбергом и Галином-Блюхером использовала партию Гоминьдана. Главная роль по проведению в жизнь заданий Коминтерна выпала на долю Бородина. Он должен был направить китайскую революцию по пути, разработанному в Москве.

Русский социалист «неизвестной окраски и прошлого»³, Михаил Бородин иммигрировал в Америку после революции 1905 года, где под именем Грузенберга и Берга занимался различными делами. В 1918 году он вернулся в Россию, где сразу прослыл экспертом по иностранным делам. После успешного выполнения различных коминтерновских заданий в Турции, Германии и Мексике он был выдвинут на пост главного советника при Сунь Ятсене.

Еще за год с лишним до прибытия Бородина в Кантон, китайские коммунисты, в том числе и молодой студент Мао Цзэдун, руководимые Войтинским и Марингом, выразили желание создать общий фронт с Гоминьданом. В манифесте китайской компартии по этому поводу было заявлено, что рабочие этого демократического общего фронта должны составить независимый класс и, развивая свою организацию и военные качества, создать вместе с крестьянской беднотой советскую форму правления и диктатуру пролетариата.

Сунь Ятсен нуждался в поддержке иностранных держав, но не нашел ее ни у Англии, ни у Франции, ни тем более у Японии. Для них он был слишком левый. Отношение к Китаю Соединенных Штатов, обычно благожелательное, не отличалось особой заинтересованностью в партии Гоминьдана и в ее политических замыслах. Кроме того, в Пекине существовало правительство, признанное почти всеми державами мира. Оставалась, таким образом, только Россия, сама проходившая через родовые муки создания нового строя. Еще в 1923 году Сунь Ятсен послал в Москву Чан Кайши, ближайшего соратника и помощника, для изучения на месте политической и экономической системы новой России.

Поэтому Сунь Ятсен и пошел так охотно на предложение Бородина преобразовать Гоминьдан по образцу российской партии большевиков со всеми присущими ей органами. Бородин переработал конституцию Гоминьдана и придал ей дух и характер конституции ВКП(б). Следующим шагом Бородина в реорганизации Гоминьдана было открытие его рядов для вступления в них отдельных китайских коммунистов «для укрепления мощи революционных элементов страны».

Для коминтерновских советников и инструкторов Красной Армии прежде всего важно было выяснить, насколько тесно они могли сотрудничать с китайскими политическими и военными деятелями. Были ли они настоящими революционерами или только оппортунистами? Можно ли было верить им, полагаться на них, тратить на них деньги, снабжать их оружием? В Ван Цзинвесе они нашли человека, готового на самое широкое сотрудничество, которое он только мог оказать. Пятнадцатью годами позже такое же сотрудничество он оказал японским оккупационным войскам и служил верой и правдой Японии до своей смерти. В генерале Фын Юйсяне, наиболее влиятельной фигуре на Северо-Западе Китая, они встретили типичного представителя китайского оппортунизма, особи, представляющей любой другой оппортунизм далеко позади. В Чан Кайши они наткнулись на человека исключительной решительности и цельности, ставящего Китай и китайский народ превыше всего.

Разрешению этой важной загадки препятствовал ряд причин, как незнание языка, местных условий, особенности китайского быта. И все же коминтернов-

ские советники пытались уверить, что им удастся переделать китайских вождей на коммунистический лад, если будут верно учтены их особенности.

Коминтерновские советники и красноармейские инструктора находились при центральном отделе, как называлось советское посольство в Пекине со всеми его политическими, разведывательными и военными службами, и при четырех группах кантонской, калганской, тьяньцзиньской и кайфынской. Самая большая была кантонская группа, бюджет которой составлял 300 000 американских долларов в год. Центральный отдел и группы калганская (Северо-Запад Китая и армия Фын Юйсяна) и кайфынская (провинция Хубэй и Хэнань) расходовали в месяц на свои операции от 10 000 до 515 000 американских долларов. Оперативный расход самой маленькой группы (тьяньцзиньской) составлял около 1500 американских долларов в месяц. В отличие от других групп она не выполняла функций советников и инструкторов, а ведала разведкой и разложением русского отряда генерала Нечаева при шаньдунском губернаторе Чжан Цзучане.

Южный сектор

Кантонская советская группа была основана генералом Галином-Блохером, главным военным советником при высшем командовании гоминьдановских вооруженных сил. Им была учреждена военная школа на острове Вампу вблизи Кантона, создан военный совет при гоминьдановской армии и генеральный штаб. На пароходах из Владивостока регулярно прибывало оружие из захваченных в Приморье arsenалов белых армий. Отобранные офицеры Красной Армии заполнили в качестве советников и инструкторов ответственные посты во всех учреждениях Гоминьдана и его вооруженных силах. Особое внимание обращалось на отделы разведки и контрразведки, пропаганды, политического обучения и специальной службы, выполнявшей секретные задания Коминтерна.

В 1925 году Блохера заменили Синани*[•], а затем комкор Кисанко**^{••}. За этот период советская группа значительно проникла в политический и военный аппараты Гоминьдана. В рапорте военному атташе Егорову, в Пекине, Кисанко докладывал, что:

Нам удалось захватить хорошие места в различных отделах национально-революционной (гоминьдановской. — Прим. редактора) армии. Но пока невозможно проникнуть глубже для захвата полного контроля из-за недостатка советников и почти полного отсутствия переводчиков⁴.

О своей работе в Военном Совете, где он был руководящим началом при председателе его, Ван Цзинвее, Кисанко докладывал:

Военный Совет является умом и сердцем национально-революционной армии. Несмотря на самостоятельную власть военных губернаторов и их обычное нежелание подчиняться, Совет был в состоянии в короткое время завоевать доверие и преданность национально-революционной армии... Мы делаем все возможное, чтобы вести нашу работу в Совете в верном направлении⁵.

* Синани — Скалов Т.В., комкор, начальник кайфынской группы советников. — Ред.

** Кисанко, или Кисанька — Куйбышев Н.В., комкор, начальник военного отдела Южно-Китайской группы войск. — Ред.

Относительно деятельности советской группы Кисанко сообщал, что главное внимание уделялось политической подготовке боевых единиц. Проектировалось создание политического центра при военной академии и школе в Вампу. Генеральный штаб, во главе которого стоял комдив Рогачев, должен был стать административным органом гоминьдановской партии. Большая работа шла в верхах и низах, направленная на сведение на нет власти отдельных военных губернаторов. Кисанко настаивал на увеличении советской группы и упоминал, что этот проект уже был утвержден Ворониным, предшественником Егорова, была составлена смета и расходы отнесены за счет Москвы. В конце доклада Кисанко выражал недовольство, что шифр имелся у Бородина, служащие которого небрежно обращались с военными телеграммами.

Основательные опасения

Идеалист-революционер Сунь Ятсен искал в каждом китайском гражданине, в каждой китайской партии, ставивших родину и ее народ выше личных интересов, сотрудников и соратников для развития китайской революции. Вот почему вначале он так охотно откликнулся на предложение китайской коммунистической партии сотрудничать с Гоминьданом, и вместе с тем у него были сомнения, не имело ли целью это сотрудничество подчинение Гоминьдана коммунистическому руководству?

Еще во время переговоров с Иоффе, в секретном интервью с американским послом Шурманом, Сунь Ятсен запросил его о реакции Соединенных Штатов, Англии, Франции, Германии и Италии по поводу иностранной интервенции в Китае сроком на пять лет, с военной оккупацией губернских центров и контролем железных дорог, водных путей сообщения, портов, почты и телеграфа. По идее Сунь Ятсена эта опска должна была подготовить китайское население к всенародному избранию правительства и предохранить Китай от судьбы, постигшей Россию, то есть от захвата его одной динамической и воинствующей партией. С подобным предложением Сунь Ятсен обращался к Версальской конференции. Но иностранные державы оставались холодными к его предложению. Только что закончилась, не дав никаких положительных результатов, интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке, и повторять неудавшийся опыт ни у кого не было желания.

В 1924 году по инструкции из Москвы китайские коммунисты начали вступать в партию Гоминьдан. За два года до этого коммунисты заявили о желании создать с Гоминьданом «общий фронт» с тем, чтобы «в союзе с крестьянской беднотой основать диктатуру пролетариата»⁶.

Теперь в меморандуме по поводу вступления коммунистов в Гоминьдан представитель китайской компартии объяснил причины этого решения:

Мы считаем, что соединение различных революционных групп в «общий фронт» не дало достаточной силы. Поэтому мы нашли необходимым примкнуть к Гоминьдану и влиться в него с тем, чтобы в координированных шагах мы могли бы принять участие в нашей национальной революции под водительством Сунь Ятсена и под общей дисциплиной нашей партии.

Мы примыкаем к этой партии потому, что у нас есть что дать ей и делу китайской национальной революции, и отнюдь не потому, что у нас есть какое-

то намерение использовать существующее положение для пропаганды коммунизма от имени Гоминьдана.

Мы примыкаем к этой партии как отдельные лица, а не как масса. Можно сказать, что мы принадлежим сразу двум партиям...

Прежде чем примкнуть к ней, мы изучили теорию и ее применение на практике. Сунь Ятсен позволил нам сохранить наши отношения с китайским отделом Третьего Интернационала. Следовательно, наше присоединение к Гоминьдану — дело открытое и честное, а не движение с заведомой целью. Наоборот, мы считаем, что, присоединяясь к этой партии и являясь ее членами, мы должны проводить в жизнь ее политическую программу и придерживаться ее конституции и устава. Мы подчиняемся дисциплинарным мерам наказания партии, если мы провинимся в чем-либо⁷.

Но в конце меморандума было сделано следующее пояснение:

Я надеюсь, что, допустив нас присоединиться к партии, наши старшие товарищи не будут проявлять подозрительности в отношении нас или предпринимать мер предосторожности. Если они считают неправильным наше присоединение к их партии, то это всегда можно обсудить. Поскольку это может быть полезным для партии, соображения, приведшие нас к вступлению в нее, могут принудить нас и оставить ее. Подозрения и меры предосторожности будут только помехой на пути к дальнейшему развитию партии, поэтому желательно, чтобы это было признано теперь же, а всевозможные помехи устранены в самом начале реорганизации Гоминьдана.

Сунь Ятсен пошел на создание «общего фронта» с коммунистами и на допущение их в состав гоминьдановской партии исключительно на основании заверений Маринга и Иоффе, что в коммунистических кругах Китая и в задании Коминтерна совершенно нет стремления советизировать Китай. На практике же олучилось совершенно иное.

С отъездом Сунь Ятсена в Пекин усилилась подрывная работа коммунистов партии Гоминьдана.

За год до этого Чан Кайши вернулся из поездки в Москву. В письме одному из видных членов Гоминьдана он поделился своими впечатлениями и опасениями относительно действительной роли коммунистических вождей в развитии китайской революции:

...Об одном я хочу заявить совершенно прямо. Это вопрос о российской коммунистической партии. Следует точно провести линию между фактами и принципами. Нельзя попускаться фактами ради принципов. Мои наблюдения подсказывают мне, что коммунистической партии Советской России верить нельзя. Раньше я утверждал, что верить ей можно только на треть. Должен добавить, что и это весьма скромное заявление, так как из-за вашей чрезвычайной доверчивости в отношении русских коммунистов я не хотел вас смущать и тревожить...

...Российская коммунистическая партия в Китае преследует только одну цель: превратить китайскую компартию в избранный инструмент. Она не всрит, что наша партия будет сотрудничать с компартией долгое время ради создания успеха для той и другой. Российская коммунистическая партия стремится превратить земли, заселенные маньчжурами, монголами, мусульманами и тибетцами, в советскую вотчину; зловещие замыслы таит она и в отношении самого Китая.

Нельзя достичь успеха, если полагаться только на помощь других. Было бы верхом наивности для нашего народа, если бы он, потеряв к себе всякое ува-

жение, стал бы боготворить других и ожидать, что только благодаря им возторжествует для него самого добро и справедливость. Их так называемый интернационализм и мировая революция есть нечто иное, как цезаризм, облеченный в форму, которой легко обмануть весь мир⁸.

За этот год коминтерновские советники и китайские коммунисты — члены партии Гоминьдана — достигли многого. В армейских частях появились коммунистические ячейки. Два видных коммуниста были проведены в состав гоминьдановского правительства. Для разложения армейской массы Бородин открыл коммунистическим агентам двери солдатских и офицерских собраний. Одновременно с этим был пущен слух, что Чан Кайши прижмул к коммунистической организации.

Но на открытое вмешательство в политическую жизнь Гоминьдана пока еще не решались ни коминтерновские советники, ни китайские коммунисты. Подходящий случай представился позже, когда в январе 1926 года, на втором национальном съезде Гоминьдана, Чан Кайши предложил идею северного похода для объединения Китая.

За полгода до этого умер Сунь Ятсен, и Чан Кайши стал главой Гоминьдана в дополнение к посту главнокомандующего вооруженными гоминьдановскими силами.

Проект Чан Кайши взволновал коминтерновских советников и советских военных руководителей. В нем одинаково были элементы соблазна и риска. Можно было раз и навсегда покончить с властью военных губернаторов, используя для этого гоминьдановские войска, а параллельно развитию движения за единую власть в Китае можно было развить влияние коммунистической партии в Гоминьдане и последовательно во всей стране. С другой стороны, успех кампании мог создать Чан Кайши такую популярность и сосредоточить в его руках такую власть, что у коминтерновских советников не окажется ничего, что можно было бы противопоставить ему. В коминтерновских советников все больше закрадывалось недоверие к честолюбивому гоминьдановскому вождю.

Осторожный Бородин высказался, что он считает необходимым в первую очередь укрепить влияние Гоминьдана и усовершенствовать национально-революционную армию. Но сразу же после заседания он в подробной шифрованной телеграмме известил Москву о возможных выгодах подобной операции. Заинтересовалась проектом Чан Кайши и Москва, так как она немедленно вызвала Бородину для совещания. По дороге в Москву Бородин в Калгане встретился с генералом Фын Юйсяном, которого Карахан уже с год подготавливал к роли проводника советских замыслов на Северо-Западе Китая.

Генерал Кисанко вначале одобрил проект Чан Кайши, но затем вследствие углубившегося разногласия с последним, перешел на крайне критический тон и всюду, где только мог, особенно на совещаниях в Военной Академии и в Генеральном Штабе, только и говорил о том, что задуманная экспедиция обречена на явный провал. Появившиеся в Кантоне листовки, в которых Чан Кайши был выставлен в роли военного властелина, мечтающего о захвате всего Китая, были уже определенным актом в серии подрывных действий со стороны коминтерновских и военных советников.

Трения между Чан Кайши и его красноармейскими советниками углублялись. Чан жаловался: «Я отношусь к ним искренно, но они платят мне обманом. Работать с ними невозможно... они подозрительны и завистливы и явно обманывают меня»⁹.

В начале февраля 1926 года он подал заявление о выходе из состава Военного Совета и снятии с себя должности командующего обороной Кантона. На отказ Ван Цзинься, председателя Военного Совета, принять отставку, Чан Кайши ответил, что в таком случае Кисанко должен быть отослан в Москву, так как он ведет себя как диктатор и во всем перечит ему... «Действительная сила, направляющая революцию по верному пути, не должна попасть в другие руки. Даже в сотрудничестве с Третьим Интернационалом мы должны точно провести демаркационную линию. Ни при каких обстоятельствах мы не должны потерять свободу в принятии собственных решений»¹⁰. Об этом разговоре Кисанко узнал от самого Ван Цзинься.

На совещании Военного Совета Чан Кайши предложил план реорганизации Генерального Штаба, чтобы снять с ключевых постов красноармейских советников, которые только считались советниками, на самом же деле были полновластными начальниками своих отделов. Одновременно он уволил командира одной из дивизий своей армии, которого Кисанко и Рогачев настраивали против Гоминьдана. Конфликт между главой Гоминьдана и коминтерновскими советниками нарастал. Нужен был только случай, чтобы он перешел в открытую сору.

В середине марта, при неизвестных обстоятельствах (позже выяснилось, что это было сделано по поддельному приказу), гоминьдановская канонерка «Чун-шан»^х отплыла из Кантона по Жемчужной реке до острова Вампу. Чан Кайши, будучи в то время в Кантоне, ничего не знал о движении канонерки до тех пор, пока она, забуксированная запасом угля, достаточным для дальнего плавания, не вернулась в Кантон. Всю ночь она была под парами, в любую минуту готовая к отплытию.

За неделю до этого из Владивостока в Кантон прибыл Кубяк, глава Далькрайкома, с несколькими отборными людьми из владивостокского отдела ГПУ. Официально группа Кубяка прибыла для производства инспекции советской группы в Кантоне¹¹.

Чан Кайши стало ясно, что готовился заговор похитить его и на канонерке доставить во Владивосток. В ту же ночь были арестованы видные китайские коммунисты и среди них заместитель начальника Бюро морских сил, подделавший приказ о передвижении канонерки. В Кантоне было объявлено военное положение. Дома советских офицеров и коминтерновских советников были окружены отрядами из кантонского гарнизона.

Решительность Чан Кайши произвела на советскую группу впечатление «грома среди ясного неба». Докладывая военному атташе в Пекине, комкор Степанов, военный советник при Чан Кайши, представил свою версию... «в ночь с 19 на 20 марта Морское Бюро получило телефонный вызов об отправке канонерки в Вампу, где советская группа должна была произвести осмотр ее... Наши советники, зная, что делалось внутри, отдали приказ о возвращении канонерки, куда она и прибыла около полуночи... Следствием выступления Чан Кайши против советской группы является то, что наша работа в национально-революционной армии обречена на длительное бездействие»¹².

Встревоженный инцидентом, Кисанко послал «Ао-ли-чина»¹³ и Ивановского (из группы Кубяка), для переговоров с Чан Кайши. Знавший о подлинной сто-

«Чун-шан» — т.е. «Чжун-шань». Подробнее об этом эпизоде см.: Советские добровольцы в Китае в 1923 — 1927 гг. М., 1961. — С. 88. Ред.

роне дела, Ван Цзинвей прижнулся больным, но на всякий случай «заклеймил Чан Кайши как контрреволюционера». Чан Кайши продолжал настаивать на отзыве советских офицеров, в особенности Қисяню, его помощника Рогачева, и группы Кубяка.

«Положение продолжает оставаться напряженным. Наша группа приняла план действия и решила сменить главу. Мы решили делегировать Соловьева (сотрудника советского консульства в Кантоне), для переговоров с Чан Кайши относительно этого случая, как и о всех других делах». Степанов сознавал, что советской группе был нанесен большой удар. «Все наши школы закрыты под предлогом отбывания курсантов на фронт. В действительности же никто не отправился туда... школы пришлось закрыть исключительно потому, что китайские офицеры умышленно избегают нашей помощи и службы»¹⁴.

На апрельском заседании советской группы в Кантоне с представителями Коминтерна и китайской компартии Степанов свалил все на Чан Кайши:

Не опираясь на массы, он ищет поддержки и, надо заметить, знает, как использовать их в достижении своих честолюбивых планов. Ради этой цели он использует нас и китайских коммунистов постольку, поскольку это помогает и нужно ему... Национально-революционное движение нужно ему только для того, чтобы стать национальным героем. Он не притягивает к тем, кто в общественном мнении Китая недостаточно популярен. Вот почему он колеблется между правыми и коммунистами, и что заставляет его заговорить о красной опасности, о которой так много говорят теперь в Китае»¹⁵.

Коминтерновским и военным советникам пришлось признаться в своих ошибках, в слишком стремительной попытке централизации контроля над гоминьдановской армией и чрезмерной настойчивости окружить своими людьми гоминьдановских вождей, в ошибочном методе агитации и пропаганды в армии.

Через два месяца Бородин вернулся в Кантон. Теперь в отношении к Чан Кайши у него появился примиренческий тон и он даже проявил готовность уступить в ряде вопросов, касающихся взаимоотношений коммунистов и Гоминьдана. Он безоговорочно принял восемь пунктов, выработанных на майской пленарной сессии Гоминьдана, среди которых были следующие: китайская компартия обязывает своих членов изменить отношение к Гоминьдану и к трем народным принципам Сунь Ятсена; она обязуется представлять ЦК Гоминьдана списки членов своей партии; назначение на ответственные посты в Гоминьдане не должно касаться лиц с двойной партийной принадлежностью; коммунисты, вступившие в Гоминьдан, не имеют права создавать отдельные организации или предпринимать самостоятельные действия без разрешения Гоминьдана; китайская компартия и Третий Интернационал должны представлять на утверждение Гоминьдана все инструкции и директивы, предназначенные для коммунистов, со- членом Гоминьдана.

Северная экспедиция

Провал советских планов в связи с инцидентом 20 марта устранил последние препятствия с пути генералиссимуса Чан Кайши. Первого июля 1926 года Военный Совет националистического правительства издал приказ о мобилизации и

начале Северного похода «для создания независимой нации, основанной на Трех Народных Принципах, и для защиты интересов страны и народов».

Поход с самого начала был отмечен успехом. Крестьяне и рабочие провинций Среднего Китая, разоренные военными губернаторами и междуусобными войнами, встречали гоминьдановские войска как освободителей. Меньше чем в три месяца был захвачен ряд городов вплоть до Ханькоу. Китайским коммунистам в рядах Гоминьдана волей-неволей пришлось способствовать успеху Чан Кайши. Но это было только вначале, пока не определились полностью масштаб и характер северной экспедиция.

Успеху националистических войск было посвящено немало часов на седьмом пленуме ЦК Коминтерна в Москве. События в Китае были приняты, как развитие третьего этапа мировой революции, во время которого «национально-освободительное движение должно вылиться в полную революционную фазу», то есть в крестьянскую революцию, в восстание крестьянских масс против националистического правительства и в установление советского строя.

За два года численность китайской коммунистической партии выросла с одной тысячи до 60.000 человек, большая часть которых состояла из рабочих; остальные были студенты, крестьяне, мелкие ремесленники. Под руководством коминтерновских советников шла организация вооруженных отрядов из крестьянской бедноты и городской черни. Рабочие профсоюзы и крестьянские общества подпадали под коммунистический контроль. Одновременно шло систематическое разложение рядов Гоминьдана. В помощь Бородину, которого Москва считала недостаточно агрессивным, был послан опытный коминтерновский сотрудник, индус М.Н.Рой.

В середине ноября гоминьдановские войска взяли Наньчан, столицу провинции Цзянси, где было решено оставить на время правительственные органы, пока шло успокоение южных провинций. Месяц спустя Бородин, к этому времени успешно подготовивший почву для раскола гоминьдановской партии, созвал в Ухань членов ЦК Гоминьдана и представителей националистического правительства. На первом же заседании он провел решение создать «соединенную конференцию», которая должна была выразить «верховную власть партии». Это было проведено по инструкции Москвы с целью раскола Гоминьдана.

После третьей пленарной сессии ЦК Гоминьдана коммунисты сочлены партии осмелели еще больше. В нарушение постановления второй пленарной сессии, уханьская «центральная власть» во главе с Бородиным и Роєм назначала коммунистов на ответственные гоминьдановские посты. Были также нарушены другие постановления, как, например, о предоставлении списков коммунистов — сочленов Гоминьдана. В результате коминтерновских махинаций, гоминьдановские органы, руководившие профсоюзным и крестьянским движением, оказались в руках коммунистов. У коммунистов появилось оружие. Начался красный террор. В городах коммунисты подняли чернь на бунты.

Главный удар коммунистических сил был направлен на политические отделы гоминьдановской партии. Коммунисты, пробравшиеся на ответственные места в Гоминьдане, вели открытый саботаж. Умышленно задерживались поезда с продовольствием, с боеприпасами; воинские части настраивались одна против другой, шло систематическое разложение дисциплинированной гоминьдановской армии.

В феврале 1927 года отколовшиеся от Гоминьдана левое крыло создало сепаратное революционное правительство в Ухани. Позади этого была идея Сталина создать «демократическую диктатуру пролетариата, крестьян и эксплуатируемых классов», идея, вылившаяся после окончания второй мировой войны в политический строй так называемых «народных демократий».

Успех северной экспедиции и популярность националистического правительства, не позволяли Коминтерну решиться на открытый разрыв. Уханьское правительство было слишком «коминтерновским»; поэтому, чтобы найти поддержку в китайском народе, было решено поставить во главе его какого-либо известного китайского вождя. Подходящим оказался Ван Цзинвей, у которого с коминтерновскими и красноармейскими советниками еще в Кантоне установились прочные связи. Ван Цзинвей, проводившего время в Латинском квартале Парижа, выписали и по дороге задержали на некоторое время в Москве. Прибыв в Шанхай, Ван Цзинвей, уже совершенно уверенно заговорил о необходимости создания «демократической диктатуры угнетенных классов для подавления контрреволюции».

В конце марта 1927 года националистические войска взяли Нанкин. Дисциплинированные гоминьдановские войска до этого не допускали никаких эксцессов. При захвате же Нанкина некоторые разложившие коммунистическими агентами части, во внезапной оргии бесчинств, напали на дома иностранных резидентов и богатых китайских жителей, совершая насилия и убийства. Это было сделано с целью выставить перед общественным мировым мнением в невыгодном свете гоминьдановские войска. К этому времени в южных и некоторых центральных провинциях Китая уже появились советы, составленные из рабочих и крестьянской бедноты. Забиралась земля богатых и средних крестьян, шла расправа революционного, коммунистического суда. Разложение гоминьдановской армии должно было способствовать укреплению так называемой крестьянской революции.

Следующее провокационное выступление коминтерновские агенты готовились устроить в Шанхае. Воспользовавшись тем, что шанхайские рабочие объявили забастовку в знак поддержки гоминьдановского движения, коммунистические агенты подбили их восстать против местных китайских властей. Они вооружили рабочих спешно выписанным из Кантона оружием и подняли их против иностранцев и местных властей, чтобы создать конфликт между иностранными державами и торгово-промышленными китайскими кругами, с одной стороны, и националистическим правительством и партией Гоминьдана — с другой. Кроме того, шанхайские рабочие должны были создать рабочее правительство по образцу Ухана под властью коммунистических вождей.

Бородин прибыл в Шанхай, чтобы лично руководить развивавшимися событиями. Когда с гоминьдановскими войсками в Шанхай прибыл Чан Кайши, он потребовал от рабочих сдачи оружия, чтобы предотвратить повторение нанкинских бесчинств. Но коминтерновские зачинщики восстания заставляли рабочих скрыть оружие и ни в коем случае не выдавать его. Чан Кайши ответил тем, что при поддержке рабочих профсоюзов и торговой палаты, отдал приказ об аресте коммунистических главарей и коминтерновских агентов. Часть зачинщиков была расстреляна после военно-полевого суда. Бородин и его коминтерновские сотрудники поспешили скрыться и долгое время отсиживались на чердаке в доме русского коммерсанта В.Е.Уланова на Французской концессии.

Бесчинства в Нанкине, подготовка к восстанию рабочих в Шанхае, сведения из ряда провинций о готовящихся волнениях вскрыли размеры провокационно-подрывной деятельности коминтерновских агентов и их сообщников, китайских коммунистов. Были приняты меры для пресечения этой работы. За коммунистическими деятелями и их коминтерновскими вожаками было установлено строгое наблюдение. Был создан особый комитет по проведению чистки и освобождению Гоминьдана от коммунистических элементов.

Сталин уже открыто ликовал по поводу успеха развития в Китае «третьей фазы мирового революционного движения» и в знак признательности прислал Чан Кайши свой портрет. На заседаниях Коминтерна они с Бухариным поздравляли друг друга с удачным развитием проводимой ими китайской политики. Сталин готовил ряд статей, а Бухарин спешно дописывал последние главы своей книги об успешном применении своей теории в развитии мировой революции¹⁶.

Тем временем население в Китае, недовольное уханьским правительством и страдавшее от коммунистического террора, конфискации земель, невыносимых поборов, начало повсеместные восстания против коммунистов и их так называемой «аграрной революции».

В самом составе уханьского правительства произошел раскол между левыми элементами и коммунистами. Разногласие произошло и между коминтерновскими советниками: Бородин настаивал на движении на север и восток для расширения сферы влияния уханьского правительства. Рой настаивал на движении на юг и проведении крестьянской революции в южных провинциях. Расхождение сказало даже в самом методе проведения крестьянских восстаний. Первый считал необходимым продолжение сотрудничества коммунистов с Гоминьданом и ограничение эксцессов крестьянского движения. Второй считал необходимым обязательное поднятие крестьян на вооруженное восстание.

В июне Бородин получал от Сталина инструкцию провести конфискацию земли, удалить из армии ненадежных офицеров, вооружить 20000 коммунистов, а из китайских рабочих и крестьян создать армию в 500000 человек, и учредить суд при участии известных гоминьдановцев над реакционными элементами¹⁷.

Бородин хотел скрыть сталинскую телеграмму от Ван Цзинвэя, но Рой показал ее ему. Только тогда уханьское правительство представило себе ясно размер коминтерновской деятельности по советизации Китая. Поднялись голоса, требовавшие немедленной отправки Бородина и Роя в Москву. Китайские коммунисты, в попытке спасти положение спешно вынесли решение о сохранении содружества с Гоминьданом. Для умиротворения было решено отослать Роя. Но этой жертвы оказалось мало, так как через несколько дней уханьское правительство решило расстаться по-настоящему с коммунистами. Бородину ничего не осталось, как покончить с карьерой китайского советника. Он выехал в Москву через Калган, где снова виделся с Фын Юйсяном.

Северо-западный сектор

В то время, как Бородин, Синани, Кисанко и другие оперировали при главном центре Гоминьдана, а генерал Галин-Блюхер, после отъезда из Кантона в 1925 году, возглавлял советскую военную миссию в Ханькоу, группа

советских офицеров под непосредственным руководством советского посольства в Пекине, развивала свою деятельность при штабе генерала Фын Юйсяна на северо-западе Китая.

Вначале во главе этой группы стоял советский генерал, скрывшийся под китайским именем Джен Чан или Иен Чан, один из близких сотрудников председателя Реввоенсовета СССР Фрунзе, рапортовавший непосредственно ему. Первая советская группа в составе 29 военных советников-инструкторов, двух политических работников, одного врача и четырех переводчиков прибыла в Пекин в апреле 1925 года.

Москва возлагала большие надежды на Фын Юйсяна, как на единственного китайского военачальника, которого, по ее мнению, можно было противопоставить Чан Кайши. Ему была оказана большая материальная помощь. Только на вооружение его армии за один год было израсходовано свыше шести миллионов рублей¹⁸. Но, несмотря на все старания и расходы, советская группа не смогла достичь заметного успеха в работе с Фын Юйсяном. Это можно объяснить двояко: или заслугами самого Фына, человека искусного в политике и интригах, или тем обстоятельством, что среди калганской группы не было человека, равного по талантам Бородину.

Вначале Джен Чан сделал попытку сблизиться с командующим 1-й народной армией, но тот вскоре умер. Тогда в Калгане начались переговоры с Фыном.

В рапорте Фрунзе Джен Чан докладывал:

...Товарищ Бородин, военный атташе Геккер, Тасин, Никитин и я посетили генерала Фын Юйсяна. Переговоры вели Бородин и Геккер. Фын выразил согласие воспользоваться нашим предложением предоставлять ему военных советников-инструкторов и оружие.

...Когда я обратился к тов. Геккеру за инструкциями перед отъездом к Фыну, я получил в ответ: «Пока никаких». После встречи Карахана, Бородина и Геккера инструкции были даны только на словах. По мнению Карахана, армия Фына в основном должна быть поддержкой национально-революционного движения в Китае... и (в ответ на мой вопрос) вооружение ее должно быть полным и идти без перебоев, а Бородин добавил, что одновременно в армии должны быть посеяны семена разложения, чтобы держать ее в руках и не допустить никаких уклонений в будущем.

...Для меня особенно важно знать, является ли армия Фына главной силой в национально-революционном движении, готовой лить воду на нашу мельницу, или Фын наш союзник, пока он враг Чжан Цзюляна, орудия японского милитаризма и опоры реакции, в каком случае его армией нужно развить в мощную силу ради нашей цели, а когда эта цель будет достигнута, то «машину нужно будет сломать»¹⁹.

После ознакомления с положением на северо-западе Китая, его политическими настроениями и военным потенциалом Джен Чан уже не искал инструкций, а сам представлял свои соображения в докладе Николаеву (Карахану):

...Фына можно рассматривать двояко: как признанного союзника-идеалиста и борца за национально-освободительное движение или как обычного милитариста, временно заставленного силой событий и географическим положением работать в пользу СССР как страны, заинтересованной в ослаблении империалистов, в особенности Японии.

В первом случае мы должны помочь развитию вооруженных сил Фына, действующего в интересах китайского и международного движения и ставящего Китай на положение союзника Советского Союза.

Во втором случае мы должны развить армию только до такой степени, что он смог бы выполнить возложенную на него нами задачу и в то же время был бы лишен возможности вредить нашим интересам...

Я склонен считать, что второе положение наиболее верно в отношении к Фыну. Мы можем сотрудничать с ним только как с милитаристом, полезным в данное время для нас.

Это сотрудничество может быть достигнуто следующим образом:

а) перевооружением его армии нашим оружием, чтобы поставить его в зависимость от нас;

б) созданием большого депо в Урге и проведением шоссейной дороги между Верхнеудинском и Калганом;

в) сокращением плана подготовки армии Фына с тем, чтобы только готовить кадры младших командиров и солдат для выполнения наших приказов, совершенно обойдя старший командный состав и оставив его на таком уровне неподготовленности, что он без нашей помощи не будет в состоянии управлять армией²⁰.

Карахан был задет соображениями красноармейского советника относительно вещей, которые должны были быть в его ведении. В ответ он писал Джен Чану:

Несомненно, в отношении к китайским вождям налицо элемент неуверенности, заставляющий нас быть более осторожными с Фыном, чем с вождями Гоминьдана. Что же касается вопроса относительно его зависимости от нашей поддержки, то вы должны согласиться с тем, что даже в настоящее время он уже полностью зависит от нас, поскольку у него нет и не может быть другого источника снабжения²¹.

Советник Джен Чан не долго продержался на своем посту. Он поссорился с бригадным командиром армии Фына из-за распределения лошадей. Некоторую роль в этом деле мог сыграть А.Ф.Гущин, войсковой старшина Донского войска и бывший сподвижник атамана Краснова в белопоповских операциях на Дону. Гущин командовал конным отрядом при генерале Фыне и мог настроить своего начальника против комкора Чжен Чана. Генерал Фын лично вмешался в это дело, и на том основании, что красноармейский советник при его армии не имел права вмешиваться в административные дела, поставив вопрос об его отзыве²².

После отзыва Джен Чана на его место осенью 1925 года приехал другой красноармейский советник, комкор Примаков, скрывавшийся под именем Генри А.Лин, он же Ялишанталин.

Работа Примакова с армиями генерала Фына продвигалась медленно. Командующий одной из армий Фына, генерал Ивейчун, открыто заявил, что у него нет ничего общего с коммунистами и что они его злейшие враги. Командующий 3-й армией был также против коммунистов и с большим трудом согласился на принятие только двух советских инструкторов²³.

Для дальнейшей обработки Фын Юйсая его повезли в Москву. В Урге тогда собрались Бородин, Галин-Блюхер, начальник штаба Монгольской армии Кангусларя, сотрудник ГПУ в Монголии Никифоров и другие.

Возвратившись через полгода в Китай, Фын нашел положение Чан Кайши настолько упрочившимся, что без особого настояния со стороны советских на-

ставников примкнул к нему для полной поддержки Северного похода. О перемене в настроении Фына отмечали осторожно его красноармейские советники. «После поездки в Москву Фын достиг большого прогресса в своих убеждениях; теперь он значительно склоняется влево. И все же, дефекты, вытекающие из его алчности, должны быть вытравлены»²⁴.

На заседании Военного отдела советского посольства в Пекине в марте 1927 года было решено продвинуть, если не самого генерала, то его армию еще больше влево. Был разработан план реорганизации работы коммунистической партии в Народно-революционной армии на основе подобной работы в Красной Армии: в младших отделениях должны быть созданы тайные ячейки; в корпусах, дивизиях, бригадах и полках, в которых находилось с десяток или больше коммунистов, должны быть созданы комячейки, из которых должен был выйти новый командный состав²⁵.

К этому времени советское влияние было распространено почти на весь Китай. В Маньчжурии еще оставался маршал Чжан Цзолин, тщательно опекаемый японским Генеральным штабом, и все же, несмотря на эту опеку, стремившийся сыграть в объединении Китая не последнюю роль.

Враждебная настроенность маршала Чжан Цзолина к коминтерновским деятелям обрела на провал начатые было переговоры. Тогда было решено действовать другими способами, и только выискивался удобный случай, чтобы устранить с пути маньчжурского наместника.

Случай представился, когда между Чжан Цзолином и Го Сунлином, другим, не менее честолюбивым генералом, вспыхнула вражда. Советское посольство обещало Го большую материальную помощь и поспешило насадить в его армию военных инструкторов и советников. Столкновение Го и Чжана означало возникновение открытой борьбы между Советским Союзом и Японией за обладание Маньчжурией.

Развитие советских интриг вначале разыгрывалось как по нотам. Захват Тяньцзиня войсками Фына Юйсяна, измена Го, еще недавнего сторонника маршала Чжан Цзолина, первоначальный успех — все это отлично совпадало с планами Коминтерна в отношении Северного Китая и Маньчжурии. Но положение изменилось в декабре 1926 года, после того, как Япония в целях поддержки старого маршала высадила в Тяньцзине экспедиционные войска.

Карахан спешно запросил о военной помощи генералу Го Сунлину, но, боясь осложнений на Дальнем Востоке и открытого конфликта с Японией, Москва ответила отказом. Го потерпел поражение, и войска Чжан Цзолина вступили в Тяньцзинь.

Москва не оставила дела так: японским властям через Карахана было сообщено — с предъявлением сомнительных доказательств, что Чжан Цзолин ведет двойную игру и в поисках нового патрона ведет переговоры с представителями Америки. Японские власти выслушали, но продолжали поддерживать маньчжурского наместника еще два года. Со своей стороны, отвечая предательством на предательство, они передали старому маршалу предупреждение Карахана. Чжан Цзолин потребовал немедленного отзыва советского посла из Пекина.

У маньчжурского наместника имелось достаточно оснований быть враждебным в отношении коминтерновских и советских деятелей, хозяйничавших в Китае и в его Маньчжурии. Еще в конце 1925 года сотрудники Военного отдела пекинского посольства Сейфулин (он же Альберт Яковлевич Лапин) и Генри А. Лин (он же

комкор Примаков) вступили в переговоры с главарями хунхузских шайк о поднятии восстания в трех восточных провинциях. Хунхузам было обещано большое количество оружия, материальная помощь и убежище в случае неудачи²⁶.

В мае 1926 года Донецкий, вице-консул в Мухдене (он же Сухоруков), договорился с хунхузскими главарями Сун Чанфа и Ван Те, у которых были шайки по полторы тысячи человек. За выступление против Чжан Цзолина Донецкий обещал им от имени Фын Юйсина должности командиров полков, а их главному начальнику Ли Яньшэну, жившему в качестве богатого рантье в Гирине, должность командира бригады, с зачислением их вместе с отрядами в ряды регулярной Народно-революционной армии.

Начало разрыва

За десять лет после Октябрьской революции Советский Союз настолько окреп на Дальнем Востоке, что коминтерновские агенты совершенно свободно распорядились в Китае в нарушение советско-китайского договора 1924 года. За последние годы центр коммунистической деятельности переместился из Кантона в Пекин. В ночь на 6 апреля 1927 года полиция маршала Чжан Цзолина, при содействии полицейской охраны посольских кварталов и с ведома послов США, Британии, Японии, Франции, Голландии, Испании и Португалии, устроила налет на советское посольство. Незадолго до этого помощник советского военного атташе попался при попытке проникнуть в британское посольство.

Китайская полиция знала, что в советском посольстве скрывались некоторые китайские коммунисты, замешанные в восстаниях против национального правительства и маршала Чжан Цзолина. Захваченные врасплох посольские служащие и коминтерновские агенты не успели сжечь секретные документы. Было захвачено 463 отдельные папки с делами, общим числом в три с лишним тысячи документов, раскрывших размер коммунистической работы в Москве.

Советское правительство немедленно выступило с самым громким протестом, назвав налет «неслыханным нарушением элементарных правил международного закона», а захваченные документы — ловкой подделкой чжанцзолиновской полиции. В ответ старый маршал опубликовал фотографии захваченных документов, показывавших, в какой мере советское посольство и коминтерновские агенты были замешаны в работе по советизации Китая, роль в ней Фын Юйсина и насколько свободно они пользовались средствами КВДЖ на ведение пропагандно-поддрывной деятельности.

Окончательный разрыв

Успешному завершению коминтерновского замысла помешал ряд причин: преждевременно умер Сунь Ятсен, идеалист, не видевший всей беспринципности советской игры; ненадежность китайских политических деятелей, на которых коминтерновские советники делали ставки; решительность Чан Кайши в устранении с пути всех, кто мешал делу объединения Китая на основе трех принципов Сунь Ятсена; появление Японии, грозного соперника за обладание Маньчжурией,

интересам которой на материке Азии вредило бы доминирующее положение Советского Союза.

Разрыв уханьского правительства с коммунизмом, последовавший три месяца спустя после налета на советское посольство, произвел ошеломляющее впечатление на коминтерновских деятелей в Москве. Еще не так давно Сталин и Бухарин ликовали от успеха в Китае. Теперь, в силу разыгравшихся событий, пришлось в корне изменить сталинские статьи, а книгу Бухарина вообще изъять из обращения. Резолюция, принятая июльским пленумом ЦК, по вопросу о Китае, не обоблась без ссылок на козлов отпущения.

Хотя китайская революция и понесла большое поражение, несмотря на правильную тактику Коминтерна, это, может быть объяснено прежде всего соотношением классовых сил внутри страны... С другой стороны, следует признать, что руководство китайской коммунистической партии, систематически отклонявшее директивы Коммунистического Интернационала, несет свою долю ответственности...

Настоящий период китайской революции ознаменован жестоким поражением и, одновременно, крайней перегруппировкой сил, в которых блок рабочих, крестьян и городской бедноты организуется против правящих классов и империализма. В этом смысле революция переходит в высшую фазу своего развития, фазу прямой борьбы за диктатуру рабочих и крестьян²⁷.

Для спасения катастрофического положения Коминтерн отправил в Китай своих агентов, Хайнца Ньюмана (он же А.Ньюберг), Герхарда Айслера, Джона Пеппера (он же Иосиф Поганый) и Бессо Ломинадзе. Ньюман и Ломинадзе провели ряд коммунистических восстаний в провинции Цзянси, самое большое и кровавое из которых произошло в Наньчане 31 июля 1927 года. Наньчанское восстание было поднято двумя коммунистическими вооруженными отрядами в полночь. Жители Наньчана подверглись нападению со стороны вооруженных коммунистов, был разгромлен Центральный банк, разгромлены дома зажиточных людей. После восстания в Наньчане коммунисты под руководством коминтерновских сотрудников провели восстания в целом ряде мест. Но они были обречены на провал, так как население не только не поддержало коммунистических зачинщиков, но и выступило против них.

Несмотря на провал в Наньчане, коминтерновские деятели по требованию Сталина приказали китайским коммунистам провести восстания в Кантоне и других городах. В помощь им были отправлены Ньюман, Айслер и Пеппер. Восстание 11-го декабря 1927 года разыгралось в Кантоне, где четыре года до этого так успешно начал свою коминтерновскую работу Бородин. В помощь Айслеру, Ньюману и Пепперу были приданы служащие из советского кантонского консульства и слушатели Уханьской военно-политической академии и Института по подготовке крестьянского движения. Восставшие организовали совет рабочих, крестьян и солдат. За три дня существования коммуны Ньюман, Айслер и Пеппер залили Кантон потоками крови. Но и эта отчаянная попытка вернуть коминтерновским властям потерянные позиции закончилась провалом. Дисциплинированные части гоминьдановских войск с помощью членов Кантонского союза маляшников подавили восстание.

Во время кантонского восстания среди коммунистических зачинщиков, арестованных властями, оказались советский вице-консул и его помощник. В захваченном советском консульстве и торговом представительстве были обнаружены секретные

документы, раскрывшие советский шпионаж и подрывную работу. 14 декабря националистическое правительство закрыло советское посольство, все консульства, торгпредства и другие советские агентства, выслало из Китая советских служащих, коминтерновских советников и красноармейских инструкторов.

В интервью с представителями иностранной печати Чан Кайши заявил:

В разрыве дипломатических отношений с Советской Россией мы только погрываем с советским правительством... Никакой перемены в отношении китайского народа к русскому народу не произошло.

Стоит только посмотреть на советские консульства в различных городах Китая. Фактически они являются отделами Третьего Интернационала и одновременно рассадниками китайских коммунистических интриг. Ради собственной безопасности, как и ради китайской революции и мира на Дальнем Востоке, Гоминьдан предпринял это решительное действие²⁸.

На другой день националистическое правительство прервало дипломатические отношения с Советским Союзом.

К концу 1927 года советское влияние в Китае сошло на нет. Чан Кайши очистил Гоминьдан от коминтерновских советников и коммунистических элементов. Уханьское правительство, последняя попытка Бородина руководить судьбой Китая, закончило свое существование. Коминтерновские и красноармейские советники принуждены были в спешном порядке покинуть Китай. По дороге в Москву Галин-Блюхер заехал в Шанхай повидаться с Чан Кайши. У Чан Кайши отношения с Блюхером были такие, каких он не имел ни с кем из коминтерновских и красноармейских советников. Он считал его выдающимся военным, человеком положительным по своим качествам, совсем не похожим на других советских представителей.

После истории с Кисанко, Чан Кайши запросил советское правительство о возвращении Блюхера на пост главы военной миссии в Кантоне. Во время раскола Нанкина с Уханем Блюхер был послан из Наньчана в Ханькоу, где оставался до тех пор, пока уханьское правительство не решило расстаться с коммунистами. За время работы в Китае он не раз высказывал крайнее недовольство Бородиным, которого считал оппортунистом. При расставании с Чан Кайши в Шанхае Блюхер чувствовал себя подавленным. Чан Кайши сказал ему: «У нас еще будет возможность работать вместе, не стоит огорчаться». Блюхер ответил: «Надеюсь, что видимся не в последний раз».

Позже, когда дипломатические отношения между Китаем и Советским Союзом были восстановлены, Чан Кайши несколько раз обращался с просьбой к советскому правительству о предоставлении ему Блюхера в качестве военного советника. Но ответа не последовало. В 1939 году Сунь Фо, председатель законодательного Юаня, прибыл в Москву, где по просьбе Чан Кайши обратился лично к Сталину относительно Блюхера. Только тогда Сталин ответил, что Блюхер был казнен за то, «что поддался обольщению японской шпионки»²⁹.

В это время Москве было не до Китая. За полгода до этого Великобритания прервала дипломатические отношения с Советским Союзом после налета на советское торговое учреждение «Арко», оказавшееся гнездом советского шпионажа. Советский посол Войков был убит в Варшаве за участие в убийстве царской семьи. В Париже член секретариата коммунистической партии был арестован за шпионаж в пользу Советского Союза. Жак Дорио и девять других французских коммунистов были арестованы за попытку поднять мятеж во французских коло-

них. Париж в ноте Москве сделал предостережение о недопустимости подрывной работы со стороны коммунистических агентов. Европа была охвачена антикоммунистическими настроениями.

В Москве Сталин, в борьбе с беспокойным для него ленинским наследием, подбирал порочащий оппозицию материал и готовил посадить на скамью подсудимых цвет Российской коммунистической партии и высшего командования Красной Армии. На Дальнем Востоке поднимался грозный сосед в лице Японии, замышлявший, как и Советский Союз, агрессию в Маньчжурию и Китай, а на западе, из вертеровского идеализма Веймарской республики, прорастали семена нацизма.

Не признавая провала своей иностранной политики, Сталин нашел на кого свалить вину.

Вожди китайской коммунистической партии с самого начала совершили ряд серьезнейших промахов, затормозивших боевую подготовку революционных организаций и показавших в последовавшем развитии ряд оппортунистических ошибок, которые в конце концов и привели к политическому банкротству верху китайской коммунистической партии... В этот решительный период китайской революции ЦИК китайской компартии не провел ни одной последовательной политической линии... Он допустил ряд ошибок, последствия которых граничили с изменой³⁰.

Виню провала китайской авантюры Сталин видел не только в китайских коммунистах, действиями которых руководили его же собственные люди, посланные им из состава Коминтерна; он видел этих виновников в среде оппозиции и, главным образом, в Троцком и Зиновьеве. Кантонский провал Сталин также объяснял по-своему:

Кантонское восстание, являющееся героической попыткой пролетариата организовать советскую власть в Китае и сыгравшее огромную роль для развития рабоче-крестьянской революции, все же вскрыло целый ряд ошибок руководства...³¹

До этого на июльском пленуме ЦИК (1927 год) Сталин провел резолюцию относительно оппозиции:

В последнее время в связи с особыми затруднениями в международном положении в СССР и с частичным поражением китайской революции, оппозиция сконцентрировала свои атаки на партию по линии нашей международной политики (в Китае и в Великобритании)...³²

Положение в партийных верхах было напряженным. В Ленинграде и Москве шли аресты и расстрелы людей, обвиненных в шпионаже в пользу иностранных держав. Оппозиция, хотя и ослабленная, продолжала нападать на Сталина, особенно после провала китайской кампании.

Политические страсти дошли до предела, когда китайская революция, руководимая Коминтерном и советскими агентами, начала шагать от победы к победе... Сталин... оставался глухим к предостережениям со всех сторон, что Чан Кайши подготавливал произвести военный переворот... Катастрофический эффект этих тактических действий не замедлил сказаться со всей драматичностью... Престиж Сталина резко пал. Оппозиция удвоила свое усердие³³.

Несколько позже оппозиция — бернее все то, что осталось от нее, дала объяснение событиям в Китае:

В конце 1927 года сталинская фракция, напуганная последствиями своих ошибок, попыталась одним ударом исправить провалы нескольких лет. Таким образом была организована кантонская революция. Вожди продолжали работать

на той предпосылке, что революция все еще была в развитии. На самом же деле революционная волна была уже смыта упадочным движением. Героизм передовых рабочих Кантона не мог приостановить катастрофы, вызванной авантюристическим духом их вождей. Кантонская революция была залита кровью. Вторая китайская революция была подавлена... В начале 1928 года, когда китайская революция дошла до наивысшей точки, девятая пленарная сессия ЦИК Коминтерна объявила курс вооруженного восстания в Китае. Результатом этого безумия было дальнейшее поражение рабочих, ликвидация лучших революционеров, распад партии и деморализация рабочих рядов³⁴.

Как реагировали на советские интриги в Китае иностранные державы? Соединенные Штаты Америки считали, что заключенный по их настоянию в 1922 г. Пакт девяти держав о невмешательстве во внутренние дела Китая вполне гарантировал независимость его. Наиболее заинтересованная в судьбе Китая Англия была встревожена советскими интригами и ростом коммунистического движения. Она была одной из первых держав мира, признавшей правительство Нанкина, и всячески оказывала ему поддержку. Япония зорко приглядывалась к разыгрывавшимся событиям в Китае, пока заканчивала последние приготовления для своего собственного участия в них. Советская Россия отреклась от своего участия в делах Китая. На запрос британского правительства о роли Бородина в Китае Литвинов ответил, что «Бородин неизвестен ни ему, ни Комиссариату Иностранных Дел, и если он предпринимает что-либо в Китае, то вне компетенции Советского Союза»³⁵.

Первая попытка превратить Китай в московскую вотчину обошлась ценой жизни многим участникам китайских событий того времени. Первой жертвой стал Троцкий, глава оппозиции. Перед ссылкой в Среднюю Азию Троцкий побывал на похоронах Адольфа Иоффе, покончившего самоубийством в знак протеста против сталинского истребления своих политических врагов. Первый посол в Китае, вице-комиссар иностранных дел Лев Карахан, был расстрелян без суда на Лубянке в декабре 1937 года за отказ признаться на показательном суде в не совершенных им преступлениях. Зиновьев, глава Коминтерна, Бухарин, соавтор Сталина в политике в Китае, были расстреляны после громких показательных судов, первый — за левый уклон, второй — за правый. Бела Кун (Альберт Кон), редактор «Коммунистического Интернационала в документах», был снят с поста и расстрелян. Иосиф Поганый-Пеппер, член Коминтерна и один из триумvirата кантонской коммуны, был расстрелян в Москве в 1936 году. Маршал Блюхер-Галин был убит чекистами вместе со своим адъютантом в отеле «Метрополь» в Москве в 1938 году. Маршал Егоров, комкор Гехкер, Сейфулин (он же Лапин), занимавшие пост военного атташе в Пекине, были расстреляны по делу Тухачевского. По этому же делу был расстрелян комкор Примаков (он же Генри А. Лин). Генерал Фын Юйсян погиб при загадочных обстоятельствах на советском пароходе в Черном море. Бородину-Грузенбергу посчастливилось избежать расстрела, но он был арестован во время одной из сталинских чисток по обвинению в уклоне и оппортунизме. Он умер в забвении в Москве в 1955 году.

В.Е.Уланов, богатый коммерсант Шанхая, секретный советский сотрудник еще с 1921 года, в доме которого во время шанхайского восстания скрывались

• М.М.Бородин погиб в застенках НКВД в мае 1951 г. — Ред.

Бородин и другие коминтерновские советники, был схвачен энкавдистами в 1945 году и вывезен в Советский Союз, где и погиб в концлагере. Десятки, если не сотни других советских деятелей, участвовавших в коминтерновской затее в Китае, заплатили своими жизнями на Лубянке и в других чекистских домах за сталинский провал в Китае.

Публикация Г.В.Мелихова
(Продолжение в следующем номере)

-
- ¹ Нота Москвы Китаю от 25 июля 1919 г.
  - ² Советская нота Китаю 27 сентября 1920 г.
  - ³ Ruth Fischer. *Stalin and German Communists*. London: Oxford University Press, 1948. — P. 574.
  - ⁴ Документы о коммунизме, национализме и советских консультантах в Китае, 1918-1927. Edited by S.Martin Wilbur and Julie Llenykyou How. Columbia University Press. — N.Y., 1956. — Документ № 16.
  - ⁵ Там же.
  - ⁶ Манифест китайской компартии после второго национального съезда в августе 1922 г.
  - ⁷ Chiang Kai-shek. *Soviet Russia in China*, Farrar, Straus and Cudahy. — N.Y., 1957. — P. 26-27.
  - ⁸ Chiang Kai-shek. — P. 22-24.
  - ⁹ Документы. Дневник Чан Кайши. — С. 215.
  - ¹⁰ Chiang Kai-shek. — P. 38.
  - ¹¹ Документы... Примечания.
  - ¹² Документы... № 23.
  - ¹³ «Ао-ли-чин», вероятно Алешин, политический комиссар при военной школе Вампу и глава советской разведки в Кантоне.
  - ¹⁴ Документы..., там же.
  - ¹⁵ Mitarevsky N. *World-wide Soviet Plot*, Tientsin Press. Tientsin, 1928. — P. 23.
  - ¹⁶ Ruth Fisher. — P. 575, 576.
  - ¹⁷ Chiang Kai-shek. — P. 50, 51.
  - ¹⁸ Документы..., с. 463.
  - ¹⁹ Mitarevsky. — P. 115-116.
  - ²⁰ Ibid. — P. 21-22.
  - ²¹ Ibid. — P. 20.
  - ²² Документы, с. 516.
  - ²³ Mitarevsky. — P. 156.
  - ²⁴ Ibid. — P. 124.
  - ²⁵ Ibid. — P. 125.
  - ²⁶ Ibid. — P. 103.
  - ²⁷ Ruth Fischer. — P. 578.
  - ²⁸ Chiang Kai-shek. — P. 55.
  - ²⁹ Ibid. — P. 51-52.
  - ³⁰ Шестой мировой конгресс Коминтерна в Москве, 1927.
  - ³¹ Коммунистический Интернационал в документах, 1919-1932. Москва. — С. 767.
  - ³² Ruth Fischer. — P. 583.
  - ³³ Alexander. *One Who Survived*. — P. 161-166.
  - ³⁴ Троцкий Л. К коммунистам Китая и всего света // Бюллетень Оппозиции. — 1930. — № 15, 16.
  - ³⁵ Британско-советские дипломатические документы. Лондон, 1925.

ЧИО-ЧИО-САН — РУССКАЯ ВЕРСИЯ-БЫЛЬ

В.Гузанов

1

Спустив стаю сидящих на воде чашек, фрегат под Андреевским флагом сделал поворот, чтобы обойти остров Такабоко, за которым открывался мыс Кодзаки. Здесь, надо отметить, самое узкое место в «горле» Нагасацкой бухты, и, только миновав его, с судна можно было видеть невооруженным глазом панораму города, расположившегося на живописном предгорье. Самой приметной, пожалуй, из всех близких к бухте гор была гора Инаса, у подножия которой раскинулось селение с тем же названием.

Инаса была обжитым российскими моряками предместьем Нагасаки. Многие из них не раз сходили на берег в Нагасаки, и им были знакомы тут каждая улочка и каждый дом. С той поры как только здесь появились агентство Доброфлота, Российское императорское консульство, русское кладбище, морской госпиталь, рестораны «Санкт-Петербург», «Кронштадт», «Владивосток», «Варна» и мелкие трактиры с дешевыми закусками для нижних чинов, Инасу стали называть «русская деревня».

Была, как и положено, пристань. Шлюпки, катера, вельботы и баркасы с чужеземных судов приставали здесь и днем и ночью. И даже тогда, когда с моря дул порывистый свежий ветер, им не мешали суестьливые волны, шуршащие галькой на песчаном берегу.

Пристань — место приметное. Всегда можно встретить уличных торговцев, рикш, зазывал в питейные заведения, девиц, которые несли в себе заряд веселья и бодрости и могли объясняться по-английски и по-русски.

Но, пожалуй, больше всего обращала на себя внимание приезжающих девочка лет семи, одетая в яркое кимоно. Она повадилась ходить сюда недавно. И не для того, чтобы себя показать и на людей посмотреть, а тем более побиться. Нет, конечно. Она ждала корабль. И каждый раз, когда на берег сходили матросы, она спрашивала о фрегате «Память Азова». Чопорные янки и джимми с туманного Альбиона проходили мимо девочки, не удостоив ее вниманием. Со временем она научилась отличать по одежде русских моряков от американцев и англичан. И обращалась только к русским. Девочка ждала корабль, но нужного ей все не было и не было. Каждый месяц показывались в Нагасацкой

Гузанов Виталий Григорьевич, писатель-маринист.

бухте красивые русские суда, входили в гавань, гремели орудийные выстрелы салютов, но фрегата с именем на борту «Память Азова» не было.

Русские моряки, привыкшие видеть на пристани девочку с русыми волосами и светлым лицом, были приветливы с ней. То, что она японка, выдавал разрез глаз и произношение. Вместо привычного «матрос» или «господин матрос» она говорила «русиха матросика».

Кто не знал, спрашивал:

— Как тебя зовут?

Отвечала:

— Офудзи.

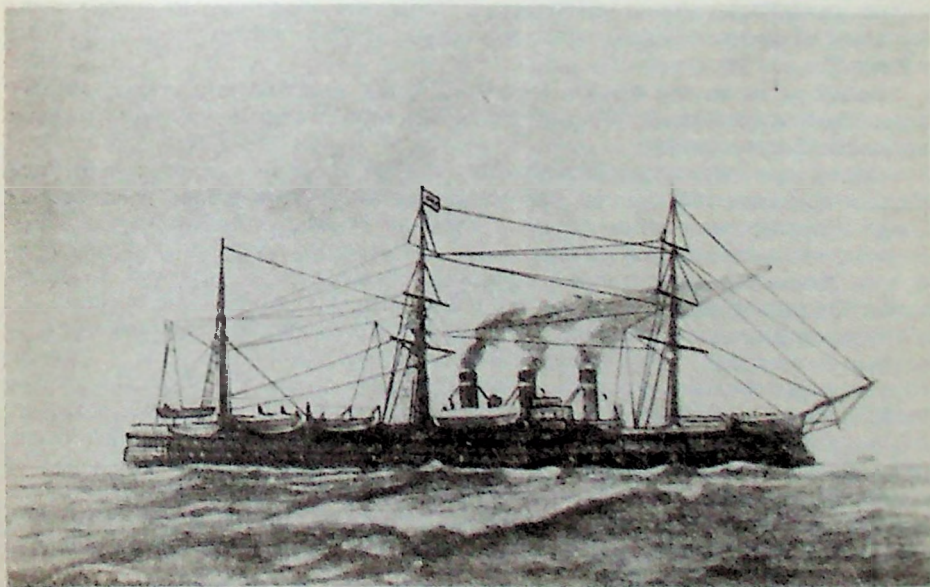
— Надо же? — удивлялся другой. — Мою сестренку зовут Феозва, а у японцев — Офудзи.

Но матросы не были склонны вдаваться в подробности, что и как и почему — мало ли на свете созвучных и схожих имен, — вызывались проводить девочку, не минуя лавок. Девочка поднималась по улице вместе с матросами и верещала что-то по-своему, словно белочка.

У небольшого домика, к которому приближалась ватага русских, стояла молодая женщина. Она смотрела в их сторону, вглядываясь в лица, видимо кого-то выискивая... Но кого? С ее губ не сходила улыбка, не гасли ласковые огоньки в черных, как спелая маслина, глазах. В конце концов японка убеждается, что среди русских нет того, кого она ждет, обращается к девочке:

— Иди домой, Офудзи, эти добрые русские не с нашего корабля. Наш еще в море...

Полуброненосный фрегат "Память Азова". Грав. Рашевский

— Мама, а он скоро вернется?

— Скоро-скоро, моя дорогая.

Моряки прощаются с девочкой, в ручонках которой много кулек с разными сладостями, кивают матери и сворачивают за угол дома, где начиналась и жила своей шумной жизнью главная улица портового города со многими лавочками и чайными домиками. Кто-то из матросов не выдерживает и замечает:

— Однако жалко девчущку. Кто ее отец?

2

Кто же отец этой японской девочки?

Можно, конечно, начать рассказ с того, как трудно велся поиск, чтобы убедить читателя — тайна была за семью печатями. Можно, разумеется, развернуть события в остросюжетном ключе, как это делается в приключенческих опусах. Все можно. Я же не сторонник шарад. На мой взгляд, в исторических эссе должны присутствовать открытость и правда. Ни то ни другое не нуждается в красочной конфетной обертке. Поэтому я начинаю с самого начала. И называю имя отца девочки. Это — Владимир Менделеев, офицер российского императорского флота.

У выдающегося русского ученого Дмитрия Ивановича Менделеева от первого брака было двое детей — сын Владимир и дочь Ольга. Женитьба на землячке из Сибири Феозве Никитичне, девушке образованной и скромной, не принесла счастья Дмитрию Ивановичу. Перед тем как идти под венец, молодой ученый даже предпринял попытку отказаться от суженой, но родная сестра Ольга Ивановна (жена декабриста Басаргина), опекавшая брата, писала ему: «Вспомни еще, что великий Гёте говорил: «Нет больше греха, как обмануть девушку». Ты помолвлен, объявлен женихом, в каком положении будет она, если ты теперь откажешь?»

Несмотря на то что Феозва Никитична была на шесть лет старше Менделеева, брак состоялся. В 1862 году после венчания молодые уехали за границу в свадебное путешествие.

Спустя три года в семейной жизни Дмитрия Ивановича и по службе произошли приятные события: он был утвержден экстраординарным профессором Санкт-Петербургского университета и у него родился сын Владимир. Для Менделеева, любившего детей и очень ждавшего ребенка, первенец был особо радостен. Появление на свет сына сделало отношение между Дмитрием Ивановичем и Феозвой Никитичной более теплыми. И надо сказать, семья с этого момента продержалась без малого двадцать лет. По свидетельству очевидцев — родных и знакомых, — Дмитрий Иванович питал высокое чувство к Володе. Будучи очень занятым человеком, ученый находил время для занятий с сыном, гулял с ним в окрестностях усадьбы Боблово, делился сокровенными мыслями, видимо поэтому Володя в непростых и мучительных перипетиях отцовской личной жизни часто становился на его сторону. Как всякий мальчишка, росший на линиях Васильевского острова в Петербурге, Володя восхищался кадетами и гардемаринами Морского училища, тем более что университетский дом, в котором жила семья Менделеевых, находился недалеко от старинного здания училища на Николаевской набережной.

Дмитрий Иванович не возражал, чтобы Володя поступил в Морское училище, которое относилось к разряду престижных высших учебных заведений. И преподавательский состав устраивал Менделеева, кое-кого он знал, например А.Ф.Можайского и Ю.М.Шокальского. Говорят, однажды Дмитрий Иванович по просьбе Володи прочитал для гардемаринов цикл лекций по химии. К этому времени также относится все более крепнущая связь Менделеева с морским министерством. Весной 1890 года, в год выпуска сына в чине мичмана, ученому предложили заняться разработкой бездымного пороха для вооружения русской армии и флота. Была открыта специальная лаборатория при морском ведомстве, главным руководителем которой стал Дмитрий Иванович. Вращаясь в кругах военных, Менделеев познакомился с адмиралами Н.М.Чихачевым, С.О.Макаровым, Ф.Ф.Врангелем, молодым ученым А.Н.Крыловым, одноклассником сына Владимира.

В упомянутом году Владимир Менделеев был зачислен в 8-й флотский экипаж, расположенный в Крюковских казармах Петербурга. Служба скучная и малоперспективная. Больше того, молодой мичман не имел корабельной вакаnsии. Менделеев-старший видел, что сын сильно переживал, когда его друзья уходили в дальние плавания, а он по чьей-то злой воле оставался сухопутным моряком. Находясь на берегу, не выполнишь морской ценз, дающий право на следующий чин. Для производства в лейтенанты необходимо было находиться в плавании в общей сложности не менее 50 месяцев. Лишь в конце 1891 года этот срок сократили до 40 месяцев. Как бы то ни было, а перед молодым Менделеевым встал вопрос ребром: море и корабль... или вылетай ко всем чертям с флота в запас.

Щепетильный в таких делах, как протекция, Дмитрий Иванович все-таки пересилил себя и пошел на поклон к великому князю Алексею Александровичу, шефу флота. Но многое зависело от управляющего морским министерством адмирала Н.М.Чихачева. Разговор был приблизительно такой. «Мой сын прозябает в Крюковских казармах, — сказал твердо ученый, — в столице много всяческих соблазнов, боюсь, как бы сын не сбился с курса. Отправить бы его в плавание, но не ведаю, на каком корабле лучше...»

Менделеев, конечно, ведал. Осенью уйдет с цесаревичем, будущим императором Николаем II, в дальнее плавание полуброненосный фрегат «Память Азова», недавно вступивший в боевое ядро эскадры Балтийского моря. Но наш рассказ не о цесаревиче, а о простом мичмане, зачисленном высочайшим приказом на этот фрегат вахтенным офицером.

Торжественный, полный высокой значимости акт выхода в заграничное плавание занимал многих, кроме, может быть, бывалых моряков, включая, разумеется, командира капитана 1-го ранга Г.П.Чухнина, начавшего морскую службу за год до рождения Владимира Менделеева. Командир в офицерской среде пользовался славой «морского волка», умел держать команду в строгом повиновении, порой не брезговал давать нижним чинам подзатыльники и зуботычины.

У мичмана Менделеева, как новичка, было по горло срочной, ответственной работы. Намаявшись за день, он уходил в каюту, но уснуть не мог. Впереди много неизведанного, неизвестные заморские гавани и наверняка ураганные ветры, сви-

---

Впоследствии фрегат «Память Азова» был переведен в класс крейсеров 1-го ранга, но чтобы не запутать читателя, автор будет писать «фрегате».

репые штормы... Конечно, он не впервые уходил в море — несколько раз совершал плавания по Балтике, будучи на практике гардемаринном, — но сегодня он отправлялся в ином качестве — вахтенным офицером. Для наглядности, думается, есть смысл объяснить, что такое в а х т а на судах старого российского флота. Весь экипаж корабля поделен на две вахты, а каждая вахта на две-три смены. От полудня, например, до полудночи несет службу в две смены 1-я вахта, а с полуночи до следующего полудня, в три смены, — 2-я вахта. Опытные моряки из числа лейтенантов назначались начальниками вахт, а все другие строевые офицеры — вахтенными и даже подвахтенными. Мичман Менделеев был зачислен во 2-ю вахту, начальником которой был лейтенант А.В.Акимов. Ему нравился Менделеев. Юный мичман был по всем статьям моряк — коренастый, широкий в плечах, крепко сбитый, а лицо выражало постоянное благодушие и доброту. С таким офицером он, Акимов, не будет знать забот в море.

В хмурый октябрьский день 1890 года фрегат «Память Азова» стоял на внешнем рейде Кронштадта под парами. Выход назначен назавтра поутру, так что до поднятия якоря оставалось полсуток. И по традиции накануне было отведено время для прощания с родственниками. Не стовариваясь, приехали в Кронштадт проводить сына Дмитрий Иванович и Феозва Никитична, с которой Менделеев-старший был уже в разводе. Расставание было тяжелым. А как тому не быть? Володя уходил в Тихий океан, где фрегату предстояло трехгодичное плавание. Феозва Никитична не плакала, но и по глазам было видно, что у нее все внутри плачет. Дмитрий Иванович гладил рукою свою длинную бороду, уговаривая бывшую жену: «Только без рева, все будет хорошо». Володя же — стыдно признаться! — с тайным нетерпением ждал, когда наконец вахтенный начальник объявит: «Дамы и господа, прошу покинуть корабль!»

Дмитрий Иванович вернулся в Петербург вечерним пароходом, дома его ждала дочь Ольга, он пожаловался ей, что у него изболелась душа за Володю, как теперь парень справится со своими непростыми обязанностями в походе и найдет ли общий язык с офицерами и матросами.

— Хоть он и крепок здоровьем, — добавил отец, — но ведь у него доброе, мягкое сердце. Справится ли он с суровым испытанием?

Дмитрию Ивановичу, по-видимому, передалось тревожное настроение Феозвы Никитичны, матери Володи и Ольги, по этой причине ему приходили несущественные мысли, что он видел Володю в последний раз. Ольга как могла убеждала отца, что нет места отчаянию, что три года — это не бесконечность. Надо взять себя в руки и ждать. Дмитрий Иванович ловил каждое слово дочери, но это не удержало его от слез...

Смутное беспокойство не могло быть долгим. За делами да в круговерти повседневности Менделеев, как служащий морского ведомства, не забывал заглянуть в Адмиралтейство, чтобы справиться о плавании «Памяти Азова». Командир фрегата посылал свои рапорты из иностранных портов через российских генконсулов, а также с okazji — пароходами Доброфлота, совершавшими трансокеанские рейсы Владивосток — Сахалин — Нагасаки — Гонконг — Коломбо — Стамбул — Одесса. Спустя какое-то время стали приходить письма от Володи, по ним семья Менделеевых могла проследить путь фрегата «Память Азова». Письма удивляли романтической приподнятостью стиля, вселяли успокоение. И прежняя грусть, что нет рядом дорогого человека, для которого делалось все, ради которого жил Дмитрий Иванович,

куда-то улетучилась. Уже не было той тревоги, которая охватила главу семьи в день проводов. Лишь бы ожидание не затянулось.

3

О том, как проходило плавание фрегата «Память Азова», можно долго рассказывать. Я же ограничусь несколькими фразами. К тому же маршрут на Дальний Восток русскими мореходами был изведен давно, а с открытием Суэцкого канала он даже стал короче, отпала надобность огибать мыс Доброй Надежды. Морская дорога накатана. Заранее известны и моря и океаны, какие суждено преодолеть. Изучены колебания катушки компаса. Она сообщает уверенность. Сосчитаны порты и якорные стоянки. Надо только обладать живостью воображения, чтобы представить себе курс корабля. На географической карте все без изменений. Сегодня, как и вчера, как много лет назад, путь из Гонконга обязательно приведет в Восточно-Китайское море, к южным островам Японии, что по-прежнему омываются водами Тихого океана. И по-прежнему на тех же градусах северной широты и восточной долготы находится порт Нагасаки, который манит к себе, и его трудно было миновать при следовании в российское заходьство — Владивосток.

Нагасаки... Кажется, что солнце никогда не покидает этот город. Он живет открыто, празднично, с размахом. Когда рассвело, команда «Памяти Азова» увидела тонкую сизую полосу, стелящуюся у зеленой кромки экзотического берега. На мостике подняли бинокли. Город еще спал. Он был пустынен и чист, словно после дождя. Его улиц и набережной еще не коснулись лучи восхода, но розоватый отсвет уже скользил по неподвижной воде бухты.

— Поздравляю, господа, — сказал лейтенант Александр Петров, — вы пришли в порт, где говорят по-японски и воспитывают изящных невест для моряков всех наций... Вы пришли в порт, где ценят остроумие и толстый кошелек. Нет, сначала кошелек, потом остроумие. Вы пришли в порт, где отблеск моря лежит на всем...

Всякий трудовой день на фрегате, как правило, заканчивается отдыхом, а вечером свободные от вахты офицеры отправлялись на берег, в рестораны и в дома двух популярных среди русских хозяек — Окана-сан и Окоо-сан.

Вообще говоря, мичман Менделеев отнюдь не собирался в первый день прихода в Нагасацкую гавань навестить столь знаменитые вертепы, о которых в кают-компания он слышал так много рассказов. Но его уговорил закадычный дружок.

В Нагасаки «Память Азова» оказался не единственным русским кораблем. За две недели до его прихода здесь встал на якорь корвет «Витязь», направленный к восточному побережью Корейского полуострова для географических работ и время от времени навещавший Нагасаки. На «Витязе» служил однокашник работ и время Менделеева по Морскому училищу мичман Сергей Лутонин, веселый и жизнерадостный, как говорили в те старые годы — «шармер» и покоритель дамских сердец. Сергей Лутонин сказал:

— Я тебя приведу в один дом, откуда тебе не захочется уходить.

Сколько самых разных глупостей делают молодые моряки в иностранных портах! Делают запросто и без стеснения, а потом клянут себя на чем свет

стоит. Казалось бы, Владимир Менделеев воспитывался в профессорской семье, где были строгие порядки, подобное легкомыслие ему противопоставлено, но он смело вошел в дом следом за другом. Офицеров встретили три юные японки, взглянув на Лутонина, улыбнулись, и до конца вечера очаровательные улыбки не сходили с их лиц. А потом все пошло так, как предсказывали бывалые офицеры с «Памяти Азова». Владимир подписал брачный контракт с хозяйкой дома Окоо-сан, считая, что он поступает благородно, как человек чести. Девушка по имени Така становилась его временной женой, пока фрегат стоит в гавани. А главное, здесь, в Нагасаки, не надо было преодолевать сопротивление родственников — отца с матерью. Здесь, в Нагасаки, каждый юный мичман чувствовал себя взрослым и вполне самостоятельным. Заключая контракт, морские офицеры далеко не заглядывали. По их расчетам, сколько времени будет находиться в Нагасаки судно, столько и будет длиться «семейная жизнь». Месяц-два, а может, и все три. За этот срок, конечно, что-то можно посеять, но вырастить едва ли. Все шатко и неопределенно, как в свежую погоду, когда палуба уходит из-под ног...

Я несколько не преувеличиваю, описывая поступок мичмана Менделеева. Не он первый и не он последний. Бывалые офицеры всегда опекали молодых, когда корабль оказывался в Нагасаки. Они же знакомили с поставщиками, проявлявшими заботу о снабжении русских судов провизантом, углем и водой. Не обходили стороной и ресторан «Фукуя», хозяйкой которого являлась Окана-сан, при посредничестве этой госпожи офицеры заключали брачные контракты с молодыми японками. По сути дела, Окана-сан обеспечивала девушек твердым заработком. Неверно было бы думать, что подобным ремеслом промышляла одна Окана-сан. Были и другие дома, как, например, упомянутый дом Окоо-сан.

Сегодня об этом можно прочитать в сентиментальном романе Валентина Пихуля «Три возраста Окини-сан». Но если кто-либо из читателей не склонен верить автору, то можно обратиться к документальным произведениям писателя В.Крестовского «В дальних водах и странах», адмирала Г.Ф.Цивинского «50 лет в Императорском флоте».

Реальный мичман Владимир Менделеев с фрегата «Память Азова», подобно литературному персонажу Валентина Пихуля мичману Владимиру Коковцеву с клипера «Насздник», подписал брачный контракт с хозяйкой дома Окоо-сан, а Коковцев — с Окини-сан. Всего-то и разница. А в остальном — одно к одному.

Боюсь соврать, но, кажется, на стыке девятнадцатого и двадцатого веков появилась незатейливая моряцкая песенка о девушке из Нагасаки с припевом:

У нее такая маленькая грудь,
И губы алые, как маки.
Уходит капитан в далекий путь,
Оставив девушку из Нагасаки.

Это то, что сохранилось в памяти. Нет слов, может, кое у кого из читателей песенка вызовет улыбку. Хотелось бы спросить: «В бананово-лимонном Сингапуре...» Александра Вертинского или, скажем, его же: «Где Вы теперь? Кто Вам целует пальцы? Куда ушел Ваш китайчонок Ли? Вы, кажется, потом любили португальца, а может быть, с малайцем Вы ушли», — разве эти стихотворные

строчки не одного же ряда, что и песенка о девушке из Нагасаки? Не торопитесь строго судить неизвестного мне автора.

Я немного оталекся, но ведь все по делу. Несмотря на то что встречи Така-сан с Владимиром были редки, она забеременела. Девушка не знала, как сказать ему об этом, потому что чувствовала себя виноватой. Не уберелась от того, что не было предусмотрено брачным контрактом. И конечно, молчала дальше. Хотя были, видимо, такие минуты, когда могла бы признаться: «Милый, у меня под сердцем биение новой жизни». Не открылась. Надо полагать, Така-сан надеялась, что с рождением ребенка ей выпадет вся полнота семейного счастья. Удвоится, так сказать, обоюдная привязанность. Забыв при этом, что офицер всего-навсего супруг по контракту. Его не связывают никакие путы после окончания срока. К тому же, будучи моряком, он сегодня здесь, а завтра там. Корабль, как известно, долго не задерживается в одной гавани. Супруг по контракту — это не состоящие привязанности, а просто-напросто сделка. Кажется, Лев Николаевич Толстой, прекрасно разбиравшийся в жизни, говорил, что счастлив тот, кто счастлив у себя дома. Супруг по контракту не мог, видимо, и думать, что его дом в Японии. Рано или поздно тот же корабль увезет его в Россию, увезет туда, где родина, где дом.

Теперь, мне кажется, наступил момент познакомиться читателей с письмом Така-сан.

«Нагасаки.

Дорогой мой Володя!

Я нестерпимо ждала от тебя письма. Наконец, когда я получила твое письмо, я от восторга бросилась на него и к моему счастью в ту минуту (думается, Така-сан хотела сказать: я с восторгом взяла его в руки, в тот момент) Г.(господин) Сига приехал ко мне и прочитал мне подробно твое письмо. Я узнав о твоём здоровье успокоилась. Я 16/28 января в 10 ч. вечера родила дочку, которая благодаря Богу здравствует, ей я дала имя за честь (в честь) — Фудзияма — Офудзи. Узнав о моем разрешении на другой день навестили меня с «Витязя» Г.(господин) Рутонин (Лутонин) вместе с Бенгоро¹, Г.(господин) Петров с Г.(господином) Эбергардом и Отоку-сан² и командир «Бобра» (О.А.Энkvист) с Омац³ и кроме того от многих знакомых дочка наша Офудзи получила приветствующие (поздравительные) подарки. Все господа, которые видели милую нашу Офудзи говорили и говорят, что она так похожа на тебя, как пополам (две половины) разрешенной тыхвы (Ури-ва футачу-ни вариси готоси, т.е. по-русски как две капли воды). Этим я крайне успокоилась (довольна), так как теперь совершенно без среда (без средств), пояснился (пронесся) мрачный слух, носившийся при тебе. Теперь я получила благодаря хлопота (хлопотам) 2-на Сиги от Окоо-сан⁴ присланные от тебя 21 ен 51 сен; за это благодарю тебя. Какая я несчастливая, представить себе на кануне (накануне) моего разрешения (благополучно разрешилась девочкой), т.е. 15/27 января у меня умерла мать моя. С того времени как ты уехал из Японии не от кого получить деньги, а между тем матушка моя долго от болезни в постели наконец ее пришлось хоронить да родилась дочка — эти все требовались расход, а мне не у кого достать деньги.

В скобках авторская расшифровка письма. Орфография и пунктуация — по подлиннику.

Так я вынуждена была просить г-на Петрова, у него, по всей вероятности, также не были свободные деньги, потому что он мне давал зашмообразно по 10 ен в три раза (по три раза) и кроме того 10 ен он подарил нашей дочке, так что от г-на Петрова я получила всего 40 ен.

С того время как ты оставил Нагасаки я заложила свои часы, кольцо и прочие вещи и заняла у знакомых слишком 200 ен (больше 200 ен). Не умею объяснить тебе как я училась (мучилась) не получая от тебя ни разу письма.

У нас в Японии, когда родится ребенок устраивают ради новорожденной праздник, одевают ее (в) новый костюм и посылают в храм, (с) родственникам (и) и знакомым (и), приглашают родных и знакомых на обед; все это деньги, а я не имея денег до сих пор не могу это сделать. Так мне крайне стыдно перед знакомыми. Имея твою дочка (твою дочку) мне нельзя и не желаю выдти другим (за другого) замуж и потому после смерти мати (матери) я с дочкой буду ждать тебя. Так как мать умерла, то мне должно (я должна) возвратить дом, где мы живем и купить дом, где будем жить. Мы с дочкой будем ждать тебя (и) от тебя известий. Я желаю послать тебе как можно поскорее фотографическую карточку нашей дочки, но теперь еще не сделана, а пошлю при следующем письме. Когда будешь писать или прилешь мне деньги пришли (присылай) всегда через Г.(господина) Сиги. Мы с дочкой молимся о твоём здоровье и чтобы ты нас не забывал либо (ибо) ты есть наша сила.

Твоя верная Така

перевел А.Сига.

Нагасаки 6/18 апреля 1893 г.*

Признаюсь, дорогой читатель, когда я познакомился с этим трогательным письмом, мне как-то неловко стало, будто в тайну чужую ненароком заглянул. Но потом подумал: сто лет без малого прошло с той поры — срок большой. И потом, коль скоро мы бесцеремонно «залезли в душу» великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина, знаем не только его письма, но и почти все его донжуанские похождения, почему же должны краснеть и стыдиться этого поступка? Ведь письмо молодой японки сегодня уже история. И если к истории прикоснуться чистыми руками, то ничего плохого в том нет.

Не знаю, в какой раз — может, в сотый, — прочитал я письмо и подумал: замечательная женщина Така-сан. Нет ни одной злобной строчки, резкого выпада, обвинения в адрес нашего героя. Она не поддавалась безудержной ненависти, потому что не потеряла женскую доброту, без которой в жизни можно все потерять. Потеряешь, да не найдешь.

Не стану строить догадки, ибо Така-сан поступила в своих чувствах по-женски: в трудные для нее дни открыто попросила помощи и... «чтобы ты нас не забывал либо (ибо) ты есть наша сила».

Хорошо сказано: ты есть наша сила.

Свет не без добрых людей. В своем письме Така-сан упоминает имена русских морских офицеров, которые посещали ее и новорожденную Офудзи. Приходили, разумеется, не с пустыми руками. У нас по-другому не принято. И подруг нагасацких не забыли прихватить. Видимо, Отоку-сан, Омацу-сан и Така-сан — девушки из одного дома госпожи Окоо.

Я не знаю, все ли офицеры, как Сергей Лутонин, являлись большими приятелями Владимира Менделеева, но не могу не восхититься их поведением. Они поступили, как подобает людям, живущим по христианской заповеди: не оставь в беде ближнего. И конечно же, я увидел в их поступке чувство достоинства, взаимовыручку, чистосердечие, рыцарское отношение к японской женщине...

Читателям, наверное, небезынтересно знать, кем были наши офицеры и как протекала их служба потом? Сразу скажу, что всех их — Лутонина, Петрова, Эбергарда, Энkvиста, включая и Менделеева, — несмотря на разницу в годах и чинах, объединяла совместная служба на фрегате «Память Азова» и корвете «Витязь». Оказавшись на Дальнем Востоке, они меняли, не по своей воле, корабли, росли по службе, кто-то быстро делал карьеру, а кто-то продолжал ждать царской милости... К началу русско-японской войны 1904 — 1905 годов Сергей Иванович Лутонин в чине капитана 2-го ранга служил старшим офицером на эскадренном броненосце «Полтава». После капитуляции Порт-Артура оказался в плену в японском городе Мацуяма, что на острове Сихоку.

В те же самые годы в Порт-Артуре находился Андрей Августович Эбергард. Некоторое время он был флаг-офицером при штабе 1-й Тихоокеанской эскадры. Его отмечают при аттестовании как работоспособного офицера и откомандировывают в Главный морской штаб. С 1907 года он занимает последовательно должности — командующего отрядом учебных кораблей Балтфлота, командующего Черноморским флотом (1911 — 1916). Уходит в отставку в чине вице-адмирала.

До адмиральских погон дослужился и Оскар Адольфович Энkvист. Русско-японская война застала его на посту командующего Николаевским портом. Когда формировалась 2-я Тихоокеанская эскадра, его отзывают на Балтику и назначают командиром крейсерского отряда, в который входили «Аврора», «Олега», «Жемчуг»... В Цусимском сражении завязал поединок с японскими крейсерами, но бой, как известно, выигран не был. Несмотря на то что офицеры «Олега», на котором Энkvист держал флаг младшего флагмана, и «Авроры» настаивали идти на прорыв во Владивосток, контр-адмирал принял решение пополнить запасы топлива в Шанхае, а затем уже прорываться... Было упущено время, и крейсера оказались в Маниле, далеко от места боя в Владивостоке.

Петров Александр Васильевич после службы на Дальнем Востоке вернулся в Кронштадт, командовал крейсером «Адмирал Корнилов». В отличие от последних двух соплавателей не получил адмиральский чин, так как не выслужил морской ценз в плавании на кораблях для капитанов 1-го ранга, его произвели в генерал-майоры по адмиралтейству.

Что же до духовных путей — тут дело ясное. Все они служили царю и Отечеству.

Осталось уделить внимание переводчику письма А.Сиге. Этот японец был связан с русскими моряками лет тридцать с гаком. Для соотечественников он Сига Уротароо, а для русских — Александр Алексеевич Сига. Зная об этом, Така-сан и обратилась к нему за помощью. В начале 60-х годов российский консул И.А.Гопшкевич привез юного Сигу из Нагасаки в Хакодате для обучения русскому языку. Когда началось освоение деревни Инаса русскими моряками, Сига отдал в аренду нашему консульству участок земли, на котором были построены шлюпочный сарай, подделочные мастерские и морской госпиталь, раз-

мстившийся в двух японских домах, правда затем переделанных и приспособленных под лечебное заведение. Спустя несколько лет Сига уехал в Санкт-Петербург, где состоял секретарем при японском посольстве, там же принял православную веру и стал Александром Алексеевичем, фамилию только оставил прежнюю — Сига.

Недалеко от морского госпиталя, в Нагасаки, через дорогу, находился дом Сиги. Приезжим в Инаса он бросался в глаза тем, что из мезонинного окна был вывешен мундир чиновника со знаками отличия и лампасами на бриджах. По этим домашним реквизитам, чем-то напомиавшим рекламу, наши моряки догадывались, что здесь живет японский друг Сига-сан. И если возникала нужда в каком-либо деле, он всегда к услугам. Не беда, если не застанете дома. Оставьте визитную карточку. Он сам разыщет вас. С какими просьбами обращались к Сиге? Связь и сделка с коммерсантами, перевод документов и писем, отправка денежных переводов в Россию, знакомство с достопримечательностями Нагасаки и загородные поездки... За всем этим шли к Сиге. Знали — поможет. Местные жители тоже прибегали к его помощи. О чем в данном случае свидетельствует письмо Така-сан Владимиру Менделееву, переведенное с японского на русский Александром Алексеевичем Сигой.

Однако, как мне кажется, посланное Така-сан письмо в Петербург едва ли застало Менделеева. Фрегат «Память Азова», на котором он продолжал служить вахтенным офицером в чине лейтенанта, ушел снова в дальнее плавание. Под флагом вице-адмирала Н.И.Казначеева фрегат «Память Азова» ходил с отрядом крейсеров в США на празднование 400-летия открытия Америки Христофором Колумбом. Состоялся еще один визит русских кораблей, о котором восторженно писала вся мировая пресса, визит во французский порт Тулон. На этот раз под флагом контр-адмирала Ф.К.Авелана. Чтобы не быть голословным, приведу несколько строк из журнала «Нива» за 1893 год.

«Около полудня наша эскадра, — писал корреспондент, — сопровождаемая встретившими ее французскими судами, стала вырисовываться в той особенной ослепительно-серой дымке, которая стелется на море в жаркий солнечный день. Вот очертания становятся яснее и яснее, еще минута — и величественная, красивая эскадра наша вступила на рейд, на грот-мачтах всех ее судов взвились французские флаги, и грянули гулкие, мощные раскаты пушечных выстрелов: наш адмиральский корабль приветствует салютом Францию... Не странно ли — этот грохот орудий, страшный в дни раздора, во время войны, служит первым выражением и великого торжества мира!.. И весь рейд огласился кликами приветствия: «Да здравствует Россия!», кликами, которые были услышаны во всей нашей раскинувшейся от Черного до Белого моря стране и заставили шибче забиться каждое русское сердце...»

Автор не написал, докатились ли раскаты пушечных выстрелов до Дальнего Востока. Ограничился только двумя морями — Черным да Белым. Сузил масштабы России. И напрасно. Российский императорский флот бороздил воды Тихого океана. Разве же не пульсирует здесь жизнь? Еще как! Здесь на глазах всего мира Япония энергично пожинала плоды своей агрессии против Китая. Вторгшись в Корею и оккупировав ее, японцы в ноябре 1894 года захватили Порт-Артур, а в феврале следующего года Вэй-Ха-Вей, что открывало им путь во внутренние районы Китая. Эта агрессия и кабальный мирный

договор, который Япония навязала побежденному Китаю, создали опасный очаг напряженности на Дальнем Востоке.

Почтовая связь Нагасаки с Петербургом постоянно рвалась.

4

Время шло, дни за днями, месяцы за месяцами. Така-сан томилась ожиданием писем и появлением на рейде русского корабля. Отправляя девочку на пристань, она садилась на раскладной стульчик у крыльца дома и ждала. Может, придет. Придет тот, кто должен вернуться из далекого плавания. Ведь не может же он оставаться там... за невидимым горизонтом. Ведь она так его ждет. Где та весна 1891 года, когда «Память Азова» пришел с цесаревичем Николаем? Где праздник души, что принес ей короткое счастье?..

Недаром же в русской поговорке говорится: «Не горюй по вчерашнему — жди завтрашнего». Японская девочка и ее мать Така-сан все-таки дождались. Их долготерпение было вознаграждено. Русский фрегат «Память Азова» появился в Нагасацкой бухте в мае 1899 года. Пришел, можно сказать, неожиданно для команды, которая жила надеждой на скорое возвращение домой — в Кронштадт.

Обычно после трехлетнего плавания — плавания на износ — суда Тихоокеанской эскадры прокладывали курс на Балтику. Происходила смена кораблей, подобно смене гарнизонного караула. Однако Главный морской штаб стал игнорировать сложившуюся годами практику, полагая, что с момента взятия в аренду Порт-Артура появилась возможность ремонтировать корабли на месте их базирования. На что начальник эскадры вице-адмирал Ф.В.Дубасов резонно ответил: «...без материалов работать невозможно, а в Порт-Артуре их нет, и во Владивостоке их недостаточно». Выручили в конце концов японские судоремонтные верфи, без которых, говоря словами Ф.В.Дубасова, большая часть кораблей не могла бы теперь двигаться. Вот почему «Память Азова» снова оказалась в Нагасаки.

Фрегат пришел, но в его экипаже лейтенанта Владимира Менделеева не было. С глубоким прискорбием Така-сан узнала, что ее любимого нет в живых. На похоронах бывшего сослуживца из команды «Память Азова» никого не было. На то были объективные причины: Владимир умер на берегу, а корабль находился в море. Трудно сказать, когда (сейчас вли немного раньше) Така-сан поняла: нельзя жить только воспоминаниями, огорчениями, обидами. Поняла, может, в тот самый момент, когда офицеры с «Памяти Азова» принесли ей печальную весть. Поняла, что ждать счастья неоткуда. Счастье не за тридевять земель, а всегда где-то рядом. Ей показалось, что она уподобилась старухе, которая ищет очки, а они у нее на носу. Выходит, счастье с ней. В ней самой. Счастье — это она сама. Жизнь продолжается.

Така-сан наверняка не знала, как протекала жизнь Владимира Менделеева в последние годы. Что с ним случилось и как он умер? Поступим, как делают кинематографисты, придадим пленке вращательное движение назад...

Убежден: человек так устроен, что к нему неизбежно приходит пора, когда нельзя не вспомнить, не обдумать, не переоценить все, чем жил, что и как делал. Владимир Менделеев, видимо, понимал, что, пока служит под началом такого командира, как Чухнин, придется мучиться, корить себя за то,

что вовремя не списался с «Памяти Азова» на другой корабль. У капитана 1-го ранга Чухнина ничего достойного нельзя было перенять для себя. Но дело не только в этом. Служба, не хотелось обречь себя на моральное одиночество. Лучше уйти с флота и заняться чем-то другим. Он так и сделал. В канун 1895 года лейтенант Менделеев подал рапорт об отставке. И она была принята.

Нельзя сказать, что с разочарований началась гражданская жизнь Владимира Менделеева. Еще вчера он был обязан, наспех позавтракав, спешить, на ходу пристегивая портупею кортика, на подъем Андреевского флага. А после развода команды по работам цыкать на матросов, чтобы тщательно драили медяшку и насухо швабрили палубу... И это называется служба? Он устал от нее. Пусть она катится сама собой, а он будет вести другой образ жизни. Авторитет профессора Менделеева открыл ему двери в Министерство народного просвещения инспектором мореходных классов. Должность, позволяющая заниматься историей возникновения торгового мореплавания в России, публиковаться в научных журналах. Он был приглашен сотрудничать в «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона, закончил трактат «Проект поднятия уровня Азовского моря запрудой Керченского пролива» — предисловие к этой работе написал Дмитрий Иванович, полагая, что сын приобретет опыт и станет его поверенным в делах. Все складывалось как нельзя лучше.

В горячую пору курсантских экзаменов и перед тем, как юношам отправиться в практическое плавание на судах, инспектор Менделеев выезжал в мореходные училища. Только в 1898 году побывал в Архангельске и Кемь, в Херсоне и на Азовском море. Стояла поздняя осень. Раньше организмы Владимира Дмитриевича легко справлялся с разными недугами, а тут вышел сбой. Сначала не придавал простуде значения, решил, что перенесет на ногах, но болезнь так скрутила его, что пришлось лечь в постель. Владимир Дмитриевич умер в несколько дней от воспаления легких. За неделю до смерти Менделеев-старший беседовал с ним, а вести о болезни его, посылаемые Фезовой Никитичной и женой Владимира Дмитриевича — Варварой Кирилловной Лемох, до Дмитрия Ивановича не доходили. Как потом выяснилось, вторая жена Менделеева, Анна Ивановна, получала письма, но мужу не показывала. По-видимому, после смерти сына для Анны Ивановны навсегда захлопнулось сердце Дмитрия Ивановича.

Смерть Владимира, любимого сына, так потрясла Менделеева, что он не смог даже быть на похоронах.

Не стало Володи...

Не стало первенца. Он рос в достатке и любви, он часть самого Дмитрия Ивановича, который вложил в сына всю душу. Недаром близкие к Менделееву люди утверждали, что, когда он хотел выразить восхищение каким-либо явлением в природе, оценить особенно высоко, Дмитрий Иванович говорил: «Как Володю люблю».

5

Дорогим и близким был Володя еще для одного человека. Ее звали Така. И жила она в далекой Японии. В дни сложных отношений ее родины с Россией она

боялась за свою судьбу и судьбу внебрачной дочери. Находились люди, которые попрекали за любовную связь с русским морским офицером. А что в будущем? Могло ли пройти бесследно, что девочка была лишь наполовину японка? Кроме того, как признавалась Така в письме Владимиру: «...она так похожа на тебя, как две половинки разрезанной дыни...» Нет сомнения, что мать завещала дочери сохранить память об отце. Офудзи было шестнадцать, когда мать привела ее на русское православное кладбище. Здесь настоящее и прошлое. Два мира, таких разных у японцев и русских. Прошлое не забывалось, хотя спустя полтора десятка лет оно воспринималось несколько иначе, будто сквозь мутное стекло... И время было другое — шел 1909 год. Японские власти разрешили перезахоронить русских солдат и матросов, умерших в японском плену от ран и болезней. Тогда вся Инаса стеклась на кладбище. Мать показала дочери могилы матросов с фрегата «Память Азова». На одной из каменных плит читалась надпись: «Матрос 1-й статьи крейсера 1-го ранга «Память Азова» Ганс Вельман 26 лет от роду. Утонул 17 февраля 1891 года на Нагасагском рейде».

Японки прибрали могилу, украсили цветами, после чего мать сказала:

— Я была на похоронах матроса вместе с твоим отцом. Когда тебе будет очень плохо, приходи сюда. Культ предков нам не запрещает такие поступки. Сказано: только тот истинный японец, который чувствует в своем сердце страдание.

В высоте, неподвижные, висели облака над деревяней Инаса, и отчетливо гудел колокол кладбищенской церкви.

И снова потянулись дни лихолетья. Немало войн пережили Россия и Япония. Нарождались и умирали небесные луны по буддийскому календарю. В Нагасаки, как и прежде, стали на рейде появляться русские суда. Они были уже не те и под другим флагом — красным. О таких, как фрегат «Память Азова», новое поколение жителей и слыхом не слышали. И конечно, уже не было тех трогательных встреч и проводов, какие происходили в прошлом.

Вокруг нас и рядом с нами неторопливо текла жизнь. Всем хотелось, чтобы мир стал лучше, но не знали, как это сделать. Искали пути. За большим не видели малого. И едва ли кого интересовала судьба отдельного человека. Все больше говорили о народе и от имени народа. Может, поэтому в свое время никого не интересовало, как сложилась судьба Офудзи — дочери Владимира Дмитриевича Менделеева. Может, она счастливо вышла замуж и родила сына или дочь. Сегодня может статься, что ее детям за семьдесят, а внукам за сорок. И живут они по-прежнему в Нагасаки. (Ох, как хотелось бы так думать!)

Живут и не ведают, что их прадедушка — ученый с мировым именем, что в старших классах гимназий обязательно знакомят с периодической системой элементов Д.И.Менделеева...

Живут и не ведают, что они родственники выдающегося русского поэта Александра Блока, женатого на дочери Менделеева — Любови Дмитриевне, которая является кровной сестрой Владимира Дмитриевича — отца Офудзи.

Живут и не ведают, что можно поехать в Россию, посетить Санкт-Петербург, где родился и скончался Владимир Дмитриевич — глава рода. А на обратном пути из северной столицы можно заглянуть в усадьбы Боблово и Шахматово — исторические места, связанные с Менделеевыми, Бекетовыми и Блоками. Там в летнее время жили и отдыхали эти знаменитые семьи.

И последнее, что мне хотелось сказать. Если вам, дорогой читатель, доведется побывать в Нагасаки, не поленитесь вспомнить роман «Мадам Батерфляй» американца Джона Лютера Лонга, по мотивам которого написано либретто оперы «Чио-Чио-сан». В тенистом уголке местного парка вы найдете в покорном поклоне скульптуру героини классической музыкальной драмы с ребенком, сиротливо прижавшимся к ее коленям. Постойте молча, может, эта бронзовая статуя напомнит вам, что произошло сто лет тому назад в неправдоподобно романтическом городе Нагасаки, когда на рейде его бухты встал на якорь фрегат «Память Азова».

Как это было давно!

---

¹ Бенгоро — японский поставщик в Нагасаки, проживал в квартале Дессима. Хорошо знал русский язык. За оказанные услуги командам русских судов великий князь Алексей Александрович наградил Бенгоро часами и морским офицерским кортиком. Этими наградами Бенгоро очень гордился и всем показывал как подарок царской семьи.

² Отоку-сан — супруга по контракту лейтенанта А.А.Эберггарда с корвета «Витязь».

³ Омацу-сан — супруга по контракту капитана 2-го ранга О.А.Энквиста, командира капонерской лодки «Бобр».

⁴ Окоо-сан — хозяйка дома, с которой русские офицеры заключали брачные контракты.

Прошлое: голос очевидца

ДВАЖДЫ ПЕРЕВЕРБОВАН

С.Белоусов

Глава 10.

Пикантная шутка и интермедия

И меня и его кусала одна и та же вошь.

Генрих Гейне

180 тысяч долларов за два часа

На следующий день после отъезда из Харбина комиссии Литтона шеф разведслужбы вызывает Весту к себе. Он в превосходном расположении духа:

— Наконец мы можем спокойно вздохнуть. Правда, кто знает, что эти старухи расскажут там, в Женеве? Ладно. Могут говорить все, что им заблагорассудится, нам, японцам, по большому счету наплевать... Благодарю вас за хорошую работу. В докладе, который я сейчас готовлю для Токио по поводу визита комиссии, непременно будет упомянуто и ваше имя — в самом лестном контексте. Думаю, что очень скоро вы сможете завоевать наше полное доверие. Меня, во всяком случае, это не удивит. От себя советую вам стать гражданином Маньчжоу-Го — этим вы порвете последнее звено цепи, связывающей вас с Китаем. Что вы на это скажете?

— Я подумаю. Вы ведь понимаете, что сменить гражданство — далеко не то же самое, что изменить программу в моем театре живых картин. Хотя и это сейчас не просто. Повторяю, я должен подумать.

— Ну что же, как только решитесь, обращайтесь прямо ко мне. Я с удовольствием дам вам рекомендацию. А теперь я намерен доказать вам, насколько мы вам доверяем...

Выясняется, что в плену у нападавших на Хэндоо отрядов нерегулярных войск — около 500 японских солдат, в том числе 30 офицеров. Они разделены на две или три группы, самая многочисленная содержится где-то на линии Пограничная — Харбин. Несколько дней назад полковник К. и ротмистр С. сообщают японцам, что готовы произвести обмен пленными — по два своих человека на одного японца; кроме того, они требуют контрибуции в пять тысяч долларов. Японцы согласны обменять пленных, но не намерены платить ни цента. Существуют разногласия и относительно того, где и как осуществить обмен.

— Вот я и подумал о вас, г-н Веспэ, как о человеке, способном успешно завершить переговоры, которые ведутся уже более полутора месяцев, но безре-

зультатно. Многие из главарей этих партизан — бывшие офицеры китайской и русской армий, вы можете их знать и добьетесь более выгодных для нас условий. Я даю вам *carte blanche*. Единственное, чего я требую, — строжайшая секретность. Никто не должен знать, что японские солдаты попали в плен к бандитам. Если об этом расскажут сами бандиты, мы опубликуем опровержение, и им никто не поверит. Но если проговоритесь вы, ситуация будет совершенно иная... Итак, на днях эти партизаны приплот сюда своего эmissара. Вы отправитесь с ним в их лагерь и проведете там переговоры. И еще. Я поручаю вам лично удостовериться в том, что в плен действительно захвачено указанное число наших людей.

— Позвольте заметить, что если вожаки партизан — бывшие офицеры, то им должно быть известно, что я — китайский гражданин, долгие годы находившийся на службе у местных властей. Не кажется ли вам, что они могут просто пристрелить меня как изменника?

— Уверяю вас, вам нечего опасаться. Мы посылаем к ним своих эmissаров не в первый раз, и они всегда относились к ним с должным уважением.

Веспа отмечает про себя, что, вероятно, китайские хункузы более щепетильны и в отличие от японцев держат данное слово. Итальянец напоминает шефу, что недавно один японский майор в Хайларе приказал подвергнуть пыткам, а потом повесить двух представителей советских властей — предварительно дав им разрешение пересечь советско-маньчжурскую границу, чтобы вернуть на свою территорию коровье стадо, уведенное японскими солдатами.

— Советские русские — это постоянная наша головная боль. Будь моя воля, я бы их всех повесил... А теперь вам пора. Как только связник партизан будет здесь, я дам вам знать.

В доме Веспы на Диагональной дожидается его агент N 1. Как только они входят в кабинет, посетитель плотно прикрывает двери и сообщает, что агент N 4 куда-то исчез; поиски его на протяжении двух дней ни к чему не привели. Веспа немедленно наводит справки, и в отеле, где последнее время жил 4-й, ему говорят, что тот выехал три дня назад, захватив все свои вещи. Телефонные звонки в Дайрен и Шанхайгуань не дают никакого результата.

На следующий день в банкетном зале отеля «Модерн» один из коридорных передает Веспе запечатанный конверт. В нем — письмо от его N 4, написанное на фирменном бланке отеля. Содержание письма просто ошеломляет.

Дорогой г-н Веспа,

Я вынужден покинуть Маньчжурию, ибо на то есть веские причины: японцы, заставившие меня против моей воли оказывать им услуги в темных делах, теперь попытались убрать меня с дороги. Но я не могу уехать, не оправдавшись в Ваших глазах, поскольку Вы всегда относились ко мне уважительно. Ниже приводятся истинные мотивы, побудившие меня к бегству.

Прошлым месяцем два жандармских капитана, с которыми я когда-то работал в Мукдене, посвятили меня в свой план — захватить как задолжника директора Китайского коммерческого банка, расположенного в китайском районе Харбина — Фуцзядяне. Поскольку у него была сильная охрана, мы решили его арестовать. Русский агент жандармерии сержант Книпе, двою японских жандармов и я отправились к банку домой, арестовали и отвели в пустой дом возле отделения жандармерии в том же Фуцзядяне. Там нас ждали оба капитана.

Похищенного подвесили за ноги вниз головой. Потом была арестована и доставлена сюда же его жена. Ей показали мужа и сказали, что он будет находиться в таком положении до тех пор, пока она не принесет 300 тысяч долларов. Через два часа она вернулась со 180 тысячами наличными, которые и отдала капитанам, уверяя, что не смогла за такое короткое время собрать всю сумму, но обещала достать оставшиеся 120 тысяч в 15-дневной срок.

Директора отпустили, и как только они с женой ушли, капитаны вручили мне и Книпе по 10 тысяч долларов, заставив поклясться, что мы никому никогда ничего не скажем.

Но сегодня утром меня вызывает начальник японской консульской полиции, говорит, что ему известно о захвате заложника, и требует отдать ему 8 тысяч — иначе будет отдан приказ о моем аресте. Я слишком хорошо знаю японцев, чтобы не понять, что за игра начинается. Теперь, даже если я отдам деньги, они все равно в конце концов покончат со мной. Вот почему мне лучше исчезнуть вместе с той небольшой суммой, которая у меня есть, и начать новую жизнь в каком-нибудь тихом уголке, подальше ото всех этих Пу И, Доижар и Кислицыных.

Прошу извинить за ошибки, если таковые были, и верить мне.

С уважением,
Ваш Младший командир N 4.

Внизу — приписка карандашом:

Я попросил коридорного передать Вам это письмо только на третий день после моего отъезда. Пожалуйста, уж не браните его.

Прочитав письмо, Веспя едет прямо к шефу. Против ожидания тот не выходит из себя. Напротив, воспринимает всю историю как пикантную шутку, долго смеется:

— Вот это я называю быстрой работой! 180 тысяч долларов всего за два часа. Замечательная парочка негодяев эти капитаны. Право, за свою находчивость они заслуживают того, чтобы их оставили в покое вместе с их деньгами. Но сумма уж слишком велика. Представляю, как они будут разочарованы, когда узнают, что мне известна вся эта история и что им придется вернуть в нашу казну большую часть полученных денег. Но больше всего меня удивляет, что они вели себя, с одной стороны, как прожженные мошенники, а с другой — как полные идиоты. Как могло им прийти в голову отдать 20 тысяч двум русским? Невероятно! Если наши армейские офицеры, бедные как церковные крысы, узнают о подобных вещах, они совершат революцию.

Шеф звонит в жандармерию, отдает приказ о немедленном аресте Книпе и распоряжается держать его пока «в строгой изоляции».

Жандармских капитанов в конце концов принуждают отдать японским властям 140 тысяч. Правда, им позволено оставить и себе по 10 тысяч долларов. Книпе в течение 43 суток держат в тюрьме, где его жестоко, методично избивают до тех пор, пока он не признается, где спрятаны 9600 долларов из полученных 10 тысяч. Выбив из него деньги, капитаны, словно ничего не случилось, вновь берут его на службу в жандармерию.

Путешествие с повязкой на глазах

О жене и матери забыл,
Маузер прикладистый добыл
И, тугие плечи оголя,
Вышел за околицу в поля.

Те же джунгли этот гаолян,
Только без озер и без полян.
Здесь на свист хунхуза — за версту
Свястом отзывается хунхуз.

Еще через два дня Веспу вызывают к начальству официальной повесткой. В кабинете шеф представляет ему высокого, крепко сложенного китайца лет сорока: — Он здесь от группы хунхузов, действующих на территории Северной Маньчжурии. Говорят, что у них в плену два японских офицера и 34 солдата, которых они хотели бы обменять на некоторых своих друзей, сидящих в харбинской тюрьме. Сам он готов стать заложником до вашего возвращения. Гарантией вашей безопасности будет его жизнь. Завтра вы с одним его челобком отправитесь в Хайлунь, сойдете на той станции, где провожатый скажет, и последуете за ним туда, куда он вас поведет. По прибытии в лагерь вы должны найти подтверждения тому, что там действительно содержатся японские военнопленные. Если это так, вы составите список их имен, должностей, номеров частей и оговорите с китайцами условия и порядок обмена.

В 7 утра следующего дня Веспа садится на поезд в сопровождении представителя хунхузов. В 50 километрах от Харбина, в Лицзявопу, китаец, не промолвивший до этого ни слова и отвечавший на все вопросы лишь утвердительным или отрицательным кивком головы, поднимается и любезно предлагает Веспе сойти. Выйдя со станции, они доходят до деревни, где на одной из бедных и грязных улиц у дома из саманного кирпича их ждут две лохматые монгольские лошаденки под седлами. Не говоря ни слова, проводник отвязывает лошадей и предлагает Веспе забраться в седло. После шести часов тряской езды — другая маньчжурская деревушка, где их останавливает и окружает группа китайцев. Обменявшись шепотом несколькими фразами, китайцы говорят Веспе, что ему придется завязать глаза. Снова они трогаются в путь. Когда через некоторое время повязку снимают, Веспа обнаруживает, что они в пещере, чем-то напоминающей блиндаж. На циновках, поджав ноги, — пятеро китайцев. Один из них, в европейском костюме и высоких кожаных ботинках, приветствует Веспу на вполне сносном русском.

Веспа понимает, что, несмотря на все предосторожности, с которыми он сюда доставлен, это все-таки не основная база шайки, которая располагается обычно в самых отдаленных и труднодоступных местах и тщательно скрывается даже от многих своих. Его же привели в одно из тех многочисленных временных пристанищ, под которые используются пустующие бараки на концессиях для рабочих, разбросанные по тайге и в сопках примитивные землянки, шалаши или пещеры огородников и макосево, звероловов и собирателей корня женьшень. Иногда, хотя теперь уже и редко, попадаются даже серьезно укрепленные объекты — испаны, — настоящие хунхузские крепости, сложенные, как правило, из дикого камня и бруса, с башнями и бойницами, сторо-

железными вышками, окруженные лабиринтом рвов и окопов, ловчими ямами и заграждениями из деревянных шипов. Все временные убежища и отдельные хунхузские базы соединены «хунхузскими тропами», которые знают только сами хунхузы. Тропы эти самым тщательным образом маскируются, особенно, конечно, близ постоянных становищ, где протаптываются в один след. А уже дальше вливаются в более заметные тропы охотников, макосево или немногочисленные проселочные дороги. Поэтому их скорее можно назвать направлениями передвижения, а не самостоятельными маршрутами. Правда, хунхузские тропы отмечены и некоторыми внешними признаками: на перекрестках, в ложбинах, оврагах и на перевалах — вообще там, где легко потерять направление, хунхузская тропа отмечена условными знаками — «шухуа» («языком тайги»), — затесами коры, засечкой тех или иных фигур на стволах, веревками или тряпками на шестах, иероглифами на телеграфных и верстовых столбах. «Шухуа» незаметен для несведущего, непонятен для непосвященного; для хунхузов — это маршрут и график движения, сигнал об опасности, информация о военной и политической ситуации в районе.

...Беседа не занимает много времени. Обитатели пещеры оказываются настоящими «краснобородыми» — хунхузами. Они заинтересованы только в том, чтобы освободить 27 членов своей банды, захваченных в плен в стычке с японцами. Взамен они отпустят на свободу 35 японских солдат и 2 офицеров. Очень скоро достигнуто соглашение: 17 солдат и 1 офицер будут освобождены на том условии, что на следующий же день японское командование освободит 17 хунхузов, список которых их атаман передает Веспе. Во избежание «непредвиденных осложнений» Веспя останется в лагере до завершения всей операции обмена.

Вечером того же дня 18 японцев с завязанными глазами садятся на монгольских лошадей и отправляются в путь в сопровождении китайского эскорта. В кармане у японского офицера — письмо Веспы к шефу разведслужбы, в котором содержится информация о достигнутом соглашении.

Через два дня на западе солнца в лагерь прибывает первая партия освобожденных хунхузов — все 17 человек. Тотчас же отпущены оставшиеся 18 японцев. Еще через два дня появляются и последние 10 хунхузов из списка. Все это время Веспя проводит на положении скорее не заложника, а почетного гостя. С ним обращаются подчеркнуто вежливо и предупредительно, предлагают все самое лучшее из имеющихся в лагере скудных запасов.

Теперь миссия Веспы закончена, и он возвращается назад точно так же, как и был доставлен сюда. Его сопровождают два верховых китайца, и после нескольких часов в седле ему предлагают сойти с лошади, снимают повязку, возвращают револьвер, его черный бескурковый велосипед. Провожатые объясняют, как добраться до места, где виднеется несколько огоньков. Через полчаса Веспя добирается до станции Синлунчэнь — в 40 километрах от того пункта, где он впервые сошел с поезда.

Маргиналии к истории деревянных пушек

В отдалении близком —
Клубящиеся змеи
Черных туч...
Из дыма их,

На аспидные кручи,
Окрасив в пурпур
Блеклый небосклон,
Неслышно выполз
Сказочно могучий
Тысячекрылый
Огненный дракон.

В Харбине его ждет радушный прием. Шеф не скрывает своего удовольствия:

— Я намерен послать сегодня донесение в Токно с информацией о том, как превосходно вы справились с заданием. Следующим поручением будет содействие освобождению из плена нескольких сотен наших военнослужащих. Они захвачены нерегулярными войсками. С этими труднее договориться. Плохо вооруженные и слабо экипированные, без достаточных запасов провианта, они продолжают сопротивление, взрывают поезда и железнодорожное полотно, совершают опустошительные набеги. И ведь подумать только, есть еще у нас на островах идеалисты, пацифисты и прочие идиоты, которые считают, что объединенный Китай будет более полезен Японии, нежели Китай, дезорганизованный революцией и полностью нами контролируемый. Объединенный Китай через десять лет не захочет истратить и одного доллара на японские товары. Китайцы производят все на свете — от игрушек до орудий и снарядов к ним. Через десять лет Китай будет сам производить все то, что сегодня продает ему Япония. Более того, Китай сам будет продавать нам свои товары, успешно конкурировать с нами благодаря своей самой дешевой рабочей силе. Ни рабочие, ни крестьяне Японии не в силах выдержать конкуренции с рабочими и крестьянами здесь, в Китае. Ибо китайцы ведут более трезвую жизнь, они физически сильнее и выносливее, лучше приспосабливаются к разным климатическим условиям.

Чтобы противостоять китайской конкуренции, мы построили здесь сотни фабрик и лабораторий, на которых можно использовать их дешевую рабочую силу, хотя у нас в Японии очень высокая безработица. Если мы позволим Китаю продолжить работу по объединению страны и ее реконструкции еще десять лет, мы тем самым сами поднимем себе смертный приговор. Даже сейчас, еще не объединившись, они строят арсеналы, аэродромы, открывают военные училища. Еще десять лет, и они будут сильнее нас.

Старая басня о том, что китайцы не умеют воевать, лопнула как мыльный пузырь. Ведь, кажется, совсем еще недавно их армия представляла собой толпу каких-то уродливых раскоряк, вооруженных архивными дрекольями и редкими пыльными музеев. Все эти знаменитые солдаты — с красными, зелеными и желтыми древками трезубцев и двузубцев, секир, и алебард, годных скорее в оперную процессию Радамеса из «Аиды», чем в современное сражение. Сама тактика была более приспособлена к набегу и грабежу, чем к организованным действиям против обученного противника. Сталкиваясь со стройными шеренгами регулярных армий, китайские опереточные полки — да вы и сами помните — прыгали, кричали, принимали устрашающие позы, изображая тигров, драконов и обезьян, а потом благополучно разбежались и прятались за глиняные массивы исторических стен. Открытое столкновение в

пешем строем, стойкость под ружейным, пулеметным, а тем более шрапнельным огнем казалась невероятнейшей из сказок...

Да, Веспя помнит. Правда, он не застал уже те времена, когда артиллерия рисовалась на стенах и башнях ворот — довольно, впрочем, искусно. Беда в том, что жерла этих орудий пугали разве что воображаемых злых духов. А зачастую пушки вытаскивались из дерева и, выкрашенные в бронзовую краску, грозно смотрели в картонные амбразуры. Настоящие орудия старых и самых невероятных систем — от средневековых португальских из Макао до ручных гаубиц — никак для современного серьезного дела не годились. Регулярные китайские части обращались в паническое бегство полусотнями казаков, истреблялись взводами европейской пехоты. Таково «вчера» китайской армии.

— Но уже накануне Синьхайской революции 1911 года Желтый Дракон начал приподниматься на своих геральдических пятикогтевых лапах и с изумлением озираться — откуда это на него наслело? Немцы, англичане, американцы, французы, русские, мы... Уже нервная дрожь бежит по его чешуе, гребень на хребте становится дыбом. Вы видите, что удалось сделать Японии за каких-то 60 лет. Как бы Китай не сделал того же — и гораздо скорее! Правда, Япония однородна — одно племя, небольшая страна. Китай — конгломерат народов. Но восточные расы уже не раз удивляли и еще не раз удивят мир и не такими метаморфозами.

Но теперь Желтый Дракон не просто зашевелился. Он расправляет когти и пробует остроту зубов. Еще одно поколение — и мы будем нынешние книжки о Китае читать с таким же недоумением, с каким сейчас читаем «Фрегат Паллада» Гончарова о Японии. Ведь сегодня это два разных мира, две разные планеты. Короче говоря, тот Китай, который не так давно представлялся чем-то вроде дремлющего бездонного болота, отодвинулся, как старая декорация, назад, открыв нам новую сцену с самыми неожиданными действующими лицами.

Китайцы не умеют воевать!.. Они оказались гораздо способнее корейцев — и научились! Правда, еще в 20-е годы армия многочисленных милитаристов не могли серьезно сопротивляться, солдаты не выносили запаха пороха и вовсе не хотели рисковать жизнью, генералы это учитывали и старались воевать по-своему, по-китайски...

Действительно, у всех еще на памяти характерный сюжет из 1924 года, из истории «противостояния» двух крупнейших сатрапов, маршалов Чжан Цзолина и У Пэйфу. В войсках Чжана в очередной раз — отряд русских белогвардейцев под командой генерала Нечаева. Они занимают участок фронта. В один прекрасный день части У Пэйфу идут в атаку именно против русского отряда. Почти сразу же Нечаев получает от китайского штаба приказ: «Стреляй!» По примеру кашпелевцев нечаевцы молчат; серые шеренги противника медленно продвигаются вперед. Приказ повторяется: «Огонь!!» Русские окопы молчат. Штаб в третий раз командует: «Стреляй!!! Скорее!» Молчание. И только когда храбрецы У Пэйфу подходят совсем близко, нечаевцы открывают беглый огонь. Большинство нападавших уложено на месте, остальные обращаются в паническое бегство. Из штаба немедленно появляется верховой ординарец: «Шэма ваша не исполняй приказа? Шэма раньше не стреляй?!» — «Да потому что раньше стрелять не имело смысла. Наша тактика — подпустить противника как можно ближе и расстрелять его почти в упор. Это даст наибольший эффект. Нужна только выдержка, но это дело тренировок!»

— «Ваша ничего не понимай! Так не можно, так слишком много убивай! Убивай не надо, мало-мало пугай надо!»

— Но это тоже уже в прошлом. Сейчас вы видели, что произошло на реке Нонни, в Сунбэе, Цицикаре и на десятке других полей боя. Вот эти партизаны... Теперь они дерутся как тигры и готовы умереть, но не сдаваться. Они повсюду, и мы не можем их обнаружить и отловить. В какой-то момент нам кажется, что нам удалось их уничтожить, но наши поезда продолжают регулярно взлетать в воздух, наших людей ежедневно убивают, сотни японских солдат находятся в плену. Десять лет! Если мы дадим им эти десять лет, мы не будем чувствовать себя в безопасности не только в Китае, но и здесь, в Маньчжурии, в Корее и, возможно, даже в самой Японии. Предоставить время 450 миллионам китайцев, чтобы они как следует вооружились и организовались... Да они тогда просто выпшвырнут нас вон! Поэтому мы должны завоевать Китай сейчас. Каждый упущенный год делает нашу задачу все более сложной. Только при условии полного контроля над природными ресурсами Китая мы сможем выполнить обширную программу усиления нашей армии и флота, чтобы навязать свою волю всему миру. Без Китая японцы должны будут вернуться к себе на острова и жить только рыболовством... Ну, ладно. Боясь, я утомил вас своими разговорами. Но иногда надо высказаться, снять напряжение. А теперь, если вы не заняты, я с удовольствием предложил бы вам пообедать.

Наверху в квартире шефа их ждет вполне европейский стол. Прислуживают, правда, две японки. Выпито несколько бокалов превосходного французского вина, и Веспа говорит:

— Вы производите впечатление человека, который немало путешествовал в своей жизни.

— Что наводят вас на такую мысль?

— Прежде всего, вы прекрасно говорите по-английски, хотя, вероятно, с американским акцентом.

— Может быть, вы и правы... Но я, к сожалению, не могу ответить на ваш вопрос. Независимо от того, какой чин у человека в японской разведке, он не имеет права называть ни свое настоящее имя, ни свою должность, не может ничего рассказывать о своем прошлом. Мы все только номера, безликие цифры без имен, без славы, без обычной для простых людей общественной жизни.

— Прошу прощения за нескромный вопрос. Поговорим лучше о службе.

— Именно эту тему я и хотел вам предложить. Через два-три дня вы должны разработать и представить план действий по освобождению тех наших военнослужащих, которые в настоящее время находятся в плену у китайских партизан. Вполне вероятно, что вам придется вновь провести несколько дней среди бандитов, поэтому принято решение о предоставлении вам короткого отдыха.

Глава 11.

В лагере нерегулярных сил

Клеймо «Made in Japan»

Через несколько дней в кабинете шефа разведслужбы Веспу ждет японский полковник, только что прибывший из Синьцзина. Шеф дает необходимые пояснения:

— Начальник военного штаба весьма доволен вашими действиями по освобождению японских военнопленных. Теперь он хотел бы, чтобы вы не только провели переговоры с командирами нерегулярных отрядов об обмене пленными, но и добыли бы необходимую информацию для обнаружения, окружения и уничтожения одной из наиболее их крупных банд.

— Это очень непросто. Если переговоры, которые велись более двух месяцев, провалились, то прежде всего потому, что партизаны догадались: японских эмиссаров интересуют не только и даже не столько пленные, сколько сбор информации о местах дислокации нерегулярных сил и маршрутах их передвижения. Не стоит их недооценивать. Они очень осторожны и всегда начеку. И мне отнюдь не улыбается перспектива отправляться к ним в логово и играть там роль дурачка, рискуя каждую минуту получить пулю в затылок.

После короткого спора по-японски полковник откланивается. За окном слышен шум мотора отъехавшего автомобиля. Шеф поворачивается к Веспе:

— Забудьте о том, что я говорил вам в присутствии полковника. Завтра вы поедете в Мулин, где вас будет ждать представитель нерегулярных сил. Я вам доверяю и уверен, что вы сделаете все наилучшим образом. Мы готовы обменять двух партизан на одного японца, но доплачивать ничего не будем. Постарайтесь произвести на них впечатление японской военной мощью, дайте им понять, что все они в конечном счете обречены.

Сутки спустя Веспа уже в Мулине. На перроне к нему сразу подходит низкорослый китаец, одетый на манер русского крестьянина, спрашивает, не он ли господин Веспа, и просит следовать за ним. За вокзалом ждут две оседланные лошади. Когда Веспа и его провожатый минуют последние дома на окраине, их останавливает японский патруль, которому итальянец предъявляет свой специальный пропуск с широкой цветной полосой поперек листа:

*II отдел Японской военной миссии. Удостоверение. Не задавать предъ-
звителю сего никаких вопросов и не препятствовать его передвижению.
Действителен в любое время суток на всей территории Маньчжоу-Го.*

Начальник Японской военной миссии

Полковник Дойхара

(Подпись. Печать.)

Через несколько часов спутники добираются до деревни, где их ждет полковник К.

— Привет гражданину Маньчжоу-Го!

— Привет гражданину Маньчжурских сопок!

Полковник представляет Веспу сопровождающим его офицерам, многих из которых тот знает.

— Вижу, что теперь вы заделались дипломатом, а мы вот... Ладно, пусть нас называют бандитами. Но чтобы доказать вам, что мое сердце по-прежнему на том же месте, я угощу вас отменным завтраком.

В опрятном китайском доме Веспу, готового увидеть картины «быта в землянках», ждет сюрприз. Стол, покрытый белоснежной скатертью, уставлен самой разнообразной снедью и изысканными винами. Мебель хотя и деревянная, но добротная и удобная. В углу — превосходный полевой радиопередатчик и приемник последней модели.

— Не удивляйтесь, Веспа. Все, что вы видите здесь, совсем еще недавно принадлежало японцам. Передатчик и радиоприемник, мебель, скатерти и сал-

фетки, горшки и кастрюли со сковородками, провизия и все эти консервы — все это сувениры, позамыслованные нами у японцев. Большинство моих солдат носят японскую форму. Наши винтовки, пулеметы, ручные гранаты — все японского производства. Куча лошадей. Очень нам нужен самолет, но его пока не удалось захватить. Хотя мы и сблизил нашими доморощенными зенитными орудиями пять японских самолетов, но они слишком повреждены, чтобы их использовать.

После завтрака полковник ведет Веспу на экскурсию в те дома, где квартируют его солдаты. Все, действительно, выглядит так, словно вы в распоряжении японской части. Все здесь японское: воинская форма, обувь, походные складные кровати, одеяла, вплоть до полотенец и зубного порошка. На всем стоит клеймо «Made in Japan». Только японские знаки различия на мундирах спороты.

— Подумать только, эти японцы обвиняют Советы в том, что якобы те снабжают нас оружием! Нет, как видите. Именно японская армия поставляет нам все снаряжение. И так будет продолжаться до тех пор, пока они не уберутся отсюда.

— А где же пленные японцы?

— Примерно в 15 ли отсюда — там же, где и основная часть моих людей. Здесь при мне только 500 человек.

Веспа убеждается, что партизаны поддерживают хорошие отношения с местным населением. Дисциплина в отрядах весьма строгая. Принцип добровольности соблюдается неукоснительно — каждый может покинуть отряд, когда захочет, но такое случается очень редко — напротив, почти каждый день прибывают пополнения.

— А кто присматривает за ранеными?

— У нас четыре врача, один из них — хирург.

К. называет известные маньчжурские фамилии.

— Вообще, если уж говорить о нашем социальном составе, то имейте в виду, среди тех, кто служит в нерегулярных частях, — шесть сыновей миллионеров, примерно человек тридцать тех, кто прежде занимал высокие посты в правительственной администрации, много кушцов, коммерсантов, военных переводчиков, студентов. И эти японцы еще называют нас бандитами! Это они-то, разорившие нашу страну и разрушившие наши дома. Мы — жители Маньчжурии. И мы воюем за освобождение своей земли. Не случайно деревенские жители относятся к нам с такой симпатией. Мы никого не грабим, а японцев убиваем потому, что мы — у себя дома, а они — непрошенные гости. Они не рискуют отходить от железной дороги глубже чем на несколько километров. Дальше уже мы хозяева.

Действительно, Веспа знает, что, как правило, не проходит и дня без нападений на японских военнослужащих и японские объекты. Из доклада, составленного директорами пяти главных маньчжурских железнодорожных веток, находящихся в руках японцев:

В 1935 году в Маньчжурии произошло 73 крупных крушения международных поездов, имело место 131 нападение на поезда, было сожжено 74 железнодорожных станций, убито 350 служащих железных дорог, 650 тяжело ранено, совершено 451 похищение.

Экзекуция

Уже в сумерках Веспя с полковником К. в сопровождении нескольких офицеров и десяти солдат добираются до того пункта, где содержатся японские пленные. Они сразу отправляются в большое барачное здание, служившее вымышленным офицерским клубом. Около сорока офицеров короткое время за картами, пивом и газетами, игрой в «мазьян». При виде полковника все встают, тот представляет Веспю и объясняет цель его визита. Начинается спор, многие сомневаются в искренности японцев. Веспя заверяет, что переговоры будут вестись через его посредничество, ловушки можно не бояться. Наконец достигнуто соглашение: 50 японских офицеров будут отпущены на станцию в двух днях пути; после освобождения в обмен 100 человек нерегулярных частей, партизаны отпускают еще 50 японцев.

Веспя проводит ночь в доме полковника К. Здесь он узнает, что его зовут лейтенант-полковник Торквемада П, главный инквизитор дознания в Хэндо, оказался просто образцовым пленным, самым смиренным и покладистым всех японцев. Веспе предстоит увидеть его утром.

На рассвете Веспя сталкивается на пороге с ротмистром С. — тем самым, который навещал Веспю в его вагоне в ту памятную ночь, когда был сожжен на Хэндо. С ротмистром еще пятеро русских, присоединившихся к тайским партизанам. Вместе с полковником все они отправляются посмотреть на пленников японцев. Те содержатся в двух десятках домиков на территории, огороженной колючей проволокой. Офицеры занимают три дома — отдельно от солдат. Полковник К. предлагает зайти в тот дом, где содержится самый старший по званию — Торквемада П. У дверей несколько японских солдат стирают ботинки в пятигаллоновых бочках из-под керосина, другие колот дрова и выглядят вполне мирно и даже жалко в своих ношенных кальсонах.

Посетители заходят в дом, где навстречу им склоняются в почтительных поклонах человек 12 японцев. Часть из них одеты в военную форму, другие в штатском, а несколько человек, в том числе и Торквемада, — в кимоно. Веспя отмечает про себя: «Если человек и в военной-то форме выглядит как кривая без панциря, то вид его в кимоно с заросшим редкими волосами лицом можно сравнить разве что с гротескным изображением монстра с вьюры Гюстава Доре для Дантова «Ада». При виде Веспы на лице японского жандарма появляется гримаса, изображающая, видимо, улыбку. Он хочет идти вперед, но один из русских безо всяких церемоний отталкивает его. Торквемада и не думает протестовать — чинно кланяется и извиняется перед русскими.

Веспя немногословен:

— Я направлен сюда японским военным командованием для переговоров об обмене военнопленными. Пока все идет хорошо, и надеюсь, что уже к вечеру первая партия японцев в 50 человек отправится в Харбин.

Следуют многочисленные поклоны с заискивающей улыбкой:

— Благодарю, благодарю вас. Вы настоящий человек и истинный друг японцев. Если я окажусь на свободе, то никогда не забуду вас. Могу ли надеяться, что моя скромная персона будет включена в число этих 50 освобожденных?

— Это будет решать полковник К. Я со своей стороны сделаю все, что в моих силах.

Выходя из дома, итальянец говорит полковнику К.:

— Было бы очень забавно всыпать этому бесстрашному жандарму по его самурайской заднице.

— Ну что ж... Мое правило — всегда идти навстречу пожеланиям товарища. Вечером мы постараемся выполнить вашу просьбу.

— Но учтите, что тогда у меня могут быть крупные неприятности по возвращении в Харбин.

Полковник загадочно улыбается:

— Всегда все можно уладить...

С наступлением темноты 50 японских пленнх с повязками на глазах посажены в седла и отправлены под конвоем на станцию Телникэ. После офицерского обеда полковник К. приказывает убрать со стола, а Веспу просит выйти и подождать в небольшой комнатке за столовой. Тот понимает, что что-то затевается. Проходит минут десять, и полковник входит к Веспе с револьвером, шепчет на ухо: «Играйте как следует свою роль». Потом уже громко приказывает:

— Ну-ка выходи, коллаборационист, да поживее! Пошевельвайся!

Покорно склонив голову, Веспа входит в столовую. В самом центре комнаты на коленях — Торквемада II. Полковник К. дает Веспе хлыст и, наведя на него револьвер, приказывает:

— Ну ты! Ведь это ты настаивал, чтобы этого жандарма отправить с первой партией пленнх. Значит, он твой дружок... Ладно... Придется тебе всыпать своему приятелю двадцать горяченьких — да как следует, иначе придется и тебе спустить шганы.

Веспа не зря служит в разведке вот уже более 20 лет. В лучших традициях харбинской труппы А.С. Орлова (а значит, и МХТ) он изображает великодушное негодование, наотрез отказываясь подчиниться.

— А, так ты отказываешься? Прекрасно! Я тебя предупреждал. Но перед твоей собственной экзекуцией тебе все равно придется полюбоваться на своего приятеля — правда, теперь он вместо двадцати получит пятьдесят плеток.

Повернувшись к стоящему рядом солдату, полковник приказывает:

— Всыпь-ка этой собаке пятьдесят плеток!

Солдат тоже неплохо справляется со своей ролью. Не спеша, вразвалочку он подходит к Веспе, берет хлыст и со свирепым лицом поворачивается к застывшему в униженной позе Торквемаде. Тот, протягивая к Веспе руки, бормочет:

— Пожалуйста, господин Веспа... Умоляю, уж лучше вы дайте мне двадцать плеток. Этот парень убьет меня!

С деланной неохотой Веспа все-таки берет хлыст и наносит Торквемаде пару легких ударов.

— Нет, так дело не пойдет. Бей сильнее! Иначе придется всыпать все пятьдесят.

Оставшиися восемнадцать плеток Веспа отвечает с плеча. Вой и крики японца далеко слышны по деревне. После экзекуции Веспа, провожая Торквемаду до его дома, приносит сожаления по поводу своего невольного участия во всем этом «ужасном деле». Когда Веспа возвращается, его встречают взрывы произвольного смеха.

Вся процедура обмена военнопленными занимает 19 дней — каждая партия японцев отправляется в Харбин другой дорогой через другую железнодорожную станцию. Когда все закончено, Веспы прощаются с полковником и другими офицерами и возвращается в Харбин. Шеф встречает его похвалами и говорит, что ходатайствовал перед токийским начальством о назначении Веспы своим непосредственным помощником. Здесь же Веспы узнает, что Торквемада II — в опале, поскольку попал в плен в кимоно, и отправлен в Японию. Впрочем, подобная участь постигает и всех остальных захваченных в плен японских офицеров.

Глава 12.

Хочешь жить — плати

Терроризм — устраиванье, устрашение смертными казнями, убийствами и всякими ужасами неистовства.

Толковый словарь Даля

Похищение людей а La Mode

«Я здесь рассказываю только о том, что видел собственными глазами, только о том, что проходило через мои руки. Те события и происшествия, участником или непосредственным свидетелем которых я не был, о которых мне известно через вторые руки, в этой книге не описываются» (Амлето Веспы).

Несхотная и неэффективная, но весьма эффективная операция двух жандармских капитанов, соткавших из воздуха 180 тысяч долларов, становится предметом обсуждения в полицейских кругах Харбина. Жандармы не только обсуждают, но и бесконечно завидуют. Не только завидуют, но и начинают задумываться о собственных действиях в том же направлении. Короче говоря, комбинация «похищение — выкуп» становится злобой дня. От разговоров переходят к делу.

Как чума, тревога бродит,
Гул лихих годин...
Рок черту свою проводит
Близ тебя, Харбин...

Дюжина бандитов, состоящих на службе у жандармерии, теперь загружена работой. Заказ следует за заказом. Не проходит и дня без похищений. Жертвы в основном — люди богатые. Волна террора прокатывается по всей Маньчжурии. Каждая из многочисленных полицейских служб, соперничающих между собой, обзаводится собственной «группой захвата», специализирующейся исключительно на похищениях и вымогательствах выкупа. Во всех больших городах, на всех крупных железнодорожных узлах состоятельных людей заставляют выплачивать значительные суммы за свое освобождение. Более того, соперничество полицейских ведомств порождает совсем уж абсурдную ситуацию. Большинство жертв похищений, прежде всего китайцев и евреев, выплачивая выкуп, как правило, не

сообщают в полицию — не без оснований полагая, что эта последняя работает в доле с похитителями, даже направляет и координирует их действия. Поэтому жалобы не только не помогут вернуть деньги, но способны повлечь за собой новые, еще более серьезные неприятности.

«...Августовским поздним вечером в дверь нашу постучали, затем вошел молодой китаец, очень опрятный, в голубом шелковом халате, и, сняв соломенную шляпу, поклонился, улыбнулся, протянул моей матери четверо сложенный грязный листок... Мать недоуменно развернула его, поднесла к близоруким глазам. И тут же громко, сердито: «Что это? Кто вы такой?» — «Мы — хунхуза». Китаец улыбнулся скромной, но полной достоинства улыбкой. А на грязном листке карандашом, почерком дяди Шуры, нацарапано: «Катя! Слава и я у хунхуз. Держат в яме...» Все знали, что вокруг Харбина действуют хунхузские шайки, чуть не ежедневно газеты писали о новых похищениях и требованиях выкупа, а японцы, тогдашние хозяева Маньчжурии, обещали хунхузов уничтожить, но все почему-то не уничтожали... Поразило нас то, что этот молодой и не лишенный элегантности китаец спокойно признавался в своей принадлежности к хунхузской шайке и разгуливал по городу, ничего не опасаясь. А кроме того, похищали обычно людей состоятельных — харбинских коммерсантов, владельцев аптек, магазинов, — при чем же тут наш дядя, у которого ломаного гроша за душой нету?..

На вопрос, почему похитители нашего дядю, ответ мы получили сразу же: хунхуз объяснил, что Воейкова приняли за кого-то другого. Но уж раз он попался, даром его не отпустят. «Наша недорого бери, только тысяча! — сказал хунхуз таким тоном, будто продавал нам меховое пальто. Не помню, была ли уже в то время введена валюта «государства Маньчжоу-Го» (денежная единица называлась «гоби») или еще ходили китайские даяны, но это не имеет значения. Тысяча у нас не деньги. Мать... завтра с утра помчалась в японскую жандармерию... Мы... думали, что в жандармерии безумно удивятся наглости хунхуз, выследят этого молодого, который к нам придет, найдут хунхузский лагерь и освободят дядю Шуру... В жандармерии матери сказали, что с хунхузами скоро будет покончено, но не сейчас — у японской армии сейчас других дел полно. Поэтому лучше заплатить требуемый выкуп...

Вечером пришел хунхуз и мы с ним торговались... Хунхуз усмехался... он видел, как мы живем. Вероятно, и его японские начальники ему сказали, что взять с нас нечего... Во всяком случае, хунхуз вполновину снизил цену за дядю Шуру: не тысяча — пятьсот. И еще велел купить столько-то пачек сигарет и столько-то пар носков: «Хунхуза подарка любит!»

...Встреча с хунхузами, передача им денег и освобождение дяди Шуры состоялись где-то за городом... Хунхузы привели дядю Шуру в той же рубашке, в которой он летом ушел собирать гербарий (а стоял уже ветреный, холодный и дождливый маньчжурский ноябрь. — С.Б.), от рубашки остались лохмотья, и руки и шея в язвах — хунхузы, оказывается, любили гасить о пленных сигареты...» (Наталья Ильина. «Дороги и судьбы»).

А вот Амлето Веспя:

«Мне известны абсолютно достоверные случаи похищений, осуществленные маньчжурскими гангстерами — русскими и китайцами, — находившимися на службе у японской жандармерии и разведки. Именно я занимался разбором таких случаев, действуя по распоряжению своего шефа, который хотел лишний

раз убедиться, что заплаченный выкуп не превышает первоначально оговоренной с ведома властей суммы. Нередко мне приходилось выступать и в качестве переводчика — в тех случаях, когда шеф настаивал на личном допросе жертв, особенно тех состоятельных людей, которые утверждали, что у них либо вообще нет денег, либо нет требуемой суммы.

Вот несколько подлинных имен и цифр:

Ван Юцинь, миллионер, заплатил 250 тысяч долларов за освобождение своего сына; потом ему пришлось выложить еще 400 тысяч и еще 100 — уже за себя самого.

Чжан Циньхэ, крупный торговец, похищался трижды; первый раз откупился за 300 тысяч, во второй — за 200, в третий за 100 тысяч долларов.

Мо Юстань, владелец универсального магазина, был похищен дважды; каждое освобождение стоило ему 100 тысяч.

Лу Тай, купец, выкупил своего сына за 100 тысяч долларов и 50 тысяч заплатил за себя.

Были конфискованы состояния и вся собственность многих богатых китайцев и бывших должностных лиц высшей маньчжурской администрации. Некоторые жертвы официального ограбления вынуждены были (и принуждаемы) поступать в монастыри. Скажем, бывший начальник харбинской полиции по фамилии Ван, который в свое время считался, и не без оснований, состоятельным человеком, теперь — настоятель буддистского монастыря возле Нового русского кладбища в Харбине; вместе с ним там же и многие другие чиновники. В мои обязанности, кстати, входило посещение монастырей раз в неделю и их инспекция — на предмет того, все ли «бывшие» на месте. Надо сказать, что некоторые из них вполне заслуживали такой участи, но многие были весьма уважаемыми людьми, не причинившими никому зла...

«Беспаспортных эмигрантов похищать было, разумеется, куда проще. Некоторые так и гибли в хункузском плену, и по этому поводу особого шума не поднимала ни иностранная печать, ни эмигрантская. Она была подчинена японцам, как все было им подчинено в те годы в Маньчжурии... Свое бесправие, мы, разумеется, понимали, но то, что мы живем во власти мафии, называющей себя «жандармерией», «блюстительницей закона и порядка», этого понять тогда мне были в состоянии». (Н.Ильина. «Дороги и судьбы»)...

«Д-р Касем-бек, которого уважали все, кто его знал, человек, чья щедрость и филантропия снискали ему любовь всей общины, дважды похищался бандитами из японской жандармерии, и каждый раз ему пришлось платить солидный выкуп. Та же участь постигла д-ра Хельсона. Тарасенко, торговец, был похищен жандармерией и заплатил за освобождение 10 тысяч долларов; потом его похитила муниципальная полиция — еще 5 тысяч. Тисминичкин, тоже торговец, заплатил выкуп в 15 тысяч долларов, Эскин — в 10 тысяч. Шерель де Флоранс был схвачен шестью вооруженными молодчиками в тот момент, когда выходил из Новой синагоги. Все происходило на глазах у сотен свидетелей, но полиция осталась безразличной к инциденту, поскольку прекрасно знала похитителей — русских, находящихся на службе у жандармерии. Шереля де Флоранс держали заложником 105 дней, в темной одиночной камере; выйти на свободу он смог только после выплаты 25 тысяч долларов. ...Начальник жандармерии отдал приказ похитить одного из учащихся польской школы. Исполнители поручения — двое русских и китаец — в суматохе ошиблись в выборе жертвы и вместо сына состоятельных

родителей сватали юного сироту, протеже Католической церкви Валентина Танаева. Вскоре ошибка выяснилась, но начальник жандармерии тем не менее отказался отпустить мальчика: «У Католической церкви есть деньги. Если ребенок беден, пусть за него платит церковь!» Возвращение Танаева на свободу после двухмесячного тюремного заключения стоило епископу Гирина 2 тысячи долларов»...

Кофман, владелец большой аптеки в Харбине, судя по всему, человек состоятельный. 11 марта 1932 года около 10 часов вечера, когда Кофман опускает решетки на витринах, его похищают. И на этот раз исполнитель — русский, который вталкивает аптекаря в машину без номера. Уже через 10 минут тот заперт в подземной камере в здании жандармерии в Новом городе. На следующий день в русских газетах опубликовано сообщение:

ОЧЕРЕДНОЕ ПОХИЩЕНИЕ. Харбин. 11 марта. Корр. «Вчера вечером при выходе из синагоги неизвестными бандитами был захвачен владелец известной в Харбине аптеки г-н Кофман. Сегодня утром редакция ежедневной газеты «Рупор» получила записку, в которой содержится требование к семье несчастной жертвы о выплате 30 тысяч долларов в качестве выкупа. Другие подробности пока не известны».

В ночь на 12 марта русские исполнители переводят Кофмана из тюремной камеры в ветхую китайскую деревянную лачугу на одной из бесчисленных кривых деревенских улочек одноэтажного Мацзяюу.

Русские осведомители утверждают, что Кофман — безусловно человек богатый и 30 тысяч для него — пустяки. Некоторые, правда, сомневаются, что ему удастся собрать такую сумму. Он, разумеется, владеет значительной собственностью, но наличности не много. Шеф интересуется мнением Веспы. Тот настроен пессимистично: вряд ли семья Кофмана в состоянии собрать означенную сумму. Итальянец упоминает и о циркулирующих по городу слухах, суть которых сводится к тому, что аптекарь похищен не неизвестными злоумышленниками, а самой жандармерией.

— Слухи меня не интересуют. Если Кофман не столь богат, как мы предполагали, пусть Еврейская община соберет деньги и заплатит за него.

Тем не менее на следующий день, 13 мая, жандармерия соглашается снизить размер выкупа до 15 тысяч. 11 часов утра. Веспа и его агенты уже готовы отправить оповещение об этом в газету «Рупор». Но, как в плохой пьесе, дверь неожиданно открывается, и в кабинет входит, как всегда в черном, один из организаторов похищения — Родзавский.

Константина Владимировича Родзавского, или просто «фашиста Костю», хорошо знают в Харбине. Выпускник юридического факультета, журналист и лидер местных фашистов, он носит черную форму и появляется неизменно в сопровождении телохранителя, великана Льва Охотина; на боку у того болтается маузер.

А маузер — это вздор!
Лишь в годы, когда тупеют,
Огромный его топор
Выпяливают португесей...

Родзавский известен как бесперомонный сборщик средств для фашистской организации, герой скандала, сорвавший в 1928 году советский флаг с офици-

ального учреждения и исключенный за это с юридического факультета (потом, правда, восстановленный).

Биография его и сама личность все-таки неординарны. Родился в Благовещенске, в 1907 году, в семье правоведа. В 1925 году по визе приезжает в Харбин для продолжения образования. Будучи фанатичным противником советской власти, примыкает к тем белоэмигрантским кружкам, которые все еще надеются на реванш. Способный журналист и умелый оратор, разрабатывает теоретические постулаты фашистского движения белоэмиграции. Юридический факультет в Харбине становится колыбелью русского фашизма в Маньчжурии. Здесь преподает бывший колчаковский министр Г. Гинс, ставший в эмиграции восторженным поклонником Бенито Муссолини (под обаяние идей и личности которого попадает и Родзевский). Здесь же читает лекции бывший министр внутренних дел Приморского правительства братьев Меркуловых присяжный поверенный В. Ф. Иванов.

(Известный дальневосточный писатель и публицист В. С. Ник. Иванов сочувственно писал на рубеже 20-х годов, что его однофамелец, Василий Федорович, «неустанно зажигая национальный пожар на Дальнем Востоке», не случайно «в этом деле сошелся с братьями Меркуловыми и с атаманом Семеновым. Это голос времени, голос тех новых сильных людей, которые, похерив все старые таблицы, выйдут на арену государственной деятельности... У нас скоро полюбятся национальные идеи... — о национальной революции... Начинаешь ценить не голые идеи, а те личности, кои являются их сосудом...».)

Да, «новые сильные люди» появляются вслед за «личностями-сосудами». Тот же автор, по-другому, правда, поводу, писал:

«Петуха, как известно, легко загнипнотизировать. Поставить его на черном столе, наклонив клювом к столешнице, провести от клюва мелом прямую белую черту, и бедная глупая птица останется в созерцании этой белой черты как зачарованная. Политика — искусство превращать отдельных людей в зачарованных петухов; воюя и бойцы, спорщики и протестанты обращаются в покорных зачарованных петухов...»

Одним из таких становится и «Костя-фашист».

Местом встреч и дискуссий становится Русский клуб. Здесь можно видеть выпускников и студентов юридического факультета — А. Н. Покровского, Е. В. Кораблева, М. А. Матковского, Б. С. Румянцева, В. Н. Василенко и, разумеется, Родзевского. На необходимости создания фашистской партии настаивает, ссылаясь на идеи «зубатовщины», генерал Косьмин. Все они в конечном счете считают себя продолжателями белого дела, но в несколько модернизированном виде. Взгляды свои они определяют как синтез уроков из поражения белого движения, опыта итальянского, немецкого и японского фашизма, исторического прошлого самодержавной России и послереволюционной деятельности. Называя друг друга «соратниками» и «соратницами», они считают своей целью свержение большевистской власти путем национальной, «русской» революции и восстановление монархии фашистского типа — диктатуры под девизом «Бог, Нация, Труд», украшенной идеалом всех этатистов — сотрудничеством труда и капитала под контролем сильного государства-магнера. Все это находит отражение в атрибуте РФП: эмблема — двуглавый орел на фоне свастики; партийный гимн — «Вставайте с нами, братья...» (на музыку «Пресображенского марша»), с параллельным использованием «Боже,

царя храни»; лозунги — «К объединению. К оздоровлению. К пробуждению», «Русский русскому друг и брат», «Россия для россиян». Фашистская монархия становится *idea fixe* Родзаяевского и его единомышленников, среди которых — и бывший «финансовый гений» адмирала Колчака, «Ванька Канин» — Михайлов, поступивший теперь на службу в японскую военную миссию.

Наконец, в мае 1931 года будет создана Русская фашистская партия (РФП). Номинальный пост председателя займет генерал Косьмин; генеральным секретарем будет назначен Родзаяевский. (В 1932 году старого воюку Косьмина, устроившего пьяный дебош с битьем зеркал и мордобоем на станции Пограничная, исключат из РФП, и «фашист Костя» станет и официальным и фактическим главой партии.)

«И меня и его кусала одна и та же вошь» (Гейне). В конце 1933 года Родзаяевский будет инициатором объединения всех эмигрантских фашистских группировок — в Америке, Европе и на Дальнем Востоке. Весной 1934 года он встретится в Токио с Анастасием Вонсяцким, бывшим гвардейским офицером, служившим у Врангеля, а теперь создавшим в США Всероссийскую фашистскую организацию (ВФО). В апреле того же года на съезде в Харбине РФП и ВФО объединятся во Всероссийскую фашистскую партию (ВФП). Но альянс двух «фюреров» просуществует недолго. Очень скоро в партии произойдет раскол — поводом послужит статья об атамане Семенове (официально названным японцами «главой российских эмигрантов в Маньчжоу-Го»), опубликованная в журнале Вонсяцкого «Фашист» под заголовком «Его нужно расстрелять». В 1938 году Родзаяевский переименует свою организацию в Российский фашистский союз, будет приветствовать нападение Германии на СССР, даже направит в Берлин телеграмму с предложением создать на оккупированной немцами территории «российское правительствo», в состав которого рекомендует себя, герцога Лейхтенбергского (жившего тогда в Германии) и своего представителя в Европе Э.Тедди — вождя русских фашистов в Германии (впоследствии, кстати, арестованного гестапо).

Кончат «Костя-фашист» плохо. Японцы по многим причинам охладели к замороженным русским фашистам, распустят 1 июля 1943 года Российский фашистский союз, и Родзаяевский вынужден будет ограничиться работой в Главном бюро по делам российских эмигрантов — довольно, впрочем, активной. Когда в августе 1945 года правительство СССР нарушает японо-советский пакт 1941 года и начинает военные действия против Японии, Родзаяевский бежит в Тяньцзинь. Но судьба его уже предрешена. Не поможет ни решение добровольно отдаться в руки советских властей (принятое в результате глубокой депрессии, соображений «жизнь любой ценой» и под впечатлением аналогичного решения генерала Власьева) и слухах о Матковском, якобы «принятом на службу Советами»), ни письмо Сталину с предложением о сотрудничестве: «Не сразу, а постепенно мы пришли к этим выводам... Но пришли и решили: сталинизм — это как раз то самое, что мы ошибочно называли «российским фашизмом», это — наш российский фашизм, очищенный от крайностей, иллюзий и заблуждений...» Предложение Родзаяевского, фактически сводившееся к созданию за пределами СССР «пятой колонны», Сталин не примет, и в октябре 1945 года «Костю-фашиста» вывезут в Читу, а отсюда в Москву, где в августе следующего года состоится показательный, или, скорее, показательный, «процесс восьми», (Г.М.Семенова, Л.Ф.Власьева, А.П.Бакшеева, И.А.Михайлова, К.В.Родзаяевского, Б.Н.Шепунова, Л.П.Охотина и Н.А.Ухтом-

ского), на котором Родзевского приговорят к расстрелу, что и будет приведено в исполнение в одном из подвалов Лубянки.

Такова, в самых общих чертах, судьба К.В.Родзевского в интерпретации современных авторов.

А вот характеристика Амлето Веспы:

«Этот совершенно не пригодный ни к чему стоящему молодой негодяй бежал из Советской России в 1927 году и появился в Маньчжурии вместе со своей столь же бесполезной семьей. (На самом деле отец Родзевского вместе с младшим сыном Владимиром нелегально перейдет из Благовещенска в Маньчжурию по льду Амура зимой 1928 года.) Сначала их считали агентами Советов, в силу, несомненно, того обстоятельства, что отец Родзевского работал в советском консульстве. Позже, однако, сынок примкнул к компаниям весьма подозрительных личностей, камуфлировавших свою противоправную по большей части деятельность под маской патриотизма и антисоветизма. Дважды Родзевского арестовывали за вымогательство... Угрожая прибегнуть к насилию, он добился, чтобы его восстановили на юридическом факультете, и всего через несколько месяцев получил диплом об окончании. Вполне естественно, что эта банда хулиганов привлекла внимание японцев, которые предложили Родзевскому и его присным присоединиться к своей уже наберванной банде убийц и сеять террор в Харбине».

Действительно, японцы начинают присматриваться к самому Родзевскому и его кружку задолго до «Маньчжурского инцидента». «Костя-фашист» и его друзья — просто находка: честолюбивы, искренне ненавидят большевиков, неразборчивы в средствах, большинство без твердых моральных устоев и, главное, молоды, а потому перспективны. Вспомним один из первых разговоров шефа японской разведслужбы с Веспой: «Нам нужны люди не обязательно очень умные, но молодые и честолюбивые, готовые в обмен на тот или иной пост выполнять любую работу, в том числе и грязную — когда мы сами не захотим марать руки». Японцы рассчитали правильно. «...Русская фашистская партия превратилась... в составную часть японо-маньчжурской мафии в Маньчжоу-Го, вовлеченной во все грязные дела японской военщины: рэкет, похищения людей, шпионаж, диверсии и провокации против СССР, советских организаций и учреждений в Северо-Восточном Китае, отдельных советских граждан».

Но объектом фашистов становится не только «все советское». Родзевский принимает самое активное участие в похищении Кофмана. Наставляет на выплате первоначально назначенной суммы выкупа в 30 тысяч долларов. Категорически против ее уменьшения до 15 тысяч. Уверяет, что располагает проверенными данными об истинном финансовом положении семьи Кофманов.

---

* Подробно о жизни и деятельности Родзевского см.: Ю.Мельников. Русские фашисты Маньчжурии (К.В.Родзевский: трагедия личности). — Проблемы Дальнего Востока, 1991, № 2 — 3.

** Там же, № 2, с. 112.

— Пусть мне дадут допросить его. Уверен, что выбью из него эти 30 тысяч — если, конечно, мне позволят по-своему поговорить с ним. Положитесь на меня, и все будет в порядке.

Родзаевский получает *carte blanche*.

В компании с другим русским — Кириченко — и двумя японскими жандармами Родзаевский отправляется в упомянутый конспиративный дом в Мацзягоу, где Кофмана держат связанным и с кляпом во рту.

Уже в 11.30 вечера шеф срочно вызывает Веспу:

— Вы знаете, что произошло? Этот Кофман умер. Судя по всему, они стали его пытать, и он не вынес пыток — слабое сердце. Посажайте туда, разберитесь. Я звонил в жандармерию, вас пропустят.

Из штаб-квартиры жандармерии Веспу на гражданском автомобиле отвозят на место происшествия. Машина останавливается около полуразвалившегося дома. Сопровождающий жандарм толкает ногой дверь, и они входят. В нос ударяет сладковатый запах горелого мяса. Вспа испытывает невольный приступ тошноты. При тусклом свете свечи он различает за столом пять фигур. Родзаевский, Кириченко, еще один русский, Калушко, и двое японских жандармов в штатском. Все они мирно потягивают пиво.

Веспу приглашают к столу, Родзаевский предлагает выпить.

— Благодарю вас, я приехал сюда разобраться, что произошло.

«Костя-фашист» насмешливо цедит сквозь зубы:

— Никак не думал, что надо составлять полицейский протокол по поводу смерти какой-то свиньи. Этот проклятый еврей любил деньги, слишком любил — ценил их дороже собственной шкуры. И вот что он получил за отказ разговаривать с нами или написать письмо жене. Я немного его здесь поугал, а этот старый дурак взял и умер. Ничего не поделаешь. У нас еще будет возможность отыграться. В Харбине полно таких, как он.

Труп лежит в углу, накрытый ветхим грязным одеялом. Вспа отворачивает край. Лицо жертвы едва можно узнать, — оно все покрыто сильными ожогами, сплошная обгоревшая кровавая маска. Вспа далеко не новичок в таких делах, но даже ему становится не по себе.

— Кто это сделал?

Родзаевский, кажется, не замечает произведенного впечатления.

— Я. Уж не требуете ли вы от меня раскаяния? Именно так и должны умирать все эти евреи, главные враги России.

Вспа знает, что как сам Родзаевский, так и большинство его «соратников» и «соратниц» — фатальные антисемиты. Наслушавшись лекций В.Ф.Иванова «О мировом заговоре иудомасонов», «О роли масонства в гибели России», проштудировав пресловутые «протоколы сионских мудрецов», русские фашисты в Маньчжурии находят главных виновников своих бед: «Великий русский народ одурячен горсткой евреев!» (За скобками, правда, остается вопрос, что же это тогда за великий народ.) Какое-то гипертрофированное, болезненное юдофобство (да и бытает ли, впрочем, иное?) становится одним из постулатов партийной программы, газета «Наш путь» под редакцией Родзаевского проповедует откровенно антисемитские взгляды: «Над знак — Святой Крест, а свастика — чисто политический знак, символизирующий единый антиеврейский фронт». Отсюда и все трафаретные лозунги, всегда и везде свойственные антисемитам; время и место их появления может не совпадать, национальная специфика тоже присутствует,

но суть в основном и главном одна. В данном случае на знамени РФП начертано: «Россия для россиян», «Русский русскому друг и брат».

...Выясняется, что сначала Кофману были обожжены руки и ноги, потом ему практически изжарили все лицо. Корчась от боли и вырываясь, аптекарь страшно кричит, и тогда ему затыкают кляпом рот — но засовывают тряпку так глупо, что он просто задыхается и умирает от удущья.

Весна докладывает шефу, но тот не очень удивлен, только раздосадован:

— Скверно. Очень скверно. Все эти неприятности, в сущности, из ничего...

Множга чудовищные картинки, японские жандармы расчленяют тело из-за его внушительного веса на четыре части и выбрасывают в траншею на окраине Харбина, куда сбрасывают все жертвы наркотиков, которых находят на улицах города.

Несмотря ни на что, японская жандармерия продолжает переговоры о выкупе с семьей Кофмана. Пройдет три недели, и ничего не подозревающая вдова заплатит за освобождение мужа 18 тысяч долларов.

Соперничающие банды русских и китайских гангстеров, находящихся на службе у жандармерии и других японских полицейских организаций, плодятся как грибы после дождя. Наступает действительно «царство террора», возможно, более жестокого, чем в дни «carte blanche» и взятия Бастилии. Богатые харбинцы — русские и китайцы — просто не осмеливаются покидать свои дома. А чтобы отобрать деньги у тех, кто имеет советское гражданство, японцы даже не обременяют себя хлопотами, связанными с похищениями: просто следует обвинение в принадлежности к коммунистам или в причастности к коммунистической пропаганде и — арест. А дальше уже по отработанной схеме с выкуном.

«Может быть, именно это имели в виду японские дипломаты, когда пытались убедить весь мир в том, что они придерживаются принципа «открытых дверей». Единственная дверь, которую они держали открытой, была дверь в тюрьму. Лозунгом их было: «Или деньги, или мы не откроем дверь.»

Продолжение следует.

Музей традиций и обычаев

У ВРАТ УШУ: МАСТЕРА, УЧЕНИКИ, ШКОЛЫ

А. Маслов *

«Словесные наставления необходимы лишь для того, чтобы провести ученика через истинные врата и вывести на истинный путь, в то время как мастерство в боевом искусстве обретается лишь от постоянного самосовершенствования».

(“Рассуждения о тринадцати позициях”).

Говоря о традиционности ушу, мы имеем в виду долговременную передачу определенных знаний практически в неизменном виде. Эта передача и есть основа удивительной исторической устойчивости и внутренней мощи китайского ушу. Но что конкретно передавалось? Каким образом? От кого к кому?

Ответы на эти вопросы тесно связаны с тонкостью ткани китайской духовной культуры и не терпят прямого ответа. Мы постараемся разобраться в них через главных действующих лиц китайского ушу — мастера-учителя и ученика. Они зависят друг от друга, образуя собой канал передачи знаний, называемый школой ушу. Поэтому говорить о мастере, ученике и школе можно лишь в совокупности, так как здесь одно познается через другое.

Школа — это основная ячейка преподавания ушу, тот ствол, вокруг которого формируется все изучение боевых искусств. Термин «школа» понимается в двух смыслах. Во-первых, это узкий круг людей, учителей и учеников, среди которых передаются и сохраняются знания ушу. Во-вторых, это сами знания, присущие данной группе людей. В контексте китайской культуры оба этих смысла очень близки, и разделять их стоит лишь ради ясности дальнейшего изложения. Школа отлична по своему характеру от стиля. Стиль может преподаваться в разных школах, например один и тот же стиль шаолиньцюань или стиль Тигра (хуцюань) преподаются в десятках различных школах по всему Китаю. В то же время в современном Китае многие стили преподаются вне школ в спортивных секциях лишь на уровне гимнастических комплексов.

Само понятие школы вызывает немало вопросов. Что является сердцевиной школы? Можно ли, собрав самые лучшие приемы из разных стилей, создать свою школу? Какова структура школы? Что конкретно изучалось и передавалось в школе? Если углубиться в изучение китайских школ ушу, то вопросы будут расти как снежный ком и ни один ответ не будет окончательным, надо хотя бы однажды

---

* Маслов Алексей Александрович, научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.

понять «изнутри» такую школу. Но подавляющему большинству европейцев этого не дано, впрочем, как и многим китайцам, так как в школы принимают далеко не всех. На Западе школы создаются сотнями, но, как мы увидим, все они лишь структурно пытаются повторить китайскую традицию, да и то в виде нелепого фарса с серьезным лицом. Понять смысл школы равносильно тому, что понять смысл ушу, сам способ духовного общения в боевых искусствах.

Школа определяется несколькими составляющими. Наиболее важная — это мастер как живое воплощение духа первооснователя школы, вокруг которого и собираются ученики. Этому единству служат и особые тексты — трактаты и генеалогические книги, где упоминаются все носители школы, начиная от первопатриарха вплоть до последнего преемника «истинной традиции». Такие жизнеописания школы — «пу» — полностью копируют семейные хроники, которые имел каждый китайский клан. Они символизировали единство всех членов семьи в едином организме — семье или школе. Важен и другой момент в отношении хроник школы — они четко очерчивали линию преемствования, исключая подделки.

Помимо мастера и хроник, важнейшим определяющим компонентом школы были трактаты по боевым искусствам или комплексы упражнений — таолу, вбравшие в себя технический арсенал и методики преподавания стиля (тао).

Тао представляется как бы внешней, вещной, объективно-осознательной частью школы, мастер же был ее качеством и духовным наполнителем. Здесь существует потенциальная несопоставимость школ ушу между собой по качеству. Нонсенсом в китайской традиции звучат привычные для европейцев вопросы: «Какой стиль или школа лучше?» и даже «В чем заключен смысл данного стиля?» В Китае речь обычно ведут об «истинности» или «ложности» школы, т.е. о внутренней динамике ее преемственности от поколения к поколению. Высокой похвалой считался отзыв о школе как об «истинной передаче» или «истинной традиции» — чжэньчуйань. Это служит еще одним объяснением того, почему так высоко ценились именно древние школы, обладающие сакральными текстами и разработанной мифологией, ибо им «было что передавать». Вся эта линия в конечном счете и воплощалась в живущем мастере или патриархе школы, поэтому его и можно называть качеством данной школы. Человек, ни у кого не учившийся или не закончивший обучения и, таким образом, не перенявший «истинную традицию», в мире ушу ценился невысоко, даже будучи хорошим бойцом. Ему нечего было передавать, так как он сам ничего не получил и трансляция духа от поколения к поколению обрывалась. Так понимается «ложность» или «фальшивость» стиля — цзи — сравнительно точная имитация, практически неразличимая для непосвященных, но полностью лишенная «преемственности духа».

Таким образом, в Китае сравнение между школами и стилями шло не на уровне сопоставления технического арсенала или умелости индивидуальных бойцов, но как «истинность» или «ложность» преемственности традиции. В самом деле, школа ушу — это не набор приемов, но единое нерасторжимое целое, определяемое своим, только ей присущим качеством, сочетающим и универсальность содержания боевых искусств, и уникальность данного стиля. Было бы нелепо сравнивать школы ушу по принципу «лучше — хуже». Можно сопоставлять конкретных представителей, что, по существу, немного скажет о самой школе, ведь ученики далеко не равнозначны друг другу, это иногда не зависит и от самого мастера.

Мастер также не может быть «лучше или хуже», равно как нельзя стать Буддой наполовину. Мастер целостен по своим природным свойствам, он полностью реализован и просветлен. Полнота свойств проявляется не только во время непосредственной практики боевых искусств. Гармоничность его состояния как во время исполнения тао, так и в любой другой момент жизни становилась выражением искренности и неформальности его мастерства. «Каждое движение использует сердце, каждое действие обладает гунфу». Гунфу же — это и самореализация, и путь к ней, гласил древний афоризм. Незаурядность такого человека может увидеть даже непосвященный, хотя объективный критерий мастерства в ушу отсутствует.

Для понимания этого тезиса обратимся к живописи. Существует много талантливых живописцев, блестяще владеющих кистью. Ценитель отдаст предпочтение то одним, то другим, но никто не может обвинить Рафаэля или Босха, художников внешне абсолютно разнонаправленных, в отсутствии мастерства и с уверенностью сказать, какой художник лучше. Гунфу есть понятие в ушу абсолютное, хотя и представленное сотней несожженных стилей.

О китайских носителях ушу писать очень сложно. Слишком далеко отстоят они от нас. Речь идет даже не о времени, но о духовно-пространственной дистанции. Хроника упоминают о них крайне сухо, предельно по-деловому, влетая их в ряд поэтов, художников, преданных чиновников, отводя им место в «потоке Дао». Редко, крайне редко доходят до нас их высказывания — мудрые, точные, иногда ироничные.

Жизнь, творчество, идейные концепции мастеров ушу невозможно изложить тем общепринятым языком, каким мы привыкли описывать «жизненный путь» европейских знаменитостей. Причина тому не в отсутствии у нас биографий мастеров. Наоборот, их достаточно много, начиная от династийных историй, кончая семейными хрониками и устными повествованиями, но повергает в недоумение их поразительная схожесть, будто речь идет о некоем собирательном идеальном образе Мастера.

В их биографиях нет ничего, что говорит о мастерах ушу как об активных, творческих личностях и новаторах, творцах, настойчиво утверждающих приоритеты своих жизненных принципов, философий или концепций, что обычно высоко ценится на Западе. В Китае мастер ушу неприметен и в своей жизни лишь повторяет общий абрис развертывания Дао. Он влечен в цепь пространственно-временной передачи Учения, поэтому для китайской традиции имеет большое значение, у кого он учился и кто стал его учениками, нежели доскональная точность в описании его биографии. Личная драма творчества остается «за кадром».

Миссия этих людей — в передаче «истинной традиции». Они — лишь ответ «лика безликого» — того, что пустотно, неуловимо-всеобщее и которое и обозначается на словах как Дао, но которое лежит за рамками обыденно-чувственного понимания и словесных объяснений.

Жизнеописания мастеров стереотипны и явно собирательны. Это не насильственное обезличивание, характерное для технократических культур, обозначаемое «единство людей», где мы, самоуспокаиваясь, создаем мифы о каких-то «личностях» — вполне средних и вполне понятных нам людях. В китайской культуре «передача духа» — это высочайшее вознесение каждого до вершин наиболее талантливых и мудрых мастеров, где личностная конкретика — имя,

внешний облик — уже ничего не прибавит к экспрессивности общей картины духовного и физического совершенства таких людей.

Ушу предстает перед нами своеобразным зеркалом, позволяющим пристальнее взглянуть в возможность сохранения собственной природной целостности — того, что было присуще великим мастерам. Поэтому имеет смысл не излагать их биографии, но посмотреть на тот собирательный образ мастера, который сложился в китайском ушу.

Культе учителя, мастера и наставника — одна из характерных черт не только китайской культуры, но и многих стран Востока. Учитель — это не только тот, кто учит, но прежде всего тот, кто знает, кто обладает тайным знанием и может его передать. В ушу сам учитель — шифу — редко показывал какие-то приемы, считалось, что это настолько элементарно, что их может продемонстрировать и старший ученик. Шифу же учил уже своим присутствием. Он нес истину и мог поведать о ней. Но истина рассматривается как явление трансцендентное, абсолютное в своей реальности: она невыразима словами, но лишь постигаема внутренней сущностью. И тот, кто ею обладает, сам может рассматриваться как некое трансцендентное существо — Абсолютный Учитель. Шифу выступает сразу в двух ипостасях, его явленная сущность — смертный человек, обучающий тому, чему научил его учитель. Его вторая ипостась — скрытое, но перманентно присутствующее начало: он передает истину, поэтому он вечен. И в этом случае шифу безличностен, ведь он учит тому, что азвечно, или что преподано неким мистическим первоучителем. В качестве таковых в школах ушу рассматривались многие легендарные и полубогатые личности.

Шифу — это некий ретранслятор древнего учения великих учителей. Десятки мифов лишь подтверждали такой статус учителя в школе, значительно повышали его «ценность» — ведь он говорит словами древних. Чем древнее учитель, чем больше столетий прошло со дня его смерти, тем ценнее его слова. И передавать его суждения считалось большой заслугой, доступной далеко не всем. Так что статус учителя ушу, передающего мысли первопредка — тайцзу, благодаря этому был очень высок. «Тот достоин быть учителем, кто постигает новое, сохраняя в себе старое», отмечал Конфуций. Он же говорит и о содержании того, что передает учитель: «Я передаю, но не создаю нового, честен в словах и привержен древности». Таким образом, учитель в Китае — ретранслятор древней традиции, эзотерического знания, которое он сохраняет, передавая из поколения в поколение. Поэтому учитель не тот, кто лучше всех учит, но тот, кто лучше всех учится. Сам момент передачи требует как можно более точного воспроизведения слова и жеста, это ведь не просто символ, это решения и действия неких совершенных наставников — «тех, кто знал». Именно это и определяет само понятие традиции в ушу — долговременное сохранение знания благодаря личности учителя.

Итак, учитель ушу в Китае — это живое воплощение первооснователей школы. Он не божество, он именно человек во всей полноте проявления своей внутренней природы (сан), реализованный человек, великий своей связью с древностью. Школа в ушу должна обеспечить передачу того эзотерического знания, в которое был посвящен шифу, а фактически передать личность учителя ученикам. В этом и заключается сущность школы, которая обеспечивала бессмертие Абсолютного Учителя, воспроизводя его слова, его жесты, его поступки в каждом последующем поколении учеников. При обучении в школе ученик обычно редко удаивался каких-либо словесных объяснений, он должен был внима-

тельно следить именно за поступками учителя, стремиться быть во всем похожим на него. Эта «похожесть» ни в коем случае не должна была стать простой имитацией, но воспроизведением именно внутреннего состояния шифу.

Ученик, по-китайски — тудя, на высших стадиях обучения полностью воплощал в себе учителя, а соответственно и священное учение. Дословно туди можно перевести как «тот, который идет следом», что по смыслу близко европейскому эквиваленту «последователь». Ученик не заучивал какой-то набор информации, но был «следом» (цзи) и «образом» (сян) учителя. Учитель же передавая технику и умение ушу, фактически передавал самого себя; любой туди — это воплощение шифу, следуя формуле «ученик есть учитель».

В качестве абсолютного учителя могли выступать и животные, например в имитационных стилях сяньсиньцюань. Мастер Фу Миньхэ по стилю хоуцюань («кулак обезьяны») держал в своем доме в качестве учителя обезьяну, воздавая ей такие же почести, как шифу. Основатель стиля богомола — танланцюань — Ван Лан наблюдал за повадками сражающегося богомола, переняв его манеру поведения перед лицом опасности.

Китайский мастер — шифу — значительно отличался от обычного кулачного бойца, который показывал свое мастерство на ярмарках, бросал вызов другим бойцам, демонстрировал силу и многое другое. Роль учителя — не в этой показательной демонстрации, а в передаче методов и учения школы (шидао). Школа могла состоять всего лишь из одного ученика, но шифу передавал ему не только методы боя, тайные техники медитации и управления энергией ци, но прежде всего передавал себя самого, свою душу. Психологии истинного мастера было чуждо стремление к славе, к нажнице, к шарлатанству. Его миссия — передать традицию тайного и древнего искусства, а это, наоборот, заставляет избегать шумной толпы, страждущих ради забавы или ради простого любопытства узнать «что-нибудь из области ушу». Мастер чужд показательной демонстрации своего мастерства, и, может быть, поэтому имен самых больших мастеров мы не знаем.

В традиционном Китае проводилось определенное разграничение между умелыми кулачными бойцами, называемыми гаошюу — «высокие руки», и мастерами — шифу. Первыми восхищались, их боялись, они выступали на турнирах и демонстрациях, к мастерам же выказывали высшее уважение, что в Китае ценилось много больше.

Одной из характерных черт учителей ушу была их жизненная ненавязчивость, шифу никогда не проповедовал в пользу ушу среди непосвященных, не «засывал» к себе в школу. Самой психологии ушу были чужды реклама, массовость занятий. Учителем считался лишь тот, кто принципиально мог передать хотя бы одному из учеников, избранному из избранных, все секреты школы. Не сделав это, он обрывал нить истинной традиции и фактически не выполнял своей миссии Учителя.

Нетрудно заметить значительное различие в отношении к учителю и его роли в передаче традиции боевых искусств в Китае и на Западе. Если на Западе учителем может считаться любой человек, который преподает тот или иной предмет и при этом обладает каким-либо формальным удостоверением, например дипломом, то в Китае понятие Учителя включает ряд морально-этических и сакрально-философских моментов. В поисках истинных шифу ученики могли проводить всю жизнь. Многие мастера ушу вообще отказывались брать кого-ли-

бо в обучение, не видя достойных для передачи своих секретов, считая, что передача их знаний в этом случае может лишь повредить людям.

Учитель ушу как главный, а порой и единственный носитель школы, был не просто человеком, лучше других знающим свой стиль. По существу, он — человек с абсолютно иным, качественно более высоким восприятием мира как метафизической целостности. Он — не только тот, кто лучше всех знает ушу, но он и есть манифестация самого ушу. Подавляющее большинство его последователей навряд ли понимали ту глубину, которую он открывал перед ними, но они подпадали под непреодолимо притягательное обаяние его жестов, слов, взглядов, манеры поведения и в конечном счете под обаяние его трансцендентного образа. Именно этот образ и сохранял непрерывной традицию школы, так как даже со смертью учителя он продолжал жить в учениках.

Здесь мы вновь затрагиваем один из самых сложных и малопонятных для большинства энтузиастов ушу вопрос: чем же традиционное ушу отличается от современного? Где конкретно коренится традиция ушу? Ответ на него для многих авторов сводится к несложной формуле: «все, что не есть современное ушу — то традиционное» или «традиционное — это то, что существовало раньше».

Традиция, по определению большинства исследователей, — это относительно стабильная передача определенных понятий, верований, представлений и духовных образов, происходящая либо в явной, либо в скрытой (латентной) форме. Примечательно, что в традиции главенствует не форма действия, но его внутренний образ. Это справедливо и для ушу, поэтому традиция ушу — это не столько ответ на вопрос «что показывалось мастером ученику», но «что передавалось за внешней формой» и «как передавалось». Для ушу, как и для многих явлений восточной культуры вообще, каналом трансляции традиции являлась именно эта духовная связь «мастер — ученик», что выражалось классической формулой «передавая дух, преемствуем учение».

Интенсивность традиции поддерживалась именно образом первоучителя, сам же этот образ ковался в мифах и рассказах о «людях необычайных». Образ для последователя ушу был не чем-то далеким и расплывчатым, но наполнен реальным, вполне конкретным содержанием, ибо ученик сам ощущал себя преемником определенной школы.

Образ учителя в ушу, традиционный для Китая, может показаться для европейца парадоксальным и необычным. Это — не прекрасно сложенный атлет с грациозными мощными движениями, внушающий ужас и поклонение своими подвигами, окруженный молвой о своих подвигах. Облик легендарных мастеров — Бодхидхармы, Чжан Саньфэна — зачастую безобразен и отталкивающ. Подчеркнем, что речь здесь идет, конечно же, не о том, что каждый учитель ушу отличался странным видом, это — лишь собирательный персонаж легенд. Образ учителя ушу — уродливого и насмешливого — это, несомненно, создание народной культуры, реакция на вычурность и подчеркнутое благородство чиновников, их самовозвеличивание. Народная культура отреагировала на культуру элитарную неким «антисоциальным» образом учителя, поклоняясь ему не менее, чем богам и духам. Поведение мастера ушу сближалось с природной естественностью, спонтанностью действия «вне мыслей».

Утрирование, гротеск в жизни мастера не становились эпатажем социальной действительности. Скорее наоборот — четче обрисовывали те вещи, мимо которых равнодушно проходит интеллектуальный взор непосвященного. Этот

имидж заставлял задуматься над эстетикой собственного тела, не равной привычной нам классической греко-римской красоте и грации.

Существуют образ-идеал и реальная личность. Образ, естественно, ни в коей мере не отражает истинного положения вещей, однако диктует свои условия реальным персонажам — мастерам ушу, подводя их поведение под некий канон. Неприметность, скромность стояли за самоуничтожением.

Канонизация облика учителя, конечно же, не означала утерю личностной, индивидуальной самореализации его в преподавании ушу. Скорее наоборот, канонизация лишь способствовала этому, обожествляя и внушая огромное доверие к каждому слову и жесту мастера, а это и было невероятно важным фактором в передаче учения. Вместе с этим учитель не мог действовать вне рамок канона, ибо канон есть вообще суть передачи китайской традиции, ретрансляции или возобновляемости культуры.

Жизненная миссия учителя заключалась в том, чтобы передать через поколения истинное учение своей школы ушу. Ученик, ставший равным учителю, и учитель, вечно возрождающий себя в учениках, вызывают к жизни мысль о вечном духовном общении этих людей, называвшемся «духовное соприкосновение» (шэньхуэй) и которое не зависит от времени. Считалось, что когда ученик по какому-то обстоятельству покидал школу, он оставался связан тесными духовными узами с учителем и как бы подпитывался им. Вообще само учительство или наставничество в Китае считалось моментом соединения прошлого (или, что с литературной точки зрения не очень правильно, но более верно в смысловом контексте, прошлости) и будущности как временной протяженности. Поэтому учитель ушу нес ответственность не только за правильность и чистоту того, что он передает из прошлого, но и за все последующие поколения учителей и учеников, которые, как мы уже поняли, есть его порождение и перерождение.

Любой учитель быстро превращался в легенду, в то же время, полумифические личности, подобно Хуан-ди, Юэ Фэю, Гуан-ди, Чжан Саньфэну и Бодхидхарме, историзировались и становились на место первооснователей стилей. Их образы — яркие и общепризнанные — помогали передавать дух и мысль тех реальных личностей, имена которых затерялись или размылись под влиянием более сильных мифологических образов. Огромная духовная сила исторических личностей мастеров-учителей и мифологические образы их прототипов дополняли друг друга, создавая заряд неимоверной мощи. Это позволяло сохранять ушу на протяжении столетий, даже письменно не фиксируя, лишь в умах учеников. Ушу — один из немногих видов боевых искусств, долгое время передаваемый от учителя к учителю. Впервые полноценные трактаты по ушу появились относительно поздно, в XVIII в., до тех пор существовали лишь размытые описания в династических хрониках. Но момент ученичества и мифологизации ушу был столь силен, что не потребовал «вмешательства» письменной фиксации.

Мастер живет лишь для того, чтобы передать свою школу. Эта парадигма существования учителя определяет и жизненную миссию ученика школы ушу, который должен полностью воспринять стиль, сохранить его в чистоте, оберегать от случайных или нечестных людей.

Фигура мастера предельно мистична. Дело не в том, что «он может все», хотя ему доступно многое из того, что не доступно обычным людям. Он прежде всего обладает качественно иным характером знания и понимания коллизии процесса. Он смертен телом, но своим сознанием связан с трансцендентным началом высшей

реальности, черпает оттуда силы и возрождается в каждом последующем поколении учеников. Своим телом он такой же, как все, но представляет абсолютную загадку души, хотя и открыт для окружающих. Мастер живет в некоем запредельном пространстве, или, говоря словами китайских трактатов об ушу, принадлежит «к промежутку между наличием и отсутствием, бытием и небытием».

Здесь явно прослеживается мотив добровольного отшельничества. Обычно такой человек, даже оставаясь с людьми, хотя и понимается, но не принимается ими и всегда остается одинок — «отшельник в толпе людей». Мудрость всегда одинока, а для ушу это правило верно еще и тем, что лишь единицам избранных мастеров передаст свои знания, которые могут быть опасны как для окружающих, если они окажутся в голове неискреннего и не обладающего «боевой добродетелью» (удэ), так и для самого ученика, если его физические и духовные силы недостаточно крепки. Считалось, что лучше не иметь учеников вообще, нежели передавать их тому, в ком хоть немного сомневаешься. Не случайно многие известные мастера не имели учеников, и сейчас в народном ушу такое явление не редкость. Здесь возникает мучительно болезненный выбор: сохранить школу или уберечь ее от недостойных. Существует интуитивная уверенность в том, что школа не исчезает. Она порождение и манифестация неистощимого Дао, поэтому знание утрачено не будет, оно возродится вновь, возможно лишь в другой форме.

Огромный духовный потенциал мастеров, их непонятность и непривычность для окружающих заставляли их уходить от людей. Некоторые скрывались в горных скитах, их имена забывались, образ стирался из памяти, а народная молва лишь пересказывала легенды. Другие же жили как обычно, но ничем не выдавали своего знания.

Истинный мастер ушу ничем не проявляет себя, равно как и Дао познается только по своему «отзвуку» в других вещах; «несяно и туманно, но в нем заключены образы», — сказано в «Даодэцзине». Даос Чжун-цзы говорил, что облик учителя «темен и пуст, хоть целый день гляди — не угладишь, слушай — не услышишь, дотрагивайся — не дотронешься», то есть он повторяет все характерные черты Дао. Следуя десскому идеалу «нерожденного ребенка», когда сознание находится в абсолютно чистом и незамутненном культурой состоянии, китайский мастер ушу был велик силой своего духа и своей душевной щедростью, и в то же время он был скромнен и незаметен для окружающих. Не случайно мастеров сравнивали с темным зеркалом. Зеркало объективно отражает события, но в то же время само не изменяется, вечно оставаясь самой собой. Прохожий, проходя мимо зеркала, видит в нем лишь свое отражение, но не замечает самой зеркальной поверхности. Поэтому характер мастера потаен от окружающих.

Здесь проявилось особое отношение к акту творчества, характерное для Китая. Для западного художника, поэта, философа акт творчества может состояться лишь тогда, когда его произведение выставлено на публику и оценено ею. Для китайского мастера важен не результат, но сам процесс. Творческий акт совершается прежде всего для себя, для собственной души. Прекрасная каллиграфия, великолепный художественный свиток не обязательно должны быть выставлены напоказ. Мастер может выполнять тао лишь для себя, в отличие от народных кулачных бойцов, участвовавших в красочных боевых представлениях в деревнях. Момент самовыражения должен быть ускользающе-стремителен, и именно в этой мимолетности, неуловимости и состоит его высшая ценность.

Но что означает такое поведение? Фанатичный уход от реальности мира? Обретение добровольного отшельничества в толпе людей? А может быть, как чеканно выразился один из исследователей ушу, «угасание сознания»? Но разве обретение единства с миром есть уход от него? Символом внутренних направлений ушу было понятие «крутоворот» (чжоу) — некое запредельное единство в духе и вечное возвращение духа мастера внутри этой сферы. Вселенная звучит в человеке, а человек порождается этим миром и принадлежит лишь Дао. По этому поводу древний трактат говорит с удивительной ясностью: «Тот, кто познал, что есть единое, возвращается назад к безыскусности. Ему легко удовлетворять свои потребности и желания, он не нуждается во многом для вскармливания своей жизненности, поэтому его невозможно и заполучить на службу. Он находит самоудовлетворение в удалении от радостей мира, сохраняя свои чувства в срединной гармонии, соблюдая чистоту и незапятнанность, его невозможно измерить, опасно не повергает его в страх, угрозы не могут его запугать, поэтому никто не может подчинить его себе». Таким образом, мастер даже на людях отстранен от этого мира, спокойно, мудро и безыскусно переживает свою жизнь и судьбу.

Шифу представляется человеком, пустотным в своей явленности людям, вечно «проходящим мимо» и, более того, давно прошедшим сквозь данный временной момент. Он утверждает себя не как конкретная личность, но как совокупность всех «мастерских» моментов учителей прошлого. Ученик же воспринимает его след — след вечного образа. Чудесность китайского учителя ушу заключалась именно в его двойном существовании — в непроглядно далеком прошлом и туманном будущем. Мгновение настоящего представляется двойным проникновением — вперед и назад, которое реализовывало универсальную всераскинутость мира и учителя в нем.

Итак, истинный мастер-мудрец, постигший Дао, полон собственной природой, он как бы объемлет весь мир, и нет того, чтобы в нем не было заключено, фактически мастер равен самому Дао. Если обычный боец ушу лишь хорошо владел приемами, то мастер-мудрец обладал силой всей Вселенной, ибо постиг единство и корень всех вещей. Поэтому настоящий адепт ушу всегда был мыслителем и философом, шел к постижению своего искусства не только через тяжелые физические тренировки, но и через мучительную душевную боль преодоления разрыва с природой, с естественностью. В этой связи не случайно, что моральные принципы поведения адептов ушу именуется уде — «боевая добродетель». Мастеров ушу узнают именно по их уде, а не по количеству поединков или слухам об их подвигах.

Мастер всегда следует Дао, он не предпринимает сам никаких действий, лишь проживает свою жизнь как некое высшее предназначение, вселенскую миссию, легко и свободно. Он не замутняет свой разум сомнениями о выборе пути, ибо Дао само предопределяет выбор вне размышлений. Надо лишь довериться этому пути, а фактически — поверить в чистоту собственных свойств. Таким образом, он уравнивает собственные природные свойства (син), данные ему от рождения, некую человечески-мирскую универсальность и жизненность или судьбу (мин) — индивидуальные проявления его мастерства. Иногда природные свойства воспринимались как внутреннее начало человека, его психика и жизненность, физическое начало. Внутреннее предопределяется неизменным и неизбывным Дао, ушу же позволяет реализовать этот срединный универсальный путь в жизни конкретного человека.

Мастерство в Китае, которое и было равносильно понятию гуанфу, — это осознание мира, принципиально отличное от обыденного. Гуанфу начинается с прозрения собственных природных свойств (гуаньсин), для чего использовались различные медитативные техники. Мир, распадающийся в сознании обычного человека на сотни несвязанных явлений, собирался воедино, и ученик понимал «целостное Дао» (цзяньдао) и «достигал Единого». «Прозрение собственных природных свойств», «своего, незагрязненного истинного изначального лика», осознание себя как внесубстанционального существа, разлитого в природной естественности, приводит к ощущению наполненности себя всеми священными силами. Поэтому тао в исполнении мастера ушу вызывает ощущение стабильности, неразрывности и внутренней уравновешенности. Приводя свой дух в покой и умиротворяя собственную природу, мастер сливался своим пустотным сознанием с Дао, и тогда каждое его движение обретает исключительную ценность, ибо оно и есть воплощение самого Дао, а не механический повтор чьих-то поучений. Лишь у мастера прием исходит из сердца.

Мастер — это человек, открытый абсолютной тайне. Его душа представляет собой точку соположения двух начал мира — форменного и бесформенного или доформенного. Человек, который принадлежит лишь миру форм, оказывается погребен под многочисленными условностями, привязанностями, поклоняется своим символам, и каждый его новый шаг оказывается новой нитью, опутывающей его. Такой человек апологизирует всякую формальность — прием, слово, письменный знак, отгораживаясь непроходимой стеной от истинного пространства, которое, как известно, постигается «вне слов и письменных знаков».

Про мастеров ушу говорили, что они существуют на некоей грани, «промежутке», бытия и небытия, жизни и смерти. Мастера двойственны по своей природе: с одной стороны, они смертны по своей физической природе как конкретные личности, с другой стороны, они вечны, так как несут универсальное знание, передаваемое посредством ушу. Очень важно, чтобы у истоков школы стоял такой мастер. Появление таких уникальных людей, безусловно, большая редкость и может случиться, что в данном поколении учеников не появится такой «просветленный учитель» — минши. Однако своим присутствием в прошлом он «энергетизирует» школу, как канал передачи традиции. Семья, посеянное им в его непосредственных учениках, будет давать всходы в каждом новом последователе. Настоящая школа будет существовать лишь при наличии таких мастеров, они-то и являются основоположниками «истинной традиции». «Непросветленные учителя» не могут создать школу как цепь духовно-физического преемствования, но могут лишь имитировать ее по внешней форме, знаменуя этим «ложную традицию». Это частое явление на Западе, где школа ушу понимается не как момент постижения «внутреннего» знания, но как организация, где разучиваются приемы.

Передача традиции для Китая есть всегда передача истины. Ложное не может передаваться, ибо не является Учением, но лишь его формальным исполнением. Форма — это временное явление, вид, который имеет школа ушу, может меняться со временем, так же как в столетиях меняются комплексы, трансформируются методики нэйгун, способы тренировки. Но внутреннее содержание остается прежним, единым для всех форм и не зависящим от них. Задача учителя — используя наиболее оптимальные формы, донести до учеников эти знания.

Отсюда видно, что традиция есть прежде всего внутреннее явление, внешне — неуловимо-непостоянное. Многоликость того, что называется «искусством Дао», и есть яркое тому подтверждение. Мастер же, какой бы стиль он ни преподавал, несет в себе «истину-традицию», проявляющуюся в полноте его природных свойств, если, конечно, он не шарлатан.

(Окончание следует)

СОВЕТЫ НАЧИНАЮЩИМ ПОКЛОННИКАМ ЦИГУН

Дорогие читатели!

В связи с тем, что приложение к «ПДВ» — журнал «Цигун и спорт» в 1991 г. по независящим от нас причинам выходил с опозданием, многие читатели, подписавшись на 2 — 3 первых номера, упустили момент и вовремя не продлили подписку. В розничной продаже приобрести журнал очень трудно, а редакция не имеет возможности высылать его читателям. Поэтому, как и обещали, мы будем перепечатывать наиболее интересные материалы из недостающих номеров «Цигун и спорт» в журнале «ПДВ». Предлагаем Вашему вниманию заметки из серии «Советы начинающим» из № 3 «Цигун и спорт», 1991 г.

Заниматься цигун в меру

Цай Цзюнь

Начинающие заниматься цигун зачастую хотят как можно быстрее добиться результатов. Некоторые приступают к ведению ци с помощью мысли, не накопив достаточного количества ци в области дан-тянь, что приводит к «отклонениям». Другие занимаются слишком подолгу с чрезмерной интенсивностью. Я хотел бы высказать свое мнение о том вреде, который можно нанести здоровью, занимаясь цигун сверх меры.

Некоторое время назад я перенес тяжелую болезнь, очень меня ослабившую. Для того чтобы восстановить силы, я начал заниматься цигун по системе кун-цзинь ("пустое усилие"). Сначала я строго следовал правилу постепенности. Через четыре месяца уже мог «стоять столбом» по часу, не чувствуя усталости, и имел достаточно сильное ощущение ци. К этому времени состояние мое значительно улучшилось, появилась бодрость, увеличился вес. Я ощутил удовольствие от занятий цигун и, желая добиться еще больших успехов, решил увеличить интенсивность: принимать более низкую стойку и продлить время выполнения упражнений с одного часа до двух с половиной часов.

Погода была очень теплая, и после двадцати минут занятий я очень сильно вспотел. Когда упражнение было закончено, тело, несмотря на то, что с меня стекло много пота, было сухим. Казалось, что от меня идет жар, во всем теле чувствовалась легкость и расслабленность, лицо покраснелось. А когда я лег

спать, то долгое время не мог заснуть. Весь следующий день я испытывал вялость и сонливость. Тем не менее я решил, что это временное явление, и даже радовался тому, что в состоянии выполнять упражнение в течение двух с половиной часов. Поэтому, несмотря на вялость, продолжал занятия в этом сверхинтенсивном режиме. Через месяц коллеги заметили, что я похудел. Взвесившись, я обнаружил, что мой вес уменьшился на три килограмма. Сначала испугавшись, я стал затем успокаивать себя тем, что это лишь временное явление и что в конце концов терпение и труд все перетрут. И в то время, когда я приготовился продолжать занятия, погода изменилась, резко похолодало. Мой организм не выдержал такой внезапной перемены, и впервые за пять месяцев занятий цигун я заболел простудой, причем болезнь протекала необычайно тяжело. Только теперь мне стало понятно, насколько я ослаб физически. Проанализировав ситуацию, я пришел к выводу, что единственной причиной этого были перегрузки в занятиях цигун. Пришлось сократить продолжительность занятий до одного часа, усилить питание. И понадобился еще один месяц, прежде чем мое состояние вернулось к норме...

Все это свидетельствует о важности определения оптимальной нагрузки, которая ни в коем случае не должна быть чрезмерной по двум причинам: 1) методика «стояние столбом» кунцинь предполагает испускание «внешней» ци. Испускание большого количества ци приводит к большому энергетическим затратам, которые не успевают компенсироваться в течение дня. Как следствие — уменьшение веса, вялость, потеря тонуса; 2) «стояние столбом» в позе с согнутыми в коленях ногами чрезмерно продолжительное время является большой нагрузкой на организм. И если в течение следующего дня затраченная энергия не успевает восстановиться, происходит накопление усталости, приводящее к ослаблению организма. Вот почему занятия цигун требуют постепенности. Вот почему занятия цигун требуют соблюдения меры.

Наваждение

На западе провинции Шаньдун есть гора Гуншань. Покрытая густым лесом, она одиноко возвышается над другими горами. Пейзаж чарует глаз. В эпоху династии Тан сюда пришли два монаха. Соорудив нехитрое жилище из дерева, они остались здесь, посвящая все свое время самосовершенствованию. Добрые деревенские жители собрали деньги и построили для монахов небольшой монастырь, в котором они и поселились — один в западной стороне, другой — в восточной. С этих пор монахи прибавляли в усердие, покладываясь все свои силы отдать работе над собой и никогда не покидать монастырь.

Незаметно пролетело двадцать лет. В одну лунную зыбкую ночь, когда монахи, сидя каждый в своей келье, читали молитвы и медитировали, снизу, от подножия горы, донесся мужской плач, который постепенно приближался и скоро стал слышен у монастырских ворот. Затем он прекратился. Слышно было, как кто-то перелез через стену и вошел внутрь. Монах из восточного крыла увидел освещенного лунным светом человека огромного роста, который стремительно направлялся в западную келью. Как только он вошел туда, голос читавшего молитву тут же оборвался. Донеслись звуки ударов и борьбы, а затем

раздался предсмертный вопль, сменявшийся звуками, как при жевании и глотании пищи.

В ужасе монах из восточной кельи выскочил из ворот монастыря. Он бежал, не разбирая дороги, падал, снова вставал. Когда через долгое время он, совершенно обессиленный, обернулся, то увидел, что чудовище вот-вот его настигнет. Вдруг пошел сильный снег. Монах бежал, собрав последние силы. Через некоторое время он увидел перед собой жилище и коровник. Монах вбежал в коровник и спрятался в нем. Среди ночи он вдруг видит человека в черном с ножом в руках, ходящего взад и вперед за стеной, которой было обнесено жилище, как бы поджидая кого-то. Некоторое время спустя изнутри кто-то перебросил вещи. Человек собрал их. Вскоре через стену перелезла женщина, которая тут же исчезла вместе с мужчиной в черном.

Боясь, что его могут принять за разбойника, монах решил быстрее покинуть это место. Он прошел уже почти десять ли, как вдруг провалился в заброшенный колодец. Падение оказалось удачным. Он остался цел и невредим. Однако когда монах оглянулся, то застыл от ужаса: в колодце лежал труп женщины. Похоже, что убита она была совсем недавно. Когда рассвело, монах разглядел жертву: это была женщина, перелезавшая через стену.

Прошло немало времени. Вдруг монах услышал, как кто-то крикнул: «Разбойник здесь!» Несколько человек смотрели на него сверху. Они вытащили его с помощью веревки, связали и, не дав сказать ни слова, отлупили. Закричав от боли и обиды, монах рассказал им подробно всю страшную историю этой ночи. Среди этих людей нашелся один, бывавший в монастыре. Он узнал монаха. Однако рядом с монахом лежала убитая, и не было доказательств, что убившим был кто-то другой. Поэтому решили передать его в распоряжение местных властей. Там монах снова рассказал всю историю, добавив, что чудовище сожрало его товарища. Послали в монастырь для расследования. Оказалось, что монах из западной кельи на месте, ничего с ним не случилось.

По его словам, прошлой ночью, как раз во время чтения молитвы, его товарищ неожиданно вышел за ворота. Это было странно, так как они поклялись никогда не покидать монастырь. Окликнуть его он не успел. О том же, что произошло с его товарищем потом, он ничего не знал.

Так как рассказ задержанного монаха расходился с показаниями его товарища, он был заподозрен в воровстве и убийстве и во время допроса подвергся истязаниям. Этого монах не выдержал и дал вынужденное показание, признав свою вину. Однако из-за недостатка улик — не было найдено ни краденое, ни орудие преступления — приговор не был вынесен. Вскоре настоящий убийца и грабитель вновь совершил преступление в другом месте и был схвачен. Монаха оправдали и отпустили.

Эта необычная история, взятая из «Записок о чудесах», написанных в эпоху Тан, приведена здесь в сокращенном виде.

Так что же все-таки произошло с монахом из «восточной» кельи? Как говорили в древности, это — «внезапное помешательство», или «медитативное отклонение», случайно совпавшее с ограблением и убийством. По буддийским и даосским представлениям, вставший на путь самосовершенствования может встречаться с разнообразными наваждениями, внушаемыми темными силами, стремящимися препятствовать продвижению адепта по избранному пути. Наваждения могут являться в различных видах: ядовитых змей, диких животных, чер-

тей, чудовищ и т.д. Если адепт допустит в сердце страх, то он может лишиться возможности дальнейшего совершенствования. Или если, к примеру, при виде соблазнительной красавицы не сумеет мысленно противостоять искушению, все его многолетние достижения рассыплются в прах. Чем выше достигнутый уровень самосовершенствования, тем труднее испытание.

Что же является причиной «отклонений»? Может быть, в самом деле наваждения внушаются некими злыми духами, пытающимися стронуть козни? Конечно, нет. Дело в том, что главным средством самосовершенствования у буддистов является медитация в положении сидя. Говоря современным языком, статический цигун. А при «погружении в состояние покоя» во время перехода сознания в «бесшумные» у людей с не вполне здоровой психикой иногда могут возникать зрительные или слуховые галлюцинации. Плач, вопли и другие звуки, слышанные монахом, были ни чем иным, как слуховыми галлюцинациями. Великан-людоед — зрительная галлюцинация. Галлюцинации разнятся в зависимости от особенностей человека. У людей с нормальной психикой галлюцинаций обычно не бывает. А если они все же иногда возникают, то не оказывают на таких людей какого-либо влияния. Считается, что люди, «не поддающиеся» галлюцинациям, способны достигать больших высот в деле самосовершенствования.

У занимающихся цигун также могут возникать «отклонения» в виде галлюцинаций, произвольных движений, тревожных состояний, потери аппетита, временной неспособности нормально работать и т.д. В таких случаях необходимо прибегнуть к регулированию своего психического состояния приемом лекарств, успокаивающим массажем, воздействием на акупунктурные точки и т.п. К «отклонениям» предрасположены обычно люди с подавленной психикой, замкнутые, легко поддающиеся внушению, нервные, с хрупкой эмоциональной системой. Поэтому таким людям не следует заниматься цигун. Им больше подходят занятия тайцзицюань, бадуаньцзинь ("восемь отрезков парчи"), ритмической гимнастикой и другими динамическими системами.

КИТАЙСКИЙ ГОРОСКОП

для тех, кто родился в Год Обезьяны
(1908, 1920, 1932, 1944, 1956, 1968, 1980)

Родившиеся в этот год отмечены счастливым предзнаменованием: Ваш путь будут освещать удачно расположенные планеты, что принесет Вам благополучие, Ваши желания претворятся в жизнь, а дела будут идти стабильно и успешно.

Несмотря на то что на небосклоне Вашей судьбы появится так называемая «Звезда жестокого поражения», все у Вас завершится благополучно, Ваши добродетели спасут Вас. Однако Вам необходимо следовать по прямому пути, не сворачивая в сторону, и тогда при столкновении со злом победит добро.

Вам надлежит быть особенно осмотрительным при защите своего имущества, иначе Вы можете сильно подорвать свое здоровье и почувствовать себя несчастным. В целом же старания принесут хорошие результаты и беда обернется удачей.

Звезда Добродетели будет постоянно светить Вам, охранять Ваше спокойствие, окажет содействие Вашим успехам. Ее помощь Вы будете чувствовать в течение всего года.

Итак, что Вас ожидает в первые шесть месяцев Года Обезьяны?

Январь. Прилив новых сил, успех в делах, новые источники материального благополучия. Однако будьте осторожны при передаче имущества.

Февраль. Несмотря на отдельные досадные промахи, в целом все дела будут идти успешно, но сказать, что Вас ожидают безоблачные дни, нельзя. Ни в коем случае не проявляйте беспечности. Следует остерегаться завистливых людей: они могут причинить Вам зло. Проявляйте осторожность, и тогда Вам удастся избежать утрат и сохранить спокойствие.

Март. Вас ожидает полное благополучие, жизнь, окруженная ореолом счастья. У Вас в семье довольство и благополучие, так же как и в делах за пределами Вашего дома. Однако Вам не обязательно строго следовать принципам, иначе потеряете богатство. Избегайте вснужной суеты.

Апрель. Этот месяц для Вас пройдет под знаком трех Звезд — Счастья, Богатства и Долголетия. Границы прекрасного необозримы, задуманное будет успешно осуществляться, и Вас ожидает счастье во всем своем многообразии. Но будьте внимательны и бережливы к результатам труда.

Май. Все у Вас будет в целом прекрасно, хотя отдельных неприятностей не избежать. Надо беречь свой покой, иначе необдуманные действия навлекут на Вас бедствие. Не следует безрассудно проводить время с женщинами. Будьте бдительны в каждом поступке, только тогда Вы избежите непредвиденной грусти.

Июнь. Не стремитесь к покою. Вы владеете прекрасными добродетелями и должны хранить их в душе. Богатство подобно луне на небе — его может иметь каждая семья, но счастье, как прекрасный весенний цветок, никогда не бывает лишним.

РУССКИЙ ШАНХАЙ

В.Петров
(США)

2.

В начале тридцатых годов русский Шанхай в культурном отношении поднялся на необычайную высоту. Нужно заметить, однако, что культурному росту русского Шанхая в значительной степени способствовало и повысившееся материальное благосостояние русских шанхайцев. Как полагается, везде, во всех странах русского рассеяния, русские стали собирать средства, сначала по крохам, а потом и больше, на постройку своих храмов. Поначалу это были церкви во временных бараках, а позже появились великолепные храмы, построенные по чертежам русских архитекторов: Свято-Николаевский храм-памятник на Французской концессии (рю Корней), выполненный по проекту архитектора А.И.Ярона, и кафедральный собор во имя Божьей Матери — Споручницы грешных, тоже на Французской концессии. Собор был построен по чертежам и проекту архитектора Я.Л.Лихоноса. Следом за постройкой церкви стали появляться русские школы и издания, и, конечно, появилось неслыханное количество организаций: военных, торговых, профессиональных, спортивных и многих других.

Русские внесли крупный вклад в культуру международного Шанхая 30-х годов. В городе появились русские газеты, открылись театры драмы и оперетты. Шанхайский муниципальный симфонический оркестр дополнился десятками русских музыкантов, стал первоклассным оркестром. Газеты появлялись и исчезали, окрепли две: «Шанхайская заря» и «Слово». Обе эти газеты процветали и выходили во все время существования русской эмиграции в Шанхае. Особенно «Шанхайская заря», принадлежавшая Мечиславу Станиславовичу Лембичу, чрезвычайно талантливому человеку. Лембич попал в Китай с волной беженцев из Сибири и, конечно, сразу же, еще в Харбине, занялся изданием газеты. В короткое время газета «Заря» в Харбине стала его единоличной собственностью и превратилась в самую популярную русскую газету на Дальнем Востоке. В до-революционной России М.С.Лембич был известным журналистом, сотрудничавшим в столичной газете «Русское слово». Когда началась война 1914 года, М.С.Лембич стал военным корреспондентом своей газеты, и после ухода русской армии из Варшавы Лембич остался там, снабжая газету весьма ценными корреспонденциями из города, оккупированного немцами. По возвращении в столицу он был награжден лично государем Георгиевской медалью.

Во время гражданской войны Лембич был в Добровольческой армии генерала Л.Г.Корнилова, где получил еще одну высокую награду — Георгиевский крест. Затем он пробрался через территорию, бывшую под властью советов, в Сибирь, к адмиралу Колчаку. Затем — обычная эпопея, отступление на восток и в Китай. В Китае, кроме газеты «Заря» в Харбине, которую он возглавил в первые годы эмиграции, он несколько позже основал газету «Наша заря» в Тяньцзине и затем газету «Шанхайская заря» в Шанхае. Лембич умел выбирать способных людей для работы в газете, что и помогло ему создать необычайный для русского зарубежья газетный концерт из нескольких изданий в разных городах Китая.

Редактором «Шанхайской зари» был им принят талантливый журналист Лев Валентинович Арнольд, в прошлом сотрудничавший в газетах и журналах Омска, Хабаровска, Владивостока, а позже в харбинских газетах «Русский голос», «Рупор», «Свет» и «Заря». В Омске он занимал пост директора Русского бюро печати при правительстве адмирала А.В.Колчака. В Шанхай Арнольд прибыл в 1925 году и там вместе с Лембичем основал «Шанхайскую зарю».

Пишущий эти строки сотрудничал в «Шанхайской заре» с осени 1930 года. Работа под руководством Лембича и Арнольдова была прекрасной школой для меня, молодого журналиста. В Шанхае, кипящем политическими страстями, в международном городе, окруженном китайским морем миллионов людей, жизнь и работа журналиста была исключительно интересной и благодарной, хотя порой и опасной. Ведь время было переломным в истории Китая. Война между генералами, губернаторами отдельных провинций, бушевавшая по всей огромной территории Китая, часто волнами докатывалась до стен и ворот международного города. Японо-китайский конфликт в 1932 году вновь привлек внимание к этому международному городу. В зависимости от обстоятельств я был и репортером, освещающим текущие события в городе, и редактором спортивного отдела, и военным корреспондентом во время конфликта и исполнял много других функций.

Второй крупной газетой в Шанхае, также существовавшей многие годы, было «Слово». Редактором ее с самого основания был горный инженер Павел Иванович Зайцев. Были там и газеты «Копейка» под редакцией бывшего столичного журналиста Чвлякина, «Время», которую одно время редактировал Борис Алексеевич Суворин, сын знаменитого А.С.Суворина.

В мое время, то есть начиная с 1930 года, в газете «Шанхайская заря» сотрудничал (с 1929 года) поэт-журналист Михаил Цезаревич Спургот, до этого сотрудничавший в Харбине в газетах «Речь» и «Вечерний телеграф», а также в журналах «Синий журнал», «Пиллюля», «Вал», «Рубеж». В 1930 году приехал из Харбина журналист-фельетонист Алексей Владимирович Петров (Полишинель). В Шанхае он вначале был помощником редактора газеты «Вечернее время». Позже эта газета перешла в руки Лембича, переименовавшего ее в «Вечернюю зарю», редактором которой был назначен А.В.Петров. ...

Если не ошибаюсь, в 1931 году в Шанхай приехала из Харбина журналистка-фельетонистка Ю.Крузенштерн. В Харбине она сотрудничала в газете «Гунбо», издававшейся на русском языке. В Америке Ю.Крузенштерн-Петерс одно время была редактором газеты «Русская жизнь» в Сан-Франциско. Она скончалась летом 1983 года.

Н.И.Малиновский одно время издавал в Шанхае республиканско-демократическую газету «Голос» и, кроме того, был в Шанхае председателем Трудовой

крестьянской партии (была и такая в зарубежье). В газете «Слово» многие годы сотрудничал Николай Николаевич Языков, в конце тридцатых годов переселившийся в США, где он стал постоянным сотрудником газеты «Новая заря» в Сан-Франциско. ...

Заключив краткое описание мира шанхайских журналистов, уместно отметить крупную фигуру в мире журналистики, бывшего амурского журналиста Евгения Самойловича Кауфмана. До революции он сотрудничал в газетах Томска, Иркутска, Благовещенска и Зея-Присани. В Харбине В.С.Кауфман стал владельцем крупной ежедневной газеты «Рупор», а с 1929 года сделался также директором-распорядителем журнала «Рубеж» и детского журнала «Ласточка». Неожиданная смерть М.С.Лембича в Шанхае в 1932 году принесла Кауфману еще одно газетное дело. Банки, заведовавшие финансовыми операциями издательства «Заря», после смерти Лембича пригласили В.С.Кауфмана на пост директора-распорядителя издательства «Заря». Кауфман, таким образом, стал самой крупной величиной в среде русских газетных издателей на Дальнем Востоке.

Шанхайская «богема», как себя называли художники, литераторы, артисты и музыканты, создала кружки и общества, в которых они могли раскрыть свои таланты. Появилось литературное содружество «Шанхайская Чураевка», по типу харбинской. Насколько мне помнится, на первом, организационном собрании содружества присутствовало пять или шесть человек. Помнится, были поэтесса Ольга Скопиченко, поэт Николай Светлов, Сухатин и кто-то еще. Из писателей-журналистов я был единственным. Позже на ее еженедельные встречи стали приходиться десятки, а затем и сотни людей. Другим литературным содружеством был «Понедельник», где состояли журналист Н.И.Иваницкий (барон фон Грюнвальдус), поэтесса И.Ф.Фрюауф, журналистка А.А.Иваницкая (Анна Дальняя), писатель А.Д.Ненцинский, писатель-драматург П.А. фон Ольбрих (Павел Северный).

На содружестве ХЛАМ нужно остановиться несколько подробнее. Это было самое популярное содружество, на «среде» которого собирались «весь Шанхай». Оно начало свое существование осенью 1933 года. Основали его видные и активные представители шанхайской «богемы»: журналист А.В.Петров, поэт М.Ц.Спургот, редактор «Шанхайской зари» Л.В.Арнольдов, балетмейстер Э.И.Элиров, писатель В.С.Валь, музыкант А.Г.Бершадский, артистки З.А.Прибыткова и А.А.Панова-Рихтер, Л.А.Сквирский, П.А.Дьяков, А.О.Кирсанов, кто-то еще. Я одним из первых присоединился к содружеству ХЛАМ, и у меня до сих пор сохранился его членский билет.

Много способствовал успеху вечеров их постоянный конферансье, остроумный Эдуард Элиров. Часто вечера ХЛАМа проходили под каким-нибудь девизом — «Веселые эстрадники», «Улыбка Терпсихоры», «Поэзо-вечер», «Шестая держава» и многие другие. Многие вечера ХЛАМа были посвящены творчеству его отдельных членов. ...

Театр драмы, возглавлявшийся З.П.Прибытковой и В.И.Москвитинным, процветал так же, как и русская оперетта, в которой царил очаровательная Орловская со своим партнером Валиным.

Нередки были оперные постановки, и особенно популярными были балетные постановки в музыкальном оформлении пианистки из Харбина Олимпиады Алек-

---

ХЛАМ — художники, литераторы, артисты, музыканты. — *Прим.ред.*

сандровны Колчиной. И конечно, большим событием музыкальной жизни было приглашение в Свято-Николаевский храм-памятник популярного в Харбине регента Ивана Андреевича Колчина, который создал церковный хор храма.

В области литературных дерзаний Шанхай не мог похвастаться прославленными мэтрами всероссийской известности, но туда хлынула литературная молодежь из Харбина, которая присоединялась к кружку местных поэтов и писателей. Здесь сильно выросли в смысле техники и чувства поэзии харбинские поэты Ольга Скопиченко и Николай Светлов. Им даже удалось вскоре опубликовать небольшие сборники своих стихотворений: «Путь изгнанника» О.Скопиченко и «Сторукая» Н.Светлова. Несколько позже приехали из Харбина поэтессы Лариса Андерсен и Мэри Визи.

Из писателей, полностью отдавших свое призванию и не оставлявших пера, из людей старшего поколения можно отметить бывшего журналиста, сотрудника харбинской газеты «Новости жизни» Бориса Дальнего. Б.Дальний опубликовал в 1932 году свой первый шанхайский роман «Все, что было...». Из более молодых писателей можно назвать Павла Северного, вызвавшего много толков своей книгой «Косая Мадонна», из жизни жены А.С.Пушкина, Наталии. Пишущий эти строки начал свою литературную деятельность в Шанхае изданием первого сборника рассказов «Под американским флагом», вышедшего в 1933 году. До этого я начиная с 1932 года печатался на страницах шанхайских газет, главным образом в «Шанхайской заре». За этой первой книгой последовал роман «Лола» (1934) и сборник рассказов «В Маньчжурии» (1937). Писатель Аполлинарий Дионисьевич Нендинский, живший в Шанхае с 1928 года, сотрудничал во многих дальневосточных журналах. Из его литературных трудов вспоминается книга «Человек во фраке».

Шанхай был в это время богат поэтами. Сотрудник газеты «Слово» поэт Н.Н.Языков выпустил в 1931 году сборник стихотворений «Паруса», а несколько позже еще один сборник — «У самовара». Из сотрудников газеты «Слово» можно отметить талантливую поэтессу Ларису Андерсен, участницу многих содружеств.

Непререкаемым главой поэтического Парнаса был поэт Михаил Спургот, работавший поэтом-фельетонистом в «Шанхайской заре». До своего появления в Шанхае он жил в Петербурге, Одессе, Париже. Стихи Михаила Спургота — это тонкая нить с мелкой вязью нанизанных поэтических жемчужин. Нет никакого сомнения в том, что Михаил Спургот был мастером стиха. Среди его книг можно отметить «Экзоты эротики», «Букволязг гордый» и книгу, изданную в Шанхае, «Желтая Дама». В сборнике стихов «Желтая Дама», может быть, и видна некоторая вычурность, надуманность, даже неестественность и манерность (не подражание ли Игорю Северянину?!), но это тем не менее были творения мастера. Вот, например:

Знать Желтую Даму!..
Быть пажем у Дамы,
Пьянящие радости звездно ловить,
Поверить в мечтанья, что
сбылись неожиданно,
И Желтую Даму любить —

Лишь ночью, когда умолкают шумы,
И спят мостовые, и дремлют дома, —
Возможно, желанием нервы настроив
И сердце мечтой напоив допьяна!..

Или о полюбившемся ему Китае:

Сижу с китайцами в харчевнях,
Веда бесед несложных ряд,
И странной радостью напоен
Мой каждый в быт Китая взгляд!
И жадно впитывая соки
Культуры чуждой мне страны,
Я знаю, что подходят сроки
Тоскою вздыбленной весны!..

Горячий ханшин чуть туманит
Мозг, обожженный жаром слов,
И тихо плавают в тумане
Виденья чудниц и богов.

И сердце вдруг вздымает бурно,
Как от тайфуна вль грозы,
Одной лишь мысли всплеск лазурный
Из мудрых песен Лао-цзы!

Меня, как писателя, члена шанхайской литературной братии, многие годы интересовала судьба эмигрантских писателей и поэтов, которых я оставил, переселившись в 1940 году в Америку.

Знаю, что они, как и вообще вся шанхайская эмиграция, разделились. Одни уехали в Советский Союз, другие разъехались по всему миру. Поэт Николай Языков, еще до войны перебравшийся в Сан-Франциско, умер там несколько лет тому назад. Поэтесса Ольга Скопиченко, Мэри Визи и Виктория Янковская живут в Калифорнии. Ю.В.Крузенштерн-Петерс, несколько лет жившая в Вашингтоне, переселилась в Сан-Франциско, где с августа 1982 года стала редактором газеты «Русская жизнь» и пробыла им до своей смерти в 1983 году. Поэт Валерий Перелешин живет уже много лет в Бразилии. Поэтесса Лариса Андерсен живет во Франции, Н.Резникова — в США, Сухатин переселился в Австралию. Все они пишут, и некоторым удастся опубликовать свои книги. В сборниках стихотворений этих поэтов нет-нет да и мелькнут ностальгические чувства, воспоминания о молодых годах, проведенных в Китае.

Поэтесса Мэри Визи в своем сборнике «Голубая трава», опубликованном в 1973 году, так пишет о прошлом в том «бывшем» Шанхае:

Душной ночью, погодой майской,
под огромной луной шанхайской,
где блеснула речная гладь,
мы гуляли, ты помнишь, вместе, —

это было назад лет двести
или день один? Не понять.

К терпкой радости, к сладкой боли
расцвели кусты магнолий
в дальнем набережном саду;
у причала спали шаланды,
и никто не слышал команды,
предвестившей злую беду.

А потом посыпались бомбы,
люди прятались в каткомбы,
напоилась кровью земля...
И нельзя мне простить сегодня,
что вошла без тебя на сходни
отходившего корабля.

Ольга Скопиченко опубликовала в Америке две книги своих стихотворений: «Неугасимое» (1953) и «Памятка» (1982). «Ностальгических» стихов о Дальнем Востоке у нее немного. Отмечу одно, о Харбине:

Еще вчера цвела сирень,
Усыпав землю лепестками,
И солнечный, чудесный день
Не говорил о расставаньи.
Любимый старый парк мечтал,
Сирень к скамье склонялась низко...
И что-то нежное шептал
Студент смущенной гимназистке.
Диск солнечный давно ушел,
Шептался в ветках вестер свежий,
И было смутно, хорошо
От молодости и надежды...
Потом вокзала суета
И слезы на глазах любимых,
Звонком убитая мечта
И поезд, уходящий мимо.

Виктория Янковская, живущая теперь на Русской Реке в Калифорнии, опубликовала в 1978 году свой новый сборник стихов под названием «По странам рассеяния». И у нее также мелькают вспышки воспоминаний о юных годах в Корею и Китае, как, например:

Над Кореей вечер моросистый
Распустил печальное крыло,
Нити тонких аметистов
В небе судорогой свело.
Или:

На Французской концессии есть
пустыри,
Где могилы китайцев буграми,
Где трава, как в деревне,
цветами пестрит,
Где плачущие ивы ветвями
В нежно-желтеньких почках
качают весну,
Где свистят настоящие птицы —
Не из клеток; где я
почему-то взгрустну
На горячих кусках черепицы...
Я расстанусь и с этой страной,
Потому что вся жизнь —
расставанье,
Но с тобой, как с последней
весной,
Тяжелее, больнее прощанье...
Там и юность свою погребла
В жарких соснах и горных потоках,
У костров и у моря сожгла —
И осталась без них одинокой.

С теперешними калифорнийскими поэтессами перекликается Лариса Андерсен из далекой Франции. Как хорошо, что она, так далеко от бывшего русского Шанхая, творит, «не покладая пера»...

Я едва пробираюсь тропинкою узкой
Меж стенами пшеницы, пшеницы французской,
Как в России синеют, смесью, васильки,
Васильки васильками, — друзья далеки!

Если правда, что можно летать после смерти,
просто так, обо всем позаботятся черти,
ни билетов, ни виз, — то куда бы сперва?
Закружится, боюсь, у чертей голова.

Так друзей разметало по белому свету,
что бумаги не хватит заполнить анкету!
На Харбин? На Шанхай? На Мадрас? На Джибути?
На Сайгон? На Таити? Москву не забудьте!

Тель-Авив, Парагвай, Сан-Франциско, Канаду,
Сидней, Рио, Гонконг... И Варшаву мне надо!
А еще Соловки, Кольму, Магадан...
На метле? Я готова. Давай чемодан!
И другое:
Как радостно вместе шагнуть за порог
в мир, полный надежд и свободных дорог!

Мы за руки шли — «на просторы, к морям!» —
пока что к сожженным полям-пустырям.
И то! Больше нет ни толпы, ни войны,
есть небо, есть солнце... И мы влюблены.
Вот маленький холм и на нем ковыли.
Чудесный ковыль из чудесной земли!
Болотце! Совсем изумительный мир!
Какие-то мошки явились на пяр,
сидят на былинках счастливым кружком,
перед ними затянутый зеленю ком.
Алтарь? Тут обряды вершатся в ночи?
Болотце не скажет, болотце молчит...
Не надо тревожить торжественный час,
пускай поколдуют на счастье для нас!
Вон чья-то лошадка на воле бредет,
Но только худая, костлявый хребет,
и тычется странно... Слепая? Нет, нет,
довольно, не надо страданий и бед!
Но день омрачился.
То было давно,
и многим бездомно, и многим темно,
и нас разметало, и нам — все равно...
Быть может, неправда? Быть может, мы ждем,
что где-то когда-то друг друга найдем?
Быть может... Не знаю... Мелькают года,
и сердцу привычней принять «Никогда».
Лишь ночью мерещится: лошадь... ковыль...
и хрупкого счастья обломки да пыль.

Что же случилось с остальными? Совсем недавно довелось мне прочитать статью В.Перелешина в «Новом журнале», из которой я узнал о судьбе многих представителей шанхайского литературного мира, в особенности тех, кто уехали на родину. Харбинские поэты Арсений Несмелов и А.Ачаир были вывезены насильно из Харбина в Советский Союз. Оба там умерли: Несмелов в 1945 году, а Ачаир в 1965 году. Из Шанхая добровольно уехали поэты Н.Светлов, Н.Щеголев, Лев Гроссе, Слободчиков, Хаиндрава, Иевлева, Померанцев. Иевлева вскоре умерла, Померанцев исчез бесследно, Л.Гроссе был замучен в тюрьме. Николай Светлов умер в 60-х годах. Из уехавших в Союз, уцелевших там и продолжающих писать можно отметить писателя Павла Северного, издавшего там несколько книг. Писатель Хаиндрава (Хаиндров), живущий в Закавказье, тоже пишет, издает книги. Ильяна выпустила две или три книги. Из них только один Хаиндрава в своих описаниях жизни в среде русских эмигрантов Шанхая не забрасывает их грязью.

... Шанхайский симфонический оркестр сильно пополнился и обогатился русскими музыкантами-эмигрантами, занявшими там доминирующее положение

См.: А. Несмелов. Без Москвы, без России. М., 1991.

в тридцатых годах. Позже стали появляться бежавшие из гитлеровской Германии немецкие музыканты-евреи.

Уже в 1924 году с большим успехом выступал в Шанхае русский хор под управлением П.Н.Машина, приехавшего из Харбина. С появлением новых музыкальных сил появляются в Шанхае классы музыки и пения. К концу двадцатых годов Шанхай пополняется серьезными музыкальными силами: профессор В.С.Захаров, композитор, профессор С.С.Аксаков, оперные дирижеры Великанов и Слудский.

Приезжают талантливые певцы: Моложатов, Кармелинский. В 1934 году Шанхай посетил пианист и композитор Черепнин (сын), написавший там несколько музыкальных пьес на китайские темы и мотивы. В середине тридцатых годов устраиваются регулярные постановки театра оперетты под руководством Розена и Битнер.

Не оставали русские и от-моды того времени — джаза. Вероятно, самым популярным оркестром этого рода был джаз-оркестр С.Ермолаева (Ермол), игравшего в отеле «Мажестик». Прекрасной репутацией пользовался концертный квинтет А.Г.Бершадского, игравший в Астор-хаузе и Палас-отеле. Кроме Шанхайского муниципального оркестра на Международном селтльменте много русских музыкантов играло во французском муниципальном духовом оркестре, существовавшем с 1926 года. Весь оркестр из 25 человек, во главе с Тебневым, состоял из русских музыкантов.

Балетное искусство проявилось во всех его формах: классическое, акробатическое и другие. Часто артисты балета выступали с сольными номерами в фешенебельных отелях. Много балетных спектаклей было поставлено студией Т.П.Светлановой. Популярными были выступления режиссера-балетмейстера Б.А.Серова и его партнерши, балерины А.Манжелей. Э.Элиров ставил эффектные балетные постановки.

... Шанхай изобиловал художниками и архитекторами. Среди них особенную известность получили архитектор А.И.Ярон, по проектам которого в Шанхае был сооружен Свято-Николаевский храм-памятник. По его чертежам также были сооружены здание Министерства путей сообщения в Нанкине, танцевальный зал отеля «Мажестик» в Шанхае и др. Архитектор Яков Лукич Лихонос создал много скульптурных работ в Шанхае, а кроме того, по его чертежам и проекту был построен огромный кафедральный собор Пресвятыя Богородицы — Сподручницы грешных.

Всем бывшим шанхайцам, конечно, хорошо знаком художник-карикатурист Георгий Авксентьевич Сапожников (Сапажу), служивший в английской газете North China Daily News. Он также являлся директором издательства «Слово».

Из художников, имевших свои студии в Шанхае, можно отметить Василия Андриановича Засыпкина, получившего образование в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Не менее известным был художник Виктор Степанович Поддурский, а также Михаил Александрович Кичигин. Свою художественную студию имел художник Валентин Михайлович Марков.

Из совсем молодых, даже юных художников надо отметить Владимира Третичкова. Свое формальное художественное образование он получил в Шанхае, куда приехал в 1930 году, у художников Кичигина и Засыпкина. Владимир Третичков сделал феноменальную карьеру. Первые годы в Шанхае, куда приехал в 1930 году, у художников Кичигина и Засыпкина. Владимир Третичков сделал феноменальную карьеру. Он работал в должности заведующего художественно-рекламной студией

Mercury Press. В 1934 году он был приглашен в рекламную фирму Warrin Studio в Сингапуре. Там его застала вторая мировая война. Ему пришлось бежать из Сингапура на пароходе, который был потоплен японцами. В.Третчиков попал в японский концлагерь на острове Ява. После войны он оказался в Южной Африке, где неожиданно прославился и сделался не только художником с мировым именем, но и весьма состоятельным человеком. Его картины покупались за баснословные цены. Английские газеты писали, что В.Третчиков был вторым самым богатым в мире из живущих художников после Пикассо. Когда Третчикова об этом спросили, он ответил: «Я в карманы Пикассо не заглядывал». Теперь, со смертью Пикассо, капиталы которого были быстро разбазарены наследниками, Володя Третчиков, без сомнения, стал богатейшим из живущих художников.

Говоря о культурном расцвете русского Шанхая в тридцатых годах, можно отметить приезд туда во время дальневосточного турне знаменитого артиста, певца Федора Шаляпина, концерты которого были настоящим триумфом русского искусства.

Посетил Шанхай в те же годы и непревзойденный чемпион мира шахматист Алехин, давший несколько сеансов одновременно игры с десятками оппонентов.

Певец Вертинский приехал с концертами, полюбил Шанхай и остался там. С годами, однако, его популярность стала падать. Он прекратил концертную деятельность и стал владельцем ночного клуба. Вертинский почувствовал, что конец его карьеры в зарубежье близок, и решился на отчаянный шаг — уехать на родину! Родину он покинул в 1920 году, вместе с Добровольческой армией. Вертинский разочаровался в Шанхае и вообще в эмигрантской жизни. Он стал называть Шанхай клоакой, городом греха и перед самым своим отъездом в Советский Союз, будучи на курорте в Циндао, написал свое последнее стихотворение «Шанхай», бичующее грешный город.

Вознесенный над желтой рекой полусонною,
Город-улей москитов, термитов и пчел, —
Я судьбу его знаю... Сквозь маску бетонную
Я ее, как открытую книгу, прочел.

Это — Колосс Родосский на глиняном цоколе,
Это — в зыбком болоте увязший кабан,
И Великие Ламы торжественно прокляли
Чужеземных богов его горький обман...

Знаю: будет сметен этот город неоновый
С золотых плоскогорий идущей ордой,
Ибо Божеский, праведный суд Соломонов
Нависает, как меч, над его головой.

Вертинский уехал на родину, где он вновь ощутил вспышку кратковременного успеха, потускневшего в зарубежье .

См. В.Г. Бабенко. Артист Александр Вертинский. Свердловск, 1989.

В своем описании жизни русских в Шанхае я ничего не сказал о русских спортсменах, их организациях и их атлетических достижениях в международном Шанхае.

Большую роль в организации русской молодежи Шанхая сыграло общество «Русский Сокол», созданное по образцу всех сокольских организаций — в Чехословакии, Югославии и почти по всему миру. В обществе «Русский Сокол» проводилась идеологическая программа сохранения русского духа, принадлежности к русской культуре среди молодежи. И можно отметить с большим чувством удовлетворения, что «Русский Сокол» преуспел и воспитал десятки, а может быть, и сотни молодых людей, научил их гордиться своим русским происхождением и принадлежностью к русской культуре.

Конечно, «Сокол» был не только воспитательной, но и спортивной организацией. В «Соколе» проводились занятия по разным видам спорта, «сокола» и «соколки» принимали участие в международных спортивных состязаниях в Шанхае. Особенно процветали в «Соколе», кроме спортивной («аппаратной») гимнастики и легкой атлетики, такие виды спорта, как футбол, теннис, волейбол, баскетбол, хоккей, водное поло и многие другие.

Другой, чисто спортивной организацией было Русское атлетическое общество (РАО), объединившее, вероятно, лучшие русские атлетические силы Шанхая. Русские атлеты успешно выступали в спортивных состязаниях международного Шанхая.

Вновь, как это уже было в Харбине, русским, живущим в Шанхае, судьба уготовила испытание. Блестящие тридцатые годы, годы расцвета русской культуры, неожиданно закончились японским выступлением против Китая летом 1937 года. Русский Шанхай, однако, продолжал жить, как и прежде, еще четыре года, до декабря 1941 года, когда вспыхнула война между Японией и западными странами: Америкой, Англией и другими. Наступили для русской эмиграции тяжелые военные годы, а потом, после окончания войны в 1945 году, произошел развал эмиграции, вернее, ее разделение на два лагеря.

Как это было в Париже, так и в Шанхае эмиграция разделилась на два лагеря: одна половина, упоенная и ослепленная победами русского (советского) оружия, стала ратовать за возвращение на родину. Постаревшие эмигранты уговаривали своих детей, родившихся в Шанхае и даже не говорящих по-русски, «вернуться домой». Советское консульство воспользовалось этими тенденциями и начало широкую агитацию за возвращение на родину, обещая полную амнистию всем желающим съехать. О какой «амнистии» могли думать шанхайские юнцы, никогда не бывавшие в России!

Возвращенцы уехали на родину. Другая половина, люди, не поддавшиеся пропаганде, под угрозой надвигающихся красных китайских войск, покинули Шанхай в самые последние минуты и перебрались на остров Тубабао на Филиппинах, откуда после тяжелого сидения на тропическом острове они постепенно стали выезжать в другие страны: Австралию, США и в некоторые страны Южной Америки, главным образом в Бразилию.

Правда, несколько десятков, а может быть, и несколько сот русских еще остались в Шанхае, но тем не менее русскому Шанхаю, культурному центру Дальнего Востока, пришел конец. Нет теперь в Шанхае русского зарубежья, остались там только могилы, да и те, по слухам, уничтожены теперешними властями Китая.

В тяжелом, почти безвыходном положении оказалась русская колония в Циндао, на берегу Желтого моря. Город оказался окруженным красными китайскими войсками. Связь с Шанхаем прервалась. Железнодорожное сообщение прекращено. Единственным способом вырваться из ловушки было выехать морем, но в Циндао больше не было кораблей, а пароходные компании не могли рисковать и посылать туда суда на верный захват их красными. В городе еще находились американские военные, главным образом части морской пехоты, со дня на день ожидавшие посадки на военные суда. Для русских эмигрантов в порту не было ни одного корабля.

Энергичный человек, председатель русской эмигрантской ассоциации в Циндао Виктор Петрович Камкин, воспитанник харбинского юридического факультета, а в прошлом участник белого движения в Сибири, не троя времени, решил действовать через американские власти.

Пользуясь своими связями среди американского командования и дружбой с некоторыми высшими чинами морской пехоты, В.П.Камкин обратился к американским властям с просьбой принять меры к спасению русских. Он связался с адмиралом Ваджером, командовавшим военно-морскими силами в дальневосточных водах, который вынул мольбам В.П.Камкина и его друзей, американских офицеров, и обещал прислать в Циндао два американских корабля-танконосца. Русские жители были заранее оповещены о прибытии танконосцев, и им было сказано быть готовыми к отъезду в любой момент. Когда 13 января 1949 года корабли прибыли, русским эмигрантам, жителям Циндао, было дано 12 часов, чтобы погрузиться на корабли, взяв с собой только необходимое имущество. Конечно, пришлось побросать накопленное за многие годы добро, покинуть дома, приобретенные на скопленные деньги. Все было оставлено.

В.П.Камкин принял меры к тому, чтобы ни один русский, пожелавший эвакуироваться, не был оставлен в жертву красным. Весь день он носился по городу на американском военном джипе, заезжал в каждый русский дом, поторавливал людей, а главное — хотел быть уверенным, что каждый русский житель Циндао уведомлен о возможности эвакуироваться. Посетил даже тюрьму, настоял на освобождении русских заключенных. В результате в Циндао не был оставлен ни один русский из тех, кто выразил желание уехать. Остались только единицы, те, кто не хотел трогаться с места и не считал для себя опасным приход красных китайцев.

Тяжело нагруженные корабли-танконосцы с тремя тысячами русских эмигрантов и их скарбом в назначенное время благополучно покинули рейд Циндао. Корабли доставляли русских беженцев в Шанхай, где они присоединялись к тем русским, которые вывозились на остров Тубабао и — в свободный мир. Виктор Петрович и Елена Андреевна Камкины покинули Циндао через две недели, последними, когда там почти никого из русских не оставалось. Камкины были вывезены американцами в Соединенные Штаты на американском военном транспорте.

Заканчивая свою летопись русского Шанхая, того уникального русского центра дальневосточного зарубежья, который был, блистал и которого больше нет и не будет, хочу отметить еще одно уникальное наследие Шанхая, оставшееся потомкам, то, чего не оставили после себя наши зарубежники ни в Париже, ни в Берлине, ни в Прибалтике.

Русские зарубежные колонии в Западной Европе были значительно больше, чем дальневосточные. Нет никакого сомнения в том, что там преобладали крупные литературные силы. В Берлине, а позже в Париже поселились писатели и поэты всероссийской известности во главе с Бунным, получившим уже в изгнании Нобелевскую премию. Следом за ним можно перечислить целый ряд имен крупнейших литераторов и поэтов: Тэффи, Алданов, Иванов, Зайцев, Мержковский, Одоевцев... — всех здесь не перечислить, так же как невозможно указать имена всех политических деятелей самых разнообразных окрасок — генералы и адмиралы, политические деятели, сменовеховцы и славянофилы, монархисты и социалисты, профессора и архиереи.

Прошло 63 года со времени их исхода с юга России в 1920 году, и что же от них осталось? Этих людей больше нет. Они ушли в лучший мир. Остались, может быть, единички, десятки. От всей этой блестящей картины первых десятилетий зарубежного существования теперь ничего не осталось, кроме могил. Остались, правда, мемуары, воспоминания, разбросанные по многочисленным библиотекам. Остались книги писателей, но если историк или вообще любознательный человек захочет представить себе живую картину этой зарубежной России тех времен, в особенности если он молод и родился много позже, после Великого Исхода из России, он не сможет этого сделать. У него не будет полной, ясной картины тех времен, а только разрозненные мемуарные книги, которые ещё надо искать. Исследователю будет трудно достать фотографии выдающихся людей зарубежья того времени. Фотографий, собранных в одну книгу или в альбом, — нет. Значит, надо копаться и искать в десятках и сотнях книг. Русская эмиграция в Европе, несмотря на исключительное богатство ее в талантах во всех областях культурной жизни, жизненного памятника о себе не оставила.

В этом отношении Шанхай, вероятно, единственный из всех крупных центров русского рассеяния, оставил после себя изумительный памятник, живую картину, собранную из портретов жителей и видов русского Шанхая в период его наибольшего расцвета. Этот памятник — альбом фотографий и статей под названием «Русские в Шанхае».

Особенно поразительно, что альбом этот собран и составлен только одним человеком, энтузиастом, Владимиром Даниловичем Жигановым, в прошлом штабс-капитаном русской армии, участником первой мировой войны и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. Упорно и настойчиво В.Д.Жиганов в течение нескольких лет собирал фотографии русских шанхайцев для своего альбома.

В этом прекрасно изданном альбоме — весь русский Шанхай, все русские жители города. В альбоме фотографии бывшего генерального консула Гроссе и бывшего главы последнего правительства на территории России генерала Дитерихса, там же генерал Хорват. И затем — профессора и студенты, известные в прошлом России доктора, дантисты и акушеры; артисты оперетты, балета и драмы; известные балетмейстеры и неизвестные танцовщицы кабаре-программ в отелях; телохранители и ночные сторожа; чины полиции Международного селтльмента и Французской концессии; учителя и ученики русских школ; чины противопиратской охраны на пароходах и русские капитаны, офицеры и радисты на морских пароходах. Указаны подробно все представители литературного мира: писатели, поэты, фельетонисты и юмористы. Бесконечные фотографии представителей спортивного мира — борцы, боксе-

ры, гимнасты... Даны снимки купальщиц на пляжах курорта в Циндао и помещены снимки элегантных дам на фешенебельных благотворительных балах. Тут же часторговцы, коммерсанты, кушцы и мелкие торговцы. И наконец, страницы фотографий детей самых разнообразных возрастов. Альбом «Русские в Шанхае» — это уникальный живой документ всего русского Шанхая, людей всех профессий, от великого до малого. Открывая альбом и перелистывая его страницы, вы видите живую картину русского Шанхая тридцатых годов.

Русский Шанхай, теперь не существующий, оставил после себя замечательный памятник — картину всего русского Шанхая, собранную в один сборник. Это и живой памятник русскому Шанхаю, и памятник неутомимому создателю альбома, издателю штабс-капитану Владимиру Даниловичу Жиганову, только недавно скончавшемуся в Сиднее, Австралия.

Редакция журнала в связи с этим призывает всех заинтересованных лиц и организации Русского зарубежья предпринять совместно переиздание этой книги..

Почти 50 лет спустя

... Вернулся я в Шанхай с группой американских туристов почти через 30 лет. Легко сказать, прошло столетия с тех пор, как я покинул эту столицу Дальнего Востока — «Желтый Вавилон». Вполне понятно мое волнение от возможности повидать тот город, в котором прошла моя юность.

В городе ничего не осталось от того прежнего, европейского облика, которым этот город отличался до захвата Шанхая китайскими коммунистами или, как теперь там говорят, до освобождения. Шанхай теперь — чисто китайский город. И кажется странным, что теперь на этих улицах, когда-то полных русских людей, нет ни одного русского, не видно ни одного русского лица. Кажется, что какая-то космическая сила мазнула своей магической кисточкой по улицам города, и исчезли мигом все 50 тысяч человек — улету-чилились, испарялись.

Мне удалось найти в отеле пожилого китайца, который хорошо помнил прежний, довоенный Шанхай. Он помог мне на плане города уточнить место, где находился русский собор, где была авеню Жоффер и где был французский клуб, в котором я когда-то часто бывал. Улица совсем не похожа на ту «русскую» улицу, какой она была в тридцатых годах. Несмотря на уверения гида, что никаких русских церквей в Шанхае нет, я все же разыскал собор. Правда, вид его печальный: без крестов на куполах, на дверях замки, стекла в одном окне выбиты. Другой храм, Свято-Николаевский храм-памятник, я не нашел. Слышал, что он стоит, не разрушен.

Шанхай, лето 1983 г.

Александрия, Виргиния 27 августа 1982 года.

Рожденный под звездой России

Познакомилась мы в Москве весной 1989 года, когда я совершенно случайно узнала, что по приглашению Академии наук СССР для выступления с докладом на тему «Русская Америка» приехал профессор из Вашингтона, русский по национальности, но до этого никогда в Союзе не бывавший. Естественный журналистский интерес заставил меня искать встречи с этим человеком, и профессор Петров охотно согласился на интервью, хотя его пребывание в столице было кратковременным — предстояла поездка в Ленинград. В результате нашей беседы появился обширный материал в «Московской правде» и завязалась переписка.

Сейчас Виктор Порфирьевич считает, что с первым приездом в Москву начался новый период в его жизни. Тогда он неожиданно для себя узнал, что в планах издательства «Книга» числится его роман «Камергер двора», а журнал «Вопросы литературы» готовится опубликовать доклад о русской литературной жизни Харбина и Шанхая, сделанный им на конференции в Голлулу. После гостевых материалов о В.Петрове к нему стали поступать многочисленные предложения из различных издательств и альманахов о публикации его произведений. А это, конечно, очень много значит для человека, который издал за рубежом два с лишним десятка книг на русском языке о жизни наших соотечественников в Китае, Америке в недавнем и далеком прошлом и который сказал во время нашей первой беседы: «Я пишу для России».

Возможно, такое признание покажется кое-кому странным, если учесть, что впервые Виктор Порфирьевич приехал на историческую родину на 82-м году жизни и никому раньше здесь свою беллетристику не предлагал, хотя его труды хорошо знают в научных кругах. Однако, как мы помним, у писателей русского зарубежья не так давно появилась возможность публиковать свои произведения в Советском Союзе, и, конечно же, в первую очередь мы обратились к творчеству тех, кто нам ближе, кто еще недавно был «нашим».

Разве мог надеяться Виктор Порфирьевич, хорошо знавший первоначальную реакцию на роман Б.Пастернака «Доктор Живаго», что в Стране Советов когда-то увидит свет, к примеру, его повесть «Катаклизм», рассказывающая о белом движении на Дальнем Востоке, причем от лица тех, кто в итоге потерял Родину, вынужден был бедствовать в Китае? А Виктор Петров, естественно, видел события, происходившие тогда в России, глазами человека, выросшего в «русском провинциальном» Харбине, проведшего шумные, интересные молодые годы в «желтом Вавилоне» — Шанхае, где после долгих мытарств обосновались солдаты и офицеры разбитых белых отрядов. И в этом — особая ценность его рассказов и повестей китайского цикла, позволяющих нам восполнить некоторые пробелы в истории Отечества.

Виктор Петров родился в 1907 г. в Харбине в семье священника, приехавшего в Маньчжурию вместе с первыми строителями Китайско-Восточной железной дороги. И несмотря на то, что он вырос и получил образование в Китае, родными ему были и остаются русский язык, русская культура. Дело в том, что Харбин, где поселились приехавшие главным образом из Сибири строители КВЖД, был истинно русским городом с типичными для России постройками, укладом жизни, христианскими праздниками. В Шанхае, куда выпускник юридического факультета

перешел в 1930 году, в русской колонии также хранили национальные культурные традиции, праздновали, как и в России, Рождество, Паску, Троицу, а молодежь всюю гуляла в студенческий Татьянин день. Надо сказать, что Виктор Порфирьевич и сейчас говорит по-русски практически без акцента, хотя разговаривать на родном языке в последнее время ему доводится немного.

И все-таки русский юноша, конечно, вволю «клубнул» Востока и даже серьезно увлекся им. Не зря на юридическом факультете он пожелал учиться именно на восточном отделении. И был счастлив, когда во время случайной встречи с Николаем Рерихом в вагоне поезда, где они двое суток провели в нескончаемых разговорах, знаменитый философ и художник горячо одобрил его увлечение востоковедением.

Однако жизнь распорядилась иначе, и Восток, в частности Китай, Виктору Петрову пришлось изучать не как исследователю, этнографу, философу, а через повседневную жизнь, с ее трудностями и неожиданностями. Не от хорошей жизни, конечно, студенту юрфака летом приходилось становиться ковбоем, отлавливать в монгольских степях лошадей и доставлять их в железнодорожном вагоне в Шанхай на ипподром. В конце дороги он был весь в синяках от лошадиных зубов и копыт, но Виктор Порфирьевич сейчас с удовольствием вспоминает те годы (молодые!), не забыв подчеркнуть, что, таким образом, и завершение последнего своего ковбойского лета он перебрался в Шанхай окончательно, сэкономив на билете немало денег.

Да, денег не хватало, и как подарок было место музыканта в китайском похоронном оркестре, куда Петрова устроил его бывший сокурсник Виктор Камкин. Затем — новая «удача». Благодаря тому, что у русских была установившаяся репутация хороших стрелков, его взяли в качестве бодигарда (телохранителя) к одному из китайских генералов. Пришлось срочно осваивать науку меткой стрельбы навскид, потому что от этого зависела не столько репутация, сколько жизнь — «профессия» была опасной.

Работа такого плана, по словам Виктора Порфирьевича, «помогала сохранить душу и тело вместе». Но уже через год после приезда в Шанхай Виктор Петров стал репортером сразу в двух газетах — русской и американской. Здесь ему помог опыт «юности» — еще в Харбине он работал репортером в американской ежедневной газете «Харбин дейли ньюс», выпускаемой бывшим издателем американской газеты в Петербурге мистером Визи. Помогало, конечно, и знание языков: Виктор Порфирьевич, кроме русского, владеет английским, китайским и японским. И во время японо-китайского вооруженного конфликта в 1931 — 1932 годах он, как корреспондент, добывал нужные ему сведения как в китайском, так и в японском штабах (рискуя быть обвиненным в шпионаже).

Много интересных эпизодов, встреч, знакомств было в журналистской судьбе Виктора Петрова. Например, он общался с Рихардом Зорге, к которому, правда, испытывал неприязнь, как к настоящему «наци», или разоблачил на страницах своей газеты известного шпиона Требиш-Линкольна, уроженца Венгрии, который, добившись британского подданства и даже места в парламенте, в годы первой мировой войны работал на немецкую разведку, а накануне ареста скрылся и объявился в Шанхае как буддийский монах. Молодой репортер бывал и на дипломатических приемах, и в самых «криминальных» шанхайских кварталах, что давало ему богатый материал не только как журналисту, но и как начинающему писателю.

Нужно отметить, что в начале 20-х годов, когда в Харбин и Шанхай вместе с остатками белой армии прибыло немало гражданских беженцев, среди которых были представители интеллигенции, петербургская профессура, культурная жизнь русского зарубежья заметно оживилась.

Некоторое время у Петровых в Харбине жил известный в те времена русский писатель Петров-Скиталец, и Виктор, с детских лет увлекавшийся литературой, многое почерпнул от общения с ним. Он хорошо знал членов Харбинского литературного объединения «Молодая Чураевка». Это название было дано в честь «Чураевки», которую основал в Америке эмигрировавший туда известный сибирский писатель Гребенщиков, автор книги «Братья Чураевы». А Виктор Петров позже создал литературное объединение «Шанхайская Чураевка», в организации которого ему помогали поэтессы Ольга Скопиченко и Мэри Визи.

В 1933 году в Шанхае вышла первая книга В.Петрова — сборник рассказов «Под американским флагом», через год — роман «Лола», а в 1937 году — новый сборник «В Маньчжурии», который оказался последней книгой, изданной в Китае. Виктор Порфирьевич продолжил свой китайский цикл, уже живя в Америке, хотя тогда к нему пришли и другие темы.

Жизненные обстоятельства заставляли Петрова поменять немало мест жительства и мест работы, пока он не обосновался окончательно в Соединенных Штатах, где живет уже более 50 лет. Но очевидно, тяга к путешествиям, к перемене мест была у него в крови, потому что до сих пор этот нестареющий, не теряющий бодрости человек колесит по свету, изъездив его уже вдоль и поперек, и, получая очередное письмо, я узнаю о новых поездках.

Мне кажется, именно тяга к путешествиям, к познанию мира и людей была решающим при выборе дальнейшего направления деятельности, когда, поселившись в Соединенных Штатах, Виктор Порфирьевич решил продолжить свое образование, чтобы получить американские дипломы. Он последовательно добился степени бакалавра экономических наук, магистра исторических наук и доктора географических наук. Начиная с 1945 года профессор Петров более 30 лет преподавал в университетах Джорджа Вашингтона в Вашингтоне, Калифорнийском в Лос-Анджелесе, Виктории в Канаде и других. Его приглашали читать лекции в Мэрилендском и Лейнвальванском университетах, Калифорнийском технологическом институте. И ко всему, он продолжал путешествовать, сотрудничал с русскими газетами в Сан-Франциско и Нью-Йорке, писал на английском языке научные труды и на русском — беллетристику.

Китай, страна юности, как «первая любовь», конечно, всегда оставался в сердце Виктора Петрова. Уже в США были написаны и увидели свет художественные и публицистические книги «Город на Сунгарии», «Шанхай на Вампу», «Катаклизм», «Албазинцы в Китае», «Российская духовная миссия в Китае» и другие. Однако увлекся Виктор Порфирьевич и другой темой: русские в истории Америки. Неоднократно бывал на Аляске, в Форт-Россе, искал и изучал документы о русских первопроходцах, о морских экспедициях, исследовавших американское побережье, о наших соотечественниках, участвовавших вместе с американцами в сражениях, как, например, генерального штаба полковник Турчанинов, который эмигрировал в Америку, воевал в армии северян командиром 19-го Иллинойского полка и получил за свою доблесть чин генерала.

Это увлечение, эта работа приносила все новые открытия, и научные, и вполне практически. После тщательного изучения документов, сопоставления

фактов, бесед с людьми Виктор Петров разыскал наконец и помог возвращению пропавшего колокола с колокольни православной церкви в Форт-Россе. Открытием для советских читателей, вероятно, станут некоторые факты биографии известного русского мореплавателя И.Ф.Крузенштерна, который в романе В.Петрова «Камергер двора» представлен в несколько ином свете, чем принято в нашей исторической литературе.

Помог Виктор Порфирьевич и своим советским коллегам совершить некоторые открытия, хотя жил за тысячи километров от Союза. В его распоряжении находились архивные материалы, которые в то время не были доступны нашим ученым. Активно переписываясь с академиком Окладниковым, американский ученый вначале подсказал ему идею начать раскопки на месте русского казачьего форта на Амуре — Албазина, а затем написал, каким образом и где нужно искать старинную албазинскую икону Божьей Матери. И икона была найдена в Благовещенске благодаря присланному Петровым точному описанию фигур, на ней изображенных, манеры письма и довольно необычной надписи «Слово плоть бысть» на обратной стороне доски. Академик Окладников прислал своему американскому коллеге фотографию этой иконы, и она сейчас бережно хранится в домашнем архиве Виктора Порфирьевича.

Профессор Петров ведет весьма обширную переписку. Его адресаты живут во всех концах нашей планеты. Это — ученые, собратья по перу, но в первую очередь — друзья молодости, с кем он вместе работал, участвовал в творческих объединениях «Шанхайская Чураска» и ХЛИАМ. Мэри Визн вернулась на родину, в США, также в штате Калифорния уже пять десятилетий живут Ольга Скопиченко и Виктория Янковская, Лариса Андерсен обосновалась во Франции. Из Бразилии приходят письма от поэта В.Перелешина, настоящая фамилия которого Салатко-Петрище. Он до сих пор продолжает активную литературную деятельность — выходят книги его стихов, статьи, большая поэтическая подборка была пару лет назад опубликована в журнале «Огонек».

Недавно во время поездки по Австралии Виктор Порфирьевич неожиданно встретился и с другими своими шанхайскими знакомыми, хотя планировал увидаться в Мельбурне лишь с давним приятелем, в прошлом — профессиональным охотником на тигров, о котором написан рассказ «Старый друг». Однако благодаря выступлению по спиднейскому радио Петрова разыскали его бывшие сослуживцы, с которыми после отъезда из Шанхая он не виделся 53 года. А в Брисбене была встреча с дочерью известного дальневосточного писателя Н.Байкова — Наташей. Обо всем этом Виктор Порфирьевич подробно написал мне в одном из писем.

Есть в почте Виктора Петрова и письма от его читателей, даже из таких экзотических краев, как Патагония. Как-то на конференции в Ситке (на Аляске) к нему подошел немец, учившийся в свое время в гимназии имени Достоевского в Харбине, живущий сейчас в Мозамбике и хорошо знающий русский язык. Он был знаком с книгами Петрова и выразил автору свою признательность. А теперь наконец Виктор Порфирьевич обретает читателей и в России. Впрочем, и раньше были у Петрова читатели в нашей стране, правда, считанные единицы, те, кто бывал по делам в Вашингтоне, интересовался там русской историей и мог позволить себе потратить несколько долларов на понравившуюся книгу, допустим, в книжном магазине Камкина. Да, да, того самого Виктора Камкина, который в свое время помог бывшему сокурснику устроиться в Шанхае в китай-

ский похоронный оркестр. Покинув Китай в 1949 году в числе партии русских эмигрантов, не пожелавших остаться под властью «красных», он открыл в Вашингтоне русский книжный магазин, где на полках рядом с произведениями писателей зарубежья стали появляться и советские издания — журналы, газеты, книги. Это вызвало недовольство в некоторых эмигрантских кругах, и Камкина, добровольца армии Колчака, участника волочаевских боев, зачислили едва ли не в большевики. Однако магазин стал весьма популярен у тех американцев, кому нужна была непосредственная информация об СССР, а также у советских граждан, интересовавшихся литературой русского зарубежья. Предлагал Камкин покупателям и книги своего давнего друга Виктора Петрова.

И все-таки массового читателя у Петрова не было. В последние годы даже тысячный тираж, мизерный по нашим понятиям, но приличный, по словам Виктора Порфирьевича, для эмигрантской литературы, расходился лишь наполовину. Его книгами интересовались преимущественно эмигранты первой волны, которые до конца своих дней хранили в сердце любовь к России, тоску по потерянной Родине. Русские, попавшие в Америку в годы второй мировой войны или в последние два десятилетия, зажили обособленно, своими проблемами и интересами. А второе или третье поколение эмигрантов уж вовсе не интересуется историей России, славными деяниями предков.

Наверно, это естественный процесс, когда чужая земля, питая живой организм своими соками, настраивает его на свою программу. Во многих русских семьях, где дети появлялись на свет уже на американской земле, стараются привить им любовь к родине дедов и прадедов. Есть русские культурные центры, есть воскресные школы, где изучают язык. Но окончательно формирует человека окружающая среда, общество. И уходят новые поколения от чужих берегов своими маршрутами.

Не стала исключением из правил и семья Петровых, хотя про их дом не кривя душой можно сказать: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет». Со своей будущей женой Виктор Петров был знаком еще по Харбину, где Лиза училась в гимназии. Однако она вместе с группой молодежи ускала в США еще в 20-е годы, когда появилась возможность продолжить образование в американских университетах. Вновь будущие супруги встретились в Сан-Франциско, когда у Лизы была уже дочь Татьяна, что не помешало семейному счастью. Потому что была любовь, было взаимопонимание и желание сохранять на чужом континенте свое лицо, национальную самобытность. И когда Таня, лет до 12 плохо знавшая русский, попыталась дома говорить по-английски, мать перестала ее «понимать», и девочка быстро освоила родной язык. Увлечлась она под влиянием родителей и русской литературой, что позволило ей позже получить хорошую должность в Национальной библиотеке Конгресса США в Вашингтоне и завоевать репутацию большого знатока русской культуры. Довольно часто Татьяна ездила в Москву в командировки и, хотя была подданной США, считала себя русской. А вот внук Виктора Порфирьевича, по его признанию, уже типичный американец. И после смерти Лизы, а затем Тани в доме Петровых практически перестала звучать русская речь.

Так что книги, которые писал Виктор Петров, адресовались не внуку или его сверстникам, потерявшим духовную связь с Россией. Писались они для потомков «красных комиссаров», для кого неведомой Атлантидой был большой и довольно богатый материк русского зарубежья. Сейчас Виктор Петров не совсем уверен, что уже есть его новый читатель. Он признает, что в Советском Союзе произошли большие перемены, что резко возрос интерес народа к своему историческому про-

шлому, но, по его мнению, пока это лишь некий всплеск, естественное движение «качелей» общественного сознания, но не произошла еще коренная перестройка мышления, не возрождены давние культурные традиции, которые отличали русскую интеллигенцию начала века. Вот и с изданием книг складывается странная для Виктора Порфирьевича ситуация: при обилии всевозможных предложений реальностью пока является лишь контракт на выпуск издательством «Наука» книги «Русские в истории Америки», статья в «Вопросах литературы» и данная публикация в журнале «Проблемы Дальнего Востока». Хотя для нас, думаю, такое положение дел вполне привычно. Однако известен все-таки стал на русской земле писатель русского зарубежья Виктор Петров. В августе 1990 г. по приглашению общества «Родина» он вновь приезжал в Советский Союз и смог наконец вволю походить по Москве и Ленинграду, хотя официальная часть «визита» была весьма насыщена: встречи, выступления, запись на телевидении. Очень интересной и, по словам Виктора Порфирьевича, «насыщенной национальным колоритом» оказалась поездка в город Тотьму, на родину одного из основателей Форт-Росса Кускова. С сотрудниками тотемного музея он переписывался уже давно, прислал им свою дилогию «Сага Форт-Росса», фотографии, сделанные во время многочисленных поездок на Аляску, а теперь состоялась личная встреча с красведами, знакомство с Тотьмой, где еще сохранилась атмосфера русского уездного городка. Это смутно напоминало детство, Харбин, звон колоколов в церкви, где вел службу отец, гулянья под гармошку российских парней и девчат, приехавших на строительство Китайско-Восточной железной дороги...

В книге «Город на Сунгари» Виктор Петров приводит строки из стихотворения харбинского поэта Алексея Ачаира:

За то, что нас Родина выгнала,
Мы по свету ее разнесли...

Горькие слова. Горькая судьба. Судьба тысячи тысяч людей. Может, и потому обессилела русская земля, что большая ее часть «разнесена по свету». К сожалению, процесс этот и сейчас продолжается. Однако наметилась обратная тенденция: воссоединение русской культуры, искусственно разделенной на части, возвращение в Россию ее духовных и исторических ценностей — картин, икон, книг, рукописей. И хочется поблагодарить Виктора Петрова за то, что он сохранил и возвращает нам некоторые страницы истории нашей общей Родины.

Л. Фомина

БУДУЩЕЕ КИТАЯ В ОЦЕНКЕ УЧЕНЫХ МИРА

В 1991 году впервые советский представитель удостоился чести участвовать в очередной, 364-й по счету международной научной конференции, проводимой академическими кругами и министерством иностранных дел Великобритании в 1946 года. Около 100 ученых, дипломатов, государственных деятелей и журналистов из Австрии, Великобритании, Германии, Голландии, Гонконга, Дании, КНР, Польши, Сингапура, СССР, США, Финляндия, Франции, Швеции, Южной Кореи и Японии приняли участие в дискуссиях на тему «Будущее Китая в меняющемся глобальном и региональном окружении».

Глубокие обсуждения проводились по таким узловым вопросам, как внутреннее положение, экономика, внешняя политика Китая, перспективы его сотрудничества

с внешним миром. В ряду внутренних проблем острую полемику вызвал вопрос о влиянии политической ортодоксии на ситуацию в КНР, о месте и роли КПК в современном китайском обществе. Отмечалось падение авторитета КПК и, как следствие этого, коммунистической идеологии в результате вскрытия многочисленных фактов коррупции и мошенничества руководящих партийных работников и государственных служащих. Подчеркивалось, что продолжение политики реформ будет содействовать дальнейшей либерализации жизни китайского населения.

Экономическое положение Китая, отмечали участники конференции, характеризуется опережающим ростом частного сектора по сравнению с государственным, растущим дефицитом госбюджета и увеличивающимся внешним долгом, достигшим, по некоторым оценкам, примерно трети ВВП. К характерным чертам развития экономики отнесено и медленное увеличение доли государства в национальном доходе, способствующее росту инфляции. Вместе с тем было отмечено, что китайское руководство не утратило чувства реальности в отношениях с внешним миром и будет продолжать свою политику активного экономического сотрудничества с Западом.

Обсуждался и такой важный аспект внутреннего положения, как взаимоотношения между центром и провинциями. В условиях возросшей заинтересованности провинций в экономическом сотрудничестве с внешним миром центральное правительство оказывается не в состоянии не только приостановить, но даже регулировать этот процесс. Надеясь получать часть доходов провинций от такого вида сотрудничества, Центр не препятствует созданию в Китае инфраструктуры, способствующей привлечению иностранного капитала.

Общий тон дискуссии по внешней политике был во многом определен обсуждением вопроса о перспективах развития отношений Китая со странами Восточной Азии в XXI веке, чему способствует нормализация положения в стране после известных событий на площади Тяньаньмынь. Отмечалось, что наиболее активная роль принадлежит Китаю в Северо-Восточной Азии, которая станет регионом наиболее интенсивного развития в следующем столетии.

При обсуждении региональной политики Китая центральное место было отведено вопросам отношений с Гонконгом и Тайванем. В течение последних лет произошла активизация отношений КНР с Гонконгом: в несколько раз возросли взаимная торговля и реэкспорт китайских товаров через Гонконг, при китайском участии образованы новые сектора гонконгской экономики, Китай стал самым крупным инвестором в Гонконге. Что касается политического будущего Гонконга, то там уже не противятся предстоящему присоединению к КНР.

В 80-е годы намечалось сближение Китая и Тайваня по линии неформальных связей (торговля, поездки туристов и бизнесменов и т.д.). Несомненна привлекательность Тайваня для Китая как источника обширных валютных резервов и потенциального инвестора в китайскую экономику. Однако в ближайшие годы не произойдет изменений в политическом статусе Тайваня: он не примет решения о добровольном вхождении в состав КНР, а правительство Китая будет не в состоянии присоединять Тайвань. Вместе с тем следует ожидать дальнейших подвижек в отношениях по разным направлениям, например установление в ближайшее время прямого воздушного сообщения и т.д.

Региональная политика Китая, отмечалось на конференции, наглядно проявляется и на Корейском полуострове. Общеизвестна роль Китая в событиях, имевших здесь место после завершения второй мировой войны. Последние годы были периодом наиболее тесных взаимоотношений между Китаем и КНДР. Достигнута

договоренность об экономической помощи Китая Северной Корее, поставках зерна и сырьевых материалов. В то же время Китай поддерживает торгово-экономические отношения с Южной Кореей. В Сеуле открыто представительство Китайской ассоциации содействия международной торговле, а 56 южнокорейских компаний получили разрешение работать в Китае. В Пекине хотели бы улучшения отношений между Севером и Югом Кореи, но предпочитают занимать осторожную позицию, учитывая, что взаимоотношения между Пхеньяном и Сеулом мало изменились и не произошло отхода от восприятия друг друга как врага.

Характеризуя внешнеэкономическую политику КНР, участники конференции подчеркнули, что ее важной составляющей является поощрение деятельности совместных предприятий, создаваемых иностранным капиталом. К созданию совместных предприятий в Китае западные партнеры подходят с известной осторожностью, полагая, что преодоление бюрократических препятствий еще не гарантирует успеха в этом вопросе. Распространено мнение, что в КНР нет достаточного количества специалистов и что для китайской стороны характерна готовность взваливать всю ответственность на зарубежного партнера.

При рассмотрении проблемы советско-китайских связей было обращено внимание на исторически дружественный, добрососедский характер отношений соседних стран, их стремление к взаимопониманию при решении возникающих вопросов. Нормализация отношений в ходе визита в КНР М.С.Горбачева в 1989 г., развитие торговли, экономического и научно-технического сотрудничества, конструктивный подход к решению вопросов пограничного размежевания, сходство позиций по многим вопросам международной политики — все это помогает двум странам определить свою роль и место в политической инфраструктуре современного мира. Отмечалось, что события, происходящие в настоящее время в Китае, во многом определяются перестроечными процессами в соседней стране и прежде всего в политической жизни ее общества. Предоставление Китаем советской стороне крупного кредита открывает новые возможности экономического сотрудничества между районами советского Дальнего Востока и КНР.

В китайско-американских отношениях также произошли позитивные сдвиги после событий на площади Тяньаньмынь. В США понимают заинтересованность Китая в получении американской высокой технологии и современного оборудования и хотели бы сохранять и поддерживать нормальные отношения с КНР во всех сферах.

При рассмотрении подхода Китая к процессам, происходящим в странах Восточной Европы, отмечалось, что в этом вопросе идеология уже не играет главной роли. Китай не навязывает свои варианты развития и старается не ухудшать отношения с этими государствами.

При подведении итогов конференции было подчеркнуто, что в последние годы вырос авторитет Китая в решении международных вопросов, в частности ему принадлежит важная роль в завершении войны и урегулировании ситуации в Персидском заливе, в урегулировании камбоджийской проблемы. В то же время международное положение Китая во многом осложняется тем, что он одновременно является и ядерной державой, и экономически слаборазвитой страной. Его экономические трудности усугубляются тем, что в странах Запада находятся в эмиграции тысячи китайских интеллектуалов, в знаниях и опыте которых Китай очень нуждается.

С.Н.Гончаренко,
кандидат исторических наук
Уилтон-парк — Москва

ПАМЯТИ ДЖ.К.ФЭРБЭНКА

14 сентября 1991 года в возрасте 84 лет ушел из жизни старейший американский историк-китаевед профессор Джон Кинг Фэрбэнк, основатель и многолетний руководитель исследовательского центра по Восточной Азии при Гарвардском университете.

Дж.К.Фэрбэнк родился 24 мая 1907 г. в городе Хьюра (штат Южная Дакота). По окончании средней школы продолжал учебу в Висконсинском университете, затем в Гарвардском университете и в Баллиол-колледже Оксфордского университета. В 1932 г. был направлен для совершенствования в китайском языке в Бэйпин, где одновременно преподавал в университете Цинхуа и совершенствовал свои знания в области истории Китая. После 4-летнего пребывания в Китае связал свою преподавательскую и научную деятельность с Гарвардским университетом. Во время второй мировой войны был призван на службу в американскую стратегическую разведку — Бюро стратегической службы (ОСС) и находился в столице сражавшегося Китая — Чунцине — в качестве специального помощника посла США, а с 1945 по 1946 г. — директора китайского бюро Американской Информационной службы (ЮСИС). По возвращению в США всецело посвятил себя преподавательской и научной деятельности, опубликовав ряд трудов по истории Китая нового времени, американско-китайских отношений, американской миссионерской и торговой деятельности в Китае. В течение 18 лет (1955 — 1973) был директором исследовательского центра Восточной Азии Гарвардского университета, ныне носящего его имя. Он воспитал большое число талантливых американских китаеведов, был увенчан многими академическими наградами, пользовался непреклонным авторитетом в среде специалистов по истории и политике Китая. В годы разгула маккартизма в США подвергался нападкам и гонениям за объективную оценку событий в Китае и резкую критику коррупции и антинародной политики гоминьдановских властей.

Дж.К.Фэрбэнк поддерживал дружественные научные контакты с китайскими историками, а также с советскими китаеводами, дважды бывал в нашей стране на научных конференциях, выступал за улучшение отношений между США и Россией, отмечая, что «в нашей истории в Азии у нас куда больше общего, чем мы себе до сих пор представляли... Поскольку мы разделяем одну и ту же главную заботу — выживание, — мы должны стремиться к тому, чтобы относиться друг к другу самым наилучшим образом». Он признавал важность изучения более чем 300-летней истории русско-китайских отношений и рекомендовал своим студентам изучать русский язык для того, чтобы иметь возможность пользоваться русскоязычными материалами и документами.

Мировое китаеведение понесло большую утрату. Китаеведы России выражают свое глубокое соболезнование вдове покойного Вильме Фэрбэнк и своим американским коллегам в связи с кончиной этого талантливого и плодовитого ученого.

Академик С.Л.Тихвинский

Министерство связи СССР
«Союзпечать»

газету **70758**
на журнал (индекс издания)
АБОНЕМЕНТ на журнал
Проблемы Дальнего Востока
(наименование издания) Количество комплектов: _____

на 19 92 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
-	-	-	-	-	-	X	X	X	X	X	X

Куда _____
(почтовый индекс) (адрес)

Кому _____
(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

газету **70758**
на журнал (индекс издания)
Проблемы Дальнего Востока
(наименование издания)

ПВ	место	ли-тер
----	-------	--------

Стоимость подписки _____ руб. _____ коп.
пере-адресовки _____ руб. _____ коп.

Количество комплектов: _____

на 19 94 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
-	-	-	-	-	-	X	X	X	X	X	X

Куда _____
(почтовый индекс) (адрес)

Кому _____
(фамилия, инициалы)

ЛР № 060775 от 25.2.1992г. Подписано в печать 7.04.92г. Формат 60x84¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.печ.л. 11,16. Усл.кр.-отт 11,16.
Уч.-издат.л. 16,07 Тираж 12687 экз. Заказ 2130
Цена 8 р. 40 к.

Акционерное общество «Издательская группа «Прогресс»
119817, ГСП, Москва, Г-21, Zubовский бульвар, 17.

Производственно-издательский комбинат ВИНТИ. 140010, Московская обл.
Люберцы-10, Октябрьский проспект, 403

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонемента должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонемента проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Союзпечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Союзпечати.

САМЫЙ КРУПНЫЙ БАНК, КОТОРЫЙ ПРЕДСТАВЛЯЕТ 13 ОТДЕЛЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ КРАЯ.

Участвует своим капиталом в развитии государственных программ
и является учредителем Ассоциации банков дальневосточного региона

НАШ БАНК

**Предоставляет кредиты
на взаимовыгодных условиях**

**Финансирует
государственные капитальные вложения**

**Дальневосточный акционерный инвестиционно-коммерческий
ПРОМСТРОЙБАНК**

**Проводит
факторинговые и лизинговые, маркетинговые операции**

**Помогает
предприятиям, организациям и кооперативам эффективно разместить
временно свободные средства**

Принимает вклады населения
Гарантирует клиентам высокий уровень расчетно-кассового
обслуживания, осуществление выгодных форм расчетов
с применением современных средств вычислительной техники и связи
Открывает валютные счета и осуществляет операции по покупке
валюты

НАШИ ОТДЕЛЕНИЯ:

Троицкое, Амурское, Лазаревское, Солнечное, Николаевское,
Богородское, Совгаванское, Переяславское, Верхнебурейское в п.г.т.
Чегдомын, Индустриальное и Кировское в г.Хабаровске
к ВАШИМ УСЛУГАМ !

ДАЛЬПРОМСТРОЙБАНК-

**это надежное и выгодное сотрудничество
с предприятиями, организациями и гражданами**

Наш адрес: 680000, г. Хабаровск, ул. Карла Маркса, 21

Телефоны: 33-01-29, 33-05-25, 33-65-88

Телефакс: 33-25-40, 33-65-88

Телетайп: 141155/ БАНК